

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Юридический факультет

на правах рукописи

Алёнкин Никита Евгеньевич

СИСТЕМА ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСТАВОВ УБИЙСТВА В УГОЛОВНОМ
ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное
право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель –

доктор юридических наук, профессор Н.Е. Крылова

Москва, 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Привилегированные составы убийства: понятие, сущность, общая характеристика.....	16
§ 1. Привилегированные составы убийства в системе составов убийства в уголовном праве России и отдельных зарубежных государств	16
§ 2. Общая характеристика привилегированных составов убийства в УК РФ.....	29
§ 3. Критерии привилегизации убийства	52
Глава 2. Убийство матерью новорожденного ребенка (детоубийство).....	74
§ 1. Уголовная ответственность за детоубийство: исторический и сравнительно-правовой аспекты	74
§ 2. Проблема обоснованности привилегированной ответственности за детоубийство в уголовном праве современной России.....	89
§ 3. Уголовно-исполнительный и уголовно-политический аспекты ответственности за детоубийство.....	141
Глава 3. Убийство по просьбе потерпевшего и проблема расширения системы привилегированных составов убийства в уголовном праве Российской Федерации.....	153
Заключение.....	191
Приложение. Система привилегированных составов убийства в УК РФ в авторской редакции.....	197
Список литературы.....	199

Введение

Актуальность темы исследования. Одной из концептуальных основ Конституции Российской Федерации является признание человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2). Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не может не соответствовать духу и букве Основного закона страны. На первое место среди задач УК РФ в статье 2 поставлена охрана прав и свобод человека и гражданина, а Особенная часть УК РФ открывается разделом VII «Преступления против личности», который, в свою очередь, начинается со статей о преступлениях против жизни и здоровья.

Таким образом, главным приоритетом уголовно-правовой охраны выступает жизнь человека. Об этом свидетельствует не только место расположения преступлений против жизни в структуре Особенной части УК РФ. Достаточно сказать, что согласно ст. 20 Конституции РФ и ст. 59 УК РФ смертная казнь может быть установлена только за преступления против жизни, или, по терминологии УК РФ, «посягающие на жизнь». УК РФ предусматривает смертную казнь за 5 преступлений (ч. 2 ст. 105, ст. ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ). Все эти преступления посягают на жизнь, даже если жизнь выступает дополнительным (обязательным или факультативным) объектом преступления. В то же время за самые опасные преступления против интересов государства (ст. 275, 276 УК РФ) не предусмотрено даже пожизненное лишение свободы. Косвенным подтверждением идеи приоритета уголовно-правовой охраны человеческой жизни может служить и ч. 1 ст. 82 УК РФ, которая запрещает применять отсрочку отбывания наказания в отношении осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности.

Отношение к человеку как высшей социальной ценности влечет признание убийства – противоправного умышленного лишения другого человека жизни – самым тяжким преступлением. Убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст.

105) и другие преступления, посягающие на жизнь (ст. 277, 295, 317, 357), по УК РФ являются самыми опасными преступлениями. Даже «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), совершенное при отсутствии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, настолько общественно опасно, что отнесено законодателем к категории особо тяжких преступлений.

В то же время законодатель делает изъятия из этого правила, устанавливая за некоторые виды убийства существенно пониженную («привилегированную») наказуемость. В этом случае речь идет о «привилегированном» составе убийства. «Убийство, – писал С.В. Познышев, – бесспорно составляет одно из тяжких преступлений. ... Совершение его объективирует нравственную недоразвитость или порочность, требующую серьезной реакции со стороны государства. Однако бывают такие состояния или положения человека, при которых совершение убийства не имеет обычного значения и вовсе не дает права видеть в человеке такого злодея, к которому могли бы быть применены меры, предназначенные для обыкновенных убийц»¹.

Система привилегированных составов убийства, предусмотренная УК РФ, имеет существенные отличия по сравнению как с русским дореволюционным, так и советским уголовным правом. К числу привилегированных составов убийства, известных ранее действовавшему законодательству (УК РСФСР 1960 г.), УК РФ добавил убийство матерью новорожденного ребенка, или детоубийство (ст. 106), и убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108). При этом в новом Кодексе не нашлось место такому привилегированному составу, как убийство по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания, который был предусмотрен в Уголовном уложении 1903 года.

Не все нормы УК РФ об ответственности за привилегированные составы убийства заслуживают положительной оценки. Некоторые из указанных норм обуславливают назначение за совершение убийства наказаний, не соответствующих характеру

¹ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. М., 1912. С. 48-49.

и степени общественной опасности содеянного, и не согласуются с такими принципами УК РФ, как равенство граждан перед законом (ст. 4) и, особенно, принцип справедливости (ст. 6). В первую очередь это связано с несовершенством предусмотренной главой 16 УК РФ системы привилегированных составов убийства. Так, нельзя признать удачным решение законодателя включить в число указанных составов убийство матерью новорожденного ребенка (детоубийство) и отказаться от закрепления в качестве привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания. Несвершенство системы привилегированных составов убийства предопределяет необходимость ее пересмотра и реформирования.

Актуальность темы настоящего диссертационного исследования связана и с относительно большой распространенностью в судебной практике убийств вообще и привилегированных составов убийства в частности. Показатели убийств в Российской Федерации, к сожалению, продолжают оставаться высокими. Вызывает сожаление и то, что в структуре всех убийств преобладают «простое» убийство (ч. 1 ст. 105) и квалифицированные виды убийства (ч. 2 ст. 105). Так, в 2014 и 2015 гг. по ч. 1 ст. 105 осуждено соответственно 7303 и 7190 лиц, по ч. 2 ст. 105 – 1946 и 1877, ст. 106 – 42 и 45, ч. 1 ст. 107 – 119 и 91, ч. 2 ст. 107 – 4 и 3, ч. 1 ст. 108 – 389 и 340, ч. 2 ст. 108 – 2 и 5. За первое полугодие 2016 г. по ч. 1 ст. 105 осуждено 3373 лица, по ч. 2 ст. 105 – 959, ст. 106 – 28, ч. 1 ст. 107 – 32, ч. 2 ст. 107 – 1, ч. 1 ст. 108 – 134, ч. 2 ст. 108 – 2¹.

Таким образом, актуальность избранной темы диссертационного исследования обусловлена:

- высокой значимостью такого объекта уголовно-правовой охраны, как человеческая жизнь, стоящая на первом месте в иерархии охраняемых уголовным законом ценностей;

¹ Данные судебной статистики с официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в сети «Интернет»: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

- высокими показателями и распространенностью убийств в судебной практике;

- наличием недостатков предусмотренной уголовным законодательством РФ системы привилегированных составов убийства и, следовательно, необходимостью разработки предложений по ее совершенствованию и внесению изменений в УК РФ.

Степень разработанности темы. Преступления против жизни и, в частности, убийство исследовались многими дореволюционными, советскими и современными российскими учеными: М.К. Анианцем, М.И. Бажановым, Г.Н. Борзенковым, С.В. Бородиным, А.А. Жижиленко, Н.И. Загородниковым, А.И. Коробеевым, А.Н. Красиковым, А.В. Наумовым, Н.А. Неклюдовым, А.А. Пионтковским, Э.Ф. Побегайло, С.В. Познышевым, А.Н. Поповым, Б. Сарыевым, В.В. Сташисом, Н.С. Таганцевым, В.И. Ткаченко, И.Я. Фойницким, М.Д. Шаргородским и другими.

Отдельным привилегированным видам убийства в большей или меньшей степени посвящены уголовно-правовые и криминологические труды Ю.М. Антоняна, М.М. Боровитинова, Н.Г. Вольдимаровой, М.Н. Гернета, Л.И. Глухаревой, Е.И. Грубовой, О.С. Капинус (Ивченко), А.Л. Карасовой, В.Ф. Кириченко, Н.Е. Крыловой, Е.Б. Кургузкиной, С.Ф. Милюкова, Т.Ю. Орешкиной, С.В. Пархоменко, Е.В. Пуляевой, Б.В. Сидорова, И.И. Слуцкого, С.М. Старых, Л.И. Тиминой, И.С. Тишкевича, М.И. Якубовича и других авторов.

Привилегирующим признакам состава преступления как средству дифференциации уголовной ответственности, в том числе за преступления против жизни, критериям конструирования привилегированных составов посвящены работы А.В. Васильевского, М.Н. Каплина, В.В. Карлова, А.Б. Кирюхина, В.Н. Кудрявцева, Л.Л. Кругликова, Т.А. Лесниевски-Костаревой (Костаревой), А.Н. Трайнина и других ученых.

В настоящее время практически отсутствуют исследования, посвященные привилегированным составам убийства в целом. Исключениями могут служить кандидатские диссертации Ю.Н. Крутова («Убийство при смягчающих обстоятельствах по

советскому уголовному праву». М., 1967) и С.В. Тасакова («Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах по уголовному праву России». Чебоксары, 2000). В этих работах предприняты попытки подробно рассмотреть все привилегированные составы убийства и дать их развернутую уголовно-правовую характеристику. В отличие от указанных авторов, мы в диссертации не ставим такую цель. Детальный анализ всех четырех привилегированных составов убийства по действующему УК РФ, раскрытие их объективных и субъективных признаков, рассмотрение проблем их квалификации в рамках кандидатской диссертации представляются практически невозможной задачей. Мы стремились в первую очередь дать научную оценку обоснованности существующей в настоящее время в России системы привилегированных составов убийства.

Всестороннее изучение привилегирующих признаков убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) позволило автору сделать вывод об их несоответствии требованиям, предъявляемым в науке к привилегирующим признакам состава преступления, в том числе требованию об обязательном влиянии на существенное уменьшение степени общественной опасности привилегированного состава по сравнению с основным составом (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

В то же время автором выявлено наличие объективных предпосылок привилегизации убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания.

Поэтому основное внимание в диссертации уделяется составу убийства матерью новорожденного ребенка (детоубийства), который целесообразно исключить из УК РФ, и убийству по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания, которое законодатель неоправданно не включил в число привилегированных составов убийства.

Целями диссертационного исследования являются научная оценка обоснованности системы привилегированных составов убийства в УК РФ, подготовка предложений по ее совершенствованию и внесению изменений в УК РФ, а также выработка рекомендаций правоприменителю.

Для достижения названных целей поставлены следующие **задачи**:

- анализ норм дореволюционного, советского и зарубежного уголовного права, предусматривающих дифференцированную ответственность за убийство;
- изучение уголовно-правовой доктрины, касающейся привилегированных составов убийства, а также криминологической, медицинской и иной литературы по вопросам, относящимся к теме исследования;
- обобщение и анализ актуальной следственно-судебной практики, а также следственно-судебной практики прошлых лет, относящейся к проблемам, затрагиваемым в работе;
- изучение требований, которым должны соответствовать обстоятельства, «претендующие» на закрепление в качестве привилегирующих признаков состава преступления (критериев отбора законодателем обстоятельств для их закрепления в качестве таких признаков);
- оценка соответствия указанным требованиям привилегированных составов убийства, предусмотренных УК РФ;
- исследование обстоятельств, положенных законодателем в основу привилегированной наказуемости отдельных видов убийства;
- оценка обоснованности отнесения (или неотнесения) российским законодателем тех или иных видов убийства к привилегированным;
- рассмотрение вопросов дополнения УК РФ новыми привилегированными составами убийства и исключения существующих составов убийства.

Объектом диссертационного исследования являются привилегированные составы убийства в уголовном праве России, вопросы их законодательной регламентации и проблемы правоприменительной практики по делам о привилегированных составах убийства.

Предметом исследования выступают положения УК РФ 1996 г., устанавливающие ответственность за привилегированные составы убийства, аналогичные положения уголовного законодательства зарубежных стран, положения отечественного уголовного законодательства дореволюционного и советского периодов, научная и

учебная литература по исследуемой проблематике, материалы опубликованной и неопубликованной судебной практики, статистические данные и результаты социологических исследований, в том числе по проблемам насильственной и женской преступности.

Методологической основой диссертационного исследования послужили теоретические положения диалектического материализма как общенаучного метода познания явлений и процессов. Методика исследования включает ряд частнонаучных методов, в том числе методы исторического, системно-структурного, технико-юридического, логического и сравнительно-правового анализа.

Теоретическую основу исследования составили труды как вышеназванных авторов, так и других специалистов в области уголовного права, криминологии, истории права, медицины и психологии.

Нормативной базой исследования являются нормы отечественного дореволюционного, советского и современного российского уголовного права, а также нормы уголовного права отдельных зарубежных стран. В необходимых случаях диссертант обращается к нормам конституционного права, уголовно-процессуального права, семейного права и к нормативным правовым актам в области охраны здоровья граждан.

Эмпирической базой исследования являются приговоры и иные судебные акты по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105-108 УК РФ, и других преступлениях, постановления Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда РСФСР и Верховного Суда РФ, материалы обобщения судебной практики, проекты федеральных законов, данные официальной статистики по уголовным делам об убийстве (ст. 105-108 УК РФ).

Автором исследованы материалы судебной практики более 2/3 субъектов Российской Федерации по 120 делам об убийстве матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) за 2007-2016 годы.

При подготовке диссертации изучены результаты эмпирических исследований, проведенных другими учеными, а также материалы средств массовой информации, включая Интернет-издания.

Научная новизна диссертации состоит в том, что автором впервые в современной науке уголовного права осуществлен анализ системы привилегированных составов убийства в УК РФ на предмет ее уголовно-правовой и судебно-практической обоснованности, соответствия критериям отбора обстоятельств для их закрепления в качестве привилегирующих признаков состава, принципам уголовного права, тенденциям уголовной политики, а также сформулированы научно аргументированные предложения по ее совершенствованию и внесению изменений в УК РФ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Система привилегированных составов убийства должна соответствовать выработанным в науке уголовного права критериям привилегизации преступлений, то есть критериям отбора обстоятельств, «претендующих» на закрепление в законе в качестве привилегирующих признаков состава преступления. Перечень критериев привилегизации сформулирован в диссертации в авторской редакции и включает новый критерий: «Привилегирующий признак состава должен быть согласован с иными нормами, институтами и принципами уголовного права, а также с другими привилегирующими и квалифицирующими признаками и логикой их законодательной регламентации». Проведена оценка соответствия указанным критериям привилегированных составов убийства, предусмотренных УК РФ, а также составов убийства, которые предлагается отнести к привилегированным в научной литературе, включая убийство по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания.

2. Выделение российским законодателем убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), и убийства, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108

УК РФ), в качестве привилегированных составов убийства является обоснованным и соответствующим критериям привилегизации.

Вместе с тем необходимо повысить наказуемость названных преступлений и тем самым перевести их из категории преступлений небольшой тяжести в категорию преступлений средней тяжести, что больше соответствует степени общественной опасности данных видов убийства и задаче приоритетной уголовно-правовой охраны жизни человека. Данная мера позволит отказаться от предусмотренного ч. 2 ст. 107 УК РФ «квалифицированного привилегированного состава» (убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта) и избежать неоправданного усложнения системы привилегированных составов убийства.

3. Изучение материалов судебной практики показало, что убийство матерью новорожденного ребенка в подавляющем большинстве случаев совершается с заранее обдуманном умыслом и не обусловлено связанным с родами тяжелым психофизическим состоянием матери, которое, как принято считать в науке, послужило основной причиной отнесения законодателем данного вида убийства к привилегированным. Кроме того, в любом детоубийстве очевидны, по меньшей мере, три отягчающих обстоятельства, используемых законодателем в других случаях в качестве средства дифференциации уголовной ответственности за убийство и индивидуализации наказания: 1) совершение убийства в отношении малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ); 2) совершение преступления в отношении беззащитного лица, находящегося в зависимости от виновной (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ); 3) совершение преступления родителем в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Указанные особенности не позволяют говорить о существенном снижении степени общественной опасности детоубийства по сравнению с «простым» убийством (ч. 1 ст. 105 УК РФ), являющемся главным критерием привилегизации убийства.

4. Отнесение детоубийства к привилегированным составам противоречит принципу равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), принципу справедливости

(ч. 1 ст. 6 УК РФ), требованиям закона об учете малолетнего возраста потерпевшего как квалифицирующего признака убийства (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и об учете в качестве отягчающих обстоятельств, предусмотренных п.п. «з» и «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, а также тенденциям усиления уголовно-правовой охраны несовершеннолетних. Выявленные противоречия свидетельствуют о несоответствии привилегированного характера детоубийства сформулированному автором критерию привилегизации, заключающемуся в том, что привилегирующий признак состава должен быть согласован с иными нормами, институтами и принципами уголовного права, а также с другими привилегирующими и квалифицирующими признаками и логикой их законодательной регламентации.

5. На основе изучения отечественной истории института уголовной ответственности за детоубийство, зарубежного опыта регламентации этого института, собственного криминологического исследования, анализа материалов актуальной судебной практики и новейшей статистической информации, рассмотрения признаков состава данного преступления сквозь призму уголовно-правовых принципов и уголовной политики Российской Федерации, а также на основе выявленных противоречий в регулировании уголовной ответственности за детоубийство, автором обосновано предложение об исключении из УК РФ статьи 106 «Убийство матерью новорожденного ребенка». В случае реализации данной меры детоубийство необходимо будет оценивать как квалифицированный состав убийства («убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека» – п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

6. В работе приведена полученная автором в результате обобщения судебной практики и официальных статистических данных новая информация, касающаяся назначения наказания женщинам, осужденным за детоубийство, освобождения их от уголовного наказания, в частности, предоставления отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ). Так, детоубийство в большинстве случаев рассматривается в особом порядке (глава 40 УПК РФ) в связи с согласием обвиняемой с предъявленным ей об-

винением; при осуждении виновных по ст. 106 УК РФ наказание обычно назначается по правилам, предусмотренным ч. 1 ст. 62 УК РФ; примерно в половине случаев суд не назначает виновным реального лишения свободы; при этом срок лишения свободы с реальным отбыванием наказания в большинстве случаев является небольшим и, как правило, не превышает двух лет.

7. Отнесение убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания к убийству (ст. 105 УК РФ) нарушает принцип справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ) и не учитывает, что этот вид убийства не относится к насильственным преступлениям, его мотивы и цели не являются низменными и антиобщественными. Это свидетельствует о соответствии данного преступления главному критерию привилегизации убийства, что обуславливает необходимость рассмотрения вопроса о введении в УК РФ нового привилегированного состава – убийства по просьбе потерпевшего, совершенного по мотиву сострадания.

8. На основе изучения материалов актуальной судебной практики по делам об убийстве по просьбе потерпевшего, совершенном по мотиву сострадания, анализа доктринальных источников и критической оценки ранее предложенных проектов, относящихся к конструированию нового привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего и (или) по мотиву сострадания, а также имеющегося зарубежного опыта по рассматриваемой проблеме были выявлены и исследованы необходимые криминообразующие признаки нового привилегированного состава убийства, которые предлагается закрепить в новой статье УК РФ:

«Статья 105¹. Убийство по просьбе потерпевшего

Убийство заведомо неизлечимо больного лица по его добровольно и ясно выраженной настойчивой просьбе с целью избавления данного лица от вызванных неизлечимой болезнью тяжелых физических страданий, совершенное по мотиву сострадания, - наказывается...».

9. Дальнейшее расширение системы привилегированных видов убийства, в том числе за счет введения таких новых привилегированных составов, как убийство, со-

вершенное при превышении пределов крайней необходимости, убийство, совершенное «при превышении пределов обоснованного риска», и убийство безнадежно больного новорожденного из чувства сострадания, является нецелесообразным.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для совершенствования уголовного законодательства, в преподавательской и научной деятельности, в том числе при дальнейшей разработке темы исследования.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты работы могут быть использованы в следственно-судебной практике и при подготовке соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается:

- применением комплекса общенаучного и частнонаучных методов познания, составивших методику исследования;
- глубиной теоретической базы исследования;
- высокой степенью репрезентативности изученных материалов судебной практики и статистической информации.

Апробация результатов исследования. Положения диссертационного исследования апробированы в выступлениях автора на трех международных научных конференциях: Международном молодежном научном форуме «ЛОМОНОСОВ-2013», Четвертых Харьковских уголовно-правовых чтениях (16-17 мая 2014 г.) и «Кузнецовских чтениях», посвященных теме «Роль уголовного права в обеспечении прав и свобод человека» (23 ноября 2016 г.), а также в процессе преподавания автором на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова дисциплин «Уголовное право» и «Криминология».

Диссертация обсуждена и одобрена на кафедре уголовного права и криминологии юридического факультета Московского университета имени М.В. Ломоносова.

Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования содержатся в шести научных публикациях автора, включая три публикации в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных исследований.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 6 параграфов, заключения, приложения и списка литературы.

Глава 1. Привилегированные составы убийства: понятие, сущность, общая характеристика

§ 1. Привилегированные составы убийства в системе составов убийства в уголовном праве России и отдельных зарубежных государств

В уголовно-правовой литературе распространен подход, в соответствии с которым для обозначения однородной совокупности норм о той или иной группе преступлений используется понятие «система»¹.

Слово «система» (от греч. *systema* - целое, составленное из частей; соединение) является многозначным. В словаре С.И. Ожегова приводится семь значений этого слова. Применительно к системе преступлений рассматриваемый термин необходимо использовать в значении «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей»².

Одним из основных принципов системы выступает иерархичность: каждый компонент системы в свою очередь может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы³. С этой точки зрения система составов убийства может рассматриваться как один из компонентов системы составов преступлений против жизни, а последняя - как компонент, или подсистема, более широкой системы преступлений против личности и т.д. В свою очередь, система составов убийства также может рассматриваться как состоящая из нескольких подсистем (компонентов).

Законодатель в главе 16 УК РФ предусмотрел различные составы убийства, образующие целостную систему уголовно-правовых норм. Основным составом убийства выступает «простое» убийство (ч. 1 ст. 105) – убийство, совершенное при

¹ См., напр.: *Шахрай С.С.* Система преступлений в сфере компьютерной информации: сравнительно-правовой, социолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юр. наук. М., 2010. С. 33-34.

² <http://www.ozhegov.org/words/32490.shtml>

³ Большая советская энциклопедия. Том 23. М., 1976. С. 463.

отсутствии каких-либо отягчающих или смягчающих обстоятельств. Частью 2 той же статьи предусмотрены составы убийства с отягчающими обстоятельствами. Наконец, в ст. 106-108 УК РФ установлена ответственность за менее опасные случаи убийства – убийства со смягчающими обстоятельствами.

Отягчающие и смягчающие обстоятельства, закрепленные в нормах ч. 2 ст. 105, ст. 106, ч. 1 ст. 107, ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, придают указанным нормам характер специальных по отношению к норме об убийстве без отягчающих и смягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Частью 3 ст. 17 УК РФ установлено правило конкуренции общей и специальной норм: если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, уголовная ответственность наступает по специальной норме; совокупность преступлений в этом случае отсутствует. Один из основоположников учения о квалификации преступлений В.Н. Кудрявцев одной из причин конструирования законодателем специальных норм называл необходимость уточнить, конкретизировать **степень общественной опасности** некоторых преступлений и соответственно предусмотреть санкцию строже или мягче, чем в общей норме¹. Существование специальной нормы наряду с общей нормой, как считал В.Н. Кудрявцев, имеет практический смысл тогда, когда эта специальная норма как-то иначе решает вопросы уголовной ответственности по сравнению с общей нормой (например, о виде и размере наказания)².

Конкуренция между составом простого убийства и составами убийств со смягчающими обстоятельствами (ст. 106, ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108 и ч. 2 ст. 108 УК РФ) – как и конкуренция состава простого убийства с составами убийств с отягчающими обстоятельствами – относится к конкуренции норм о составах одного и того же преступления **в зависимости от степени общественной опасности**³.

Составы преступлений с отягчающими обстоятельствами называют также «квалифицированными», а составы преступлений со смягчающими обстоя-

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. С. 218.

² Там же.

³ Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права: дис. ... докт. юр. наук. М., 1999. С. 74.

ми – «привилегированными»¹. Сами отягчающие и смягчающие обстоятельства в таких случаях называют соответственно квалифицирующими и привилегирующими признаками состава преступления.

Отягчающие и смягчающие обстоятельства, которые включены в состав преступления и влияют на квалификацию деяния (квалифицирующие и привилегирующие обстоятельства), необходимо отличать от тех, которые лежат вне состава преступления, но учитываются при индивидуализации наказания, – собственно отягчающие и смягчающие обстоятельства² (ст. 61 и 63 УК РФ). В УК РСФСР 1960 г. термин «отягчающие обстоятельства» широко употреблялся в обоих значениях. В частности, ст. 103 УК РСФСР устанавливала ответственность за «умышленное убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств, указанных в статье 102 настоящего Кодекса». В действующей редакции УК РФ 1996 г. в значении квалифицирующих признаков этот термин используется лишь в ч. 2 ст. 20, согласно которой уголовная ответственность за «умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 167)» и за «хулиганство при отягчающих обстоятельствах (части вторая и третья статьи 213)» наступает с четырнадцатилетнего возраста.

Ряд исследователей считают использование термина «привилегированное убийство» неприемлемым с нравственно-этических позиций³. Но предлагаемое взамен словосочетание «убийство со смягчающими обстоятельствами»⁴ является еще менее удачным, поскольку под таким убийством может пониматься и квалифицированное убийство, совершенное при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ, т.е. при наличии собственно смягчающих обстоятельств.

¹ См., напр.: *Жижиленко А.А.* Преступления против личности. М. – Л., 1927. С. 17, 25; *Красиков А.Н.* Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. С. 56, 92.

² *Карпец И.И.* Отягчающие и смягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. М., 1959. С. 25.

³ *Точный М.Д.* Ответственность за убийство, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Тольятти, 2009. С. 25; *Грубова Е.И.* Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы ответственности в российском и зарубежном уголовном законодательстве. Н. Новгород, 2009. С. 53;

Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Уголовная ответственность за убийство. М., 2014. С. 130.

⁴ *Грубова Е.И.* Указ. соч. С. 53.

Например, убийство, совершенное из хулиганских побуждений несовершеннолетним, - это убийство со смягчающими обстоятельствами (точнее, обстоятельством – п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Тем не менее, речь в этом случае идет о квалифицированном убийстве (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В этой связи следует, пожалуй, согласиться с предложением во избежание терминологической путаницы именовать отягчающие и смягчающие обстоятельства, названные в конкретных статьях Особенной части УК РФ, квалифицирующими и привилегирующими признаками¹ (или обстоятельствами). Составы же преступлений, содержащие квалифицирующие или привилегирующие признаки, целесообразно именовать соответственно квалифицированными и привилегированными составами, а не составами с отягчающими или смягчающими обстоятельствами².

Между двумя рассматриваемыми видами обстоятельств существуют не только терминологические различия. Как уже было отмечено, обстоятельства, указанные в ст. 61 и 63 УК РФ, учитываются **при назначении наказания** и способствуют выполнению функции **индивидуализации наказания**. Квалифицирующие и привилегирующие же обстоятельства учитываются **при квалификации преступления** и рассматриваются в качестве средства **дифференциации уголовной ответственности**³.

Дифференциация уголовной ответственности в специальной литературе определяется как «градация, разделение, расслоение ответственности в уголовном за-

¹ *Огородникова Н.В.* Некоторые аспекты совершенствования законодательной регламентации привилегированных составов преступлений в российском уголовном законе. // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции 29-30 января 2004 г. С. 124-126.

² В литературе употребление таких часто встречающихся слов, как «привилегированное», «простое», «квалифицированное» (применительно к убийствам и иным преступлениям) без кавычек стало привычным. По этой причине, а также потому, что в тексте работы эти слова используются многократно, мы будем употреблять их и однокоренные с ними слова без кавычек.

³ *Кругликов Л.Л., Васильевский А.В.* Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... докт. юр. наук. М., 1999; *Огородникова Н.В.* Некоторые аспекты совершенствования законодательной регламентации привилегированных составов преступлений в российском уголовном законе. // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции 29-30 января 2004 г. С. 122-126. *Ее же.* Привилегированные составы в системе преступлений против жизни и здоровья. // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. С. 324-328.

коне, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности виновного»¹. В качестве одного из видов дифференциации уголовной ответственности Т.А. Лесниевски-Костарева выделяет дифференциацию путем градации типового наказания, которая осуществляется, в том числе, с помощью привилегирующих признаков состава преступления². М.Н. Каплин считает, что дифференциация ответственности является единственной функцией привилегирующих признаков состава³.

Как отмечает Н.Ф. Кузнецова, с помощью квалифицирующих и привилегирующих признаков законодатель определяет «типизированную» степень общественной опасности. В зависимости от типизированной степени общественной опасности преступления подразделяются законодателем на простые, квалифицированные и привилегированные⁴.

Таким образом, привилегирующие признаки состава убийства, закрепленные в ст. 106, ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, равно как и квалифицирующие признаки, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ, выполняют функцию дифференциации уголовной ответственности за убийство в зависимости от степени общественной опасности содеянного.

Дифференциация ответственности за убийство в зависимости от тяжести, или общественной опасности, содеянного встречается уже в древнейших памятниках русского права. Так, Русская Правда предусматривала за убийство в разбое высшую меру наказания – поток и разграбление, а за убийство «в сваде» (драке) или «в пиру» – только виру (штраф). Различие в наказании этих двух видов убийства исследователи объясняют тем, что убийство в разбое носило низменный характер, а убийство «в

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 76.

² Там же. С. 15.

³ Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юр. наук. Ярославль, 2003. С. 39.

⁴ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 72-73.

сваде или в пиру» хоть как-то могло быть оправдано с моральной точки зрения¹. Устав Владимира Мономаха, т.е. вторая часть Пространной редакции Русской Правды, за убийство женщины устанавливала виру в том же размере, что и за убийство мужчины (полную виру), однако если убитая своим поведением вызвала ссору и последующее убийство, то взималось полвиры².

В Русской Правде присутствуют зачатки представлений об условиях правомерности необходимой обороны: позволялось убить вора, пойманного на месте преступления, но запрещалось убийство после его задержания, когда вор уже не представляет опасности³.

Кроме того, ответственность за убийство по Русской Правде существенно различалась в зависимости от социальной принадлежности потерпевшего. За убийство основной массы свободных людей предусматривалась вира в 40 гривен. Жизнь «княжа мужа» или «княжа тиуна» оценивалась двойной вирой - 80 гривен, жизнь же зависимых людей - в 12 и 5 гривен, которые даже не назывались вирой⁴.

Русская Правда признавалась источником уголовно-правовых норм в Северо-Восточной Руси, а затем в Русском государстве вплоть до конца XIV века⁵. Совершенно очевидно, что на этом этапе развития права нельзя говорить ни о системе составов убийства, ни об их дифференциации на основной состав, квалифицированные и привилегированные составы. Само понятие состава преступления еще не было разработано. Несмотря на огромное значение Русской Правды для своего времени, уровень юридической техники этого памятника права был достаточно низким. Русская Правда не знала деления на Общую и Особенную часть, построение материала было весьма казуистичным, отсутствовала сколько-нибудь развитая классификация

¹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 484-485; История отечественного государства и права. Часть 1. / Под ред. О.И. Чистякова. Электронный ресурс: доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Юшков С.В. Указ. соч. С. 498-499.

³ Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 210.

⁴ Юшков С.В. История государства и права России (IX-XIX вв.). Ростов-н/Д, 2003. С. 372-373; История отечественного государства и права. Часть 1. / Под ред. О.И. Чистякова. Электронный ресурс: доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁵ Юшков С.В. История государства и права России (IX-XIX вв.). Ростов-н/Д, 2003. С. 556.

преступлений.

Зачатки дифференциации составов убийства на простое, квалифицированные и привилегированные обнаруживаются в Соборном уложении 1649 года. К квалифицированным, караемым смертной казнью, относились убийство родителей, убийство брата или сестры, убийство женой мужа, влекущее закапывание виновной заживо, убийство слугой господина, убийство матерью ребенка, прижитого «в блюде», т.е. внебрачного¹.

К привилегированным относились убийство «в драке пьяным делом» и убийство матерью или отцом сына или дочери (наказуемое одним годом тюрьмы)².

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение о наказаниях) ответственность за причинение смерти дифференцировалась в зависимости от формы и степени вины (ст. 1458-1460, 1464-1466, 1468). Убийство делилось на преднамеренное (ст. 1454) и «умышленное, но без обдуманного заранее намерения» (ст. 1455). Преднамеренное убийство влекло более строгое наказание. Статья 1454 предусматривала простое преднамеренное убийство – убийство «с обдуманным заранее намерением или умыслом», без «особенных увеличивающих вину обстоятельств», которое наказывалось лишением всех прав состояния и каторжными работами на срок от 15 до 20 лет. К «особенным увеличивающим вину обстоятельствам» относилось, в том числе, совершение убийства в отношении родственников «нисходящей прямой линии, в какой бы то ни было степени» (ст. 1451), каравшееся лишением всех прав состояния и каторжными работами без срока. Однако наказание за убийство нисходящего родственника смягчалось «тремя степенями в случае, когда убийство незаконнорожденных сына или дочери совершено матерью от стыда или страха, при самом рождении младенца, если однако ж при сем не будет доказано, что она была уже прежде виновна в том же преступлении. Когда ж детоубийство сего рода было непреднамеренное, виновная в оном женщина, особенно

¹ Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Том 3: Акты Земских соборов. М., 1984. С. 248, 249, 251.

² Там же. С. 241-242, 248, 425.

если она незамужняя и разрешилась от бремени в первый раз, подвергается токмо ... лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в ... Сибири».

Статья 1455 Уложения о наказаниях выделяла привилегированный вид непредумышленного убийства – убийство, учиненное «хотя не случайно, но в запальчивости или раздражении, и особенно когда раздражение вызвано было насильственными действиями или тяжким оскорблением со стороны убитого», с максимальным наказанием в виде 12 лет каторжных работ.

Кроме того, ст. 1467 предусматривала убийство при превышении пределов необходимой личной обороны, то есть «без нужды, после уже отвращения грозившей опасности». Максимальным наказанием за такое убийство было заключение в тюрьме на срок 8 месяцев. И, наконец, ст. 1469 устанавливала мягкую ответственность за лишение жизни рожденного женщиной «младенца чудовищного вида или даже не имеющего человеческого образа»¹.

Как видим, нормы об ответственности за убийство в Уложении о наказаниях имели чрезвычайно казуистический и запутанный характер.

Стройная система составов убийства появляется в Уголовном уложении 1903 г., не действовавшем в полном объеме на территории Российской империи, но разработанном на основе принципов классического уголовного права. Статья 453 предусматривала основной состав убийства, наказуемый каторгой на срок не ниже 8 лет. Далее предусматривались квалифицированные (ст. 455) и особо квалифицированные (ст. 454 и 456) составы убийства, затем – привилегированные: убийство, задуманное и выполненное под влиянием сильного душевного волнения (ст. 458), убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 459), убийство по настоянию убитого и из сострадания к нему (ст. 460) и убийство матерью прижитого ею вне брака ребенка при его рождении (ст. 461). Причем в ст. 458 отдельно назывался «особо привилегированный» состав - убийство, задуманное и выполненное под влиянием

¹ Свод законов уголовных. Часть первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года. СПб., 1885. С. 293-299.

сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием над личностью или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

В советском уголовном законодательстве до издания первых уголовных кодексов много внимания уделялось контрреволюционным и воинским преступлениям и почти не упоминались такие общеуголовные преступления, как убийство, изнасилование и т.д.¹

Первый советский уголовный кодекс – УК РСФСР 1922 г. – предусматривал (наряду с основным и квалифицированными составами) три привилегированных состава убийства:

1) умышленное убийство, совершенное под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего, каравшееся лишением свободы на срок до трех лет (ст. 144);

2) превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой смерть нападавшего, которое наказывалось лишением свободы на срок до одного года (ст. 145);

3) убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер, также наказуемое лишением свободы на срок до одного года (ст. 145).

В УК РСФСР 1926 г. было предусмотрено два привилегированных состава убийства: убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего, с максимальным наказанием – 5 лет лишения свободы (ст. 138), и убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны (максимальное наказание – 3 года лишения свободы) (ст. 139). Названный Уголовный кодекс, таким образом, отменил привилегированную наказуемость убийства с превышением мер, необходимых для задержания преступника.

¹ Герцензон А.А. и др. История советского уголовного права. М., 1947. С. 224.

УК РСФСР 1960 г. также отнес к числу привилегированных составов умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения (ст. 104), и убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105).

Необходимо сказать, что в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР по ст. 105 УК РСФСР 1960 г. могло квалифицироваться и убийство при превышении мер, необходимых для задержания преступника, хотя такой вид убийства в законодательстве того времени не выделялся в качестве привилегированного¹.

В результате реформы уголовного законодательства, завершившейся принятием УК РФ 1996 г., **система привилегированных составов убийства претерпела существенные изменения.** К числу привилегированных новый Кодекс добавил убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106) и убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108). В УК РФ система привилегированных составов убийства выглядит следующим образом:

а) убийство матерью новорожденного ребенка, или, как его принято называть в науке уголовного права, детоубийство (ст. 106);

б) убийство, совершенное в состоянии аффекта (ч. 1 ст. 107) и его квалифицированный состав - убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта (ч. 2 ст. 107).

в) убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108);

г) убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108).

Столь большое число привилегированных видов убийства в целом не характерно для зарубежного уголовного права. Уголовное законодательство стран дальнего зарубежья, как правило, либо ограничивается одним или двумя привилегирован-

¹ См., напр., п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств».

ными видами убийства, либо, реже, вообще не предусматривает привилегированных составов убийства, допуская смягчение наказания за убийство на основании положений Общей части Уголовного кодекса (УК Франции 1992 г., УК Испании 1995 г.).

Исключениями в этом плане могут служить некоторые из бывших стран «социалистического лагеря». Так, УК Болгарии 1968 г.¹ содержит четыре привилегированных вида убийства: убийство в состоянии аффекта (ст. 118), убийство, совершенное при превышении пределов самообороны (ст. 119), детоубийство (ст. 120) и убийство новорожденного чудовищного вида (ст. 121). Уголовные кодексы Сербии и Черногории предусматривают три привилегированных вида убийства: убийство «в порыве гнева» – аналог убийства в состоянии аффекта в УК РФ (ст. 115 УК Сербии 2005 г.², ст. 145 УК Черногории 2003 г.³), детоубийство (ст. 116 УК Сербии, ст. 146 УК Черногории), лишение жизни из сострадания (ст. 117 УК Сербии, ст. 147 УК Черногории).

В англо-американском праве основополагающим видом убийства является тяжкое убийство (murder). Критерием, отграничивающим его от простого убийства (manslaughter), служит такой признак, как «злое предумышление» («malitia praecognitata»). Простым убийством является любое убийство, лишенное тех особенностей, которые считаются доказательствами наличия «злого предумышления», и которое, следовательно, не может быть квалифицировано как тяжкое убийство. Различаются два вида простого убийства: умышленное и неумышленное. Под первый вид подпадает деяние, которое могло бы квалифицироваться как тяжкое убийство, если бы не наличие смягчающих обстоятельств⁴.

¹ Criminal Code of the Republic of Bulgaria (1968, amended 2010) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/action/popup/id/8881/preview> (дата обращения – 11.03.2017); Наказателен кодекс. URL: <http://lex.bg/laws/ldoc/1589654529> (дата обращения – 11.03.2017).

² Criminal Code of the Republic of Serbia (2005, amended 2012) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения – 11.03.2017).

³ Criminal Code of the Republic of Montenegro (2003, amended 2011) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения – 11.03.2017).

⁴ Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части / под ред. Н.Е. Крыловой. М., 2013. С. 584-585, 589 (автор – Н.А. Голованова); Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 319, 341.

Следует оговориться, что англо-американское право далеко не однородно, и регламентация ответственности за убийство может существенно различаться как в разных государствах англо-американской правовой семьи, так и внутри одного государства: ряд стран англо-американской системы права являются федерациями, к сфере ведения субъектов которых относится и уголовное законодательство (США, Австралия¹ и др.).

Поэтому и смягчающие обстоятельства, исключаящие ответственность за тяжкое убийство, могут различаться в зависимости от конкретной юрисдикции. Например, в США к таким обстоятельствам могут относиться, **в частности**, состояние сильного душевного волнения, вызванного провокацией, «уменьшенная вменяемость», опьянение виновного².

В Англии к основным видам убийства, наряду с тяжким и простым, относится детоубийство (infanticide). Согласно Закону о детоубийстве 1938 г., женщина, причинившая умышленным действием или бездействием смерть своему ребенку в возрасте до 12 месяцев, освобождается от уголовной ответственности за тяжкое убийство, если во время совершения данного деяния ее душевное равновесие было расстроено, поскольку она еще не оправилась от последствий родов или кормления ребенка грудью³.

В немецком уголовном праве для обозначения квалифицированного, простого и привилегированного составов убийства используются соответственно следующие термины: «Mord», «Totschlag» и «Tötung». «Mord» и «Totschlag» можно перевести на русский язык соответственно либо как «тяжкое убийство» и «убийство»⁴, либо как

¹ См.: Козочкин И.Д., Трикоз Е.Н. Основные принципы австралийского уголовного права // Вестник РУДН, сер. Юридические науки, 2000, № 2. С. 161-165.

² Козочкин И.Д. Указ. соч. С. 341-344.

³ Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части / под ред. Н.Е. Крыловой. М., 2013. С. 590 (автор – Н.А. Голованова). Подробнее об ответственности за убийство в англо-американском праве см.: Малешина А.В. Ответственность за преступные деяния против жизни в странах общего права (на примере Англии, США и Канады): дис. ... канд. юр. наук. М., 2009.

⁴ Серебренникова А.В. Особенная часть Уголовного кодекса Германии. Общая характеристика. М., 2002. С. 23.

«убийство» и «причинение смерти»¹. Слово «Tötung» точнее всего перевести как «умерщвление», поскольку в контексте немецкого кодекса оно не несет такой отрицательной нагрузки, как «Mord» и «Totschlag»². По Уголовному кодексу ФРГ 1871 г. (с изм. и доп.) привилегированным является «убийство (умерщвление) по просьбе потерпевшего» («Tötung auf Verlangen» - § 216 УК). Кроме того, в § 213 УК ФРГ предусмотрена ответственность за менее тяжкий случай убийства («Minder schwerer Fall des Totschlags»)³. Как отмечается в специальной литературе, менее тяжкий случай убийства имеет место, в частности, если перед совершением преступления потерпевший тяжело оскорбил обвиняемого, привел его в ярость жестоким обращением с ним или его родственниками и убийство было совершено на том же месте⁴.

Уголовные кодексы других немецкоязычных стран, помимо «Tötung auf Verlangen», предусматривают привилегированную ответственность за детоубийство (ст. 116 УК Швейцарии 1937 г.⁵, § 79 УК Австрии 1974 г.⁶, § 79 УК Лихтенштейна 1987 г.⁷). По сути, привилегированным составом убийства (хотя и более тяжело наказуемым, чем убийство по просьбе потерпевшего и детоубийство) в этих странах является и Totschlag, представляющий собой аналог ст. 107 УК РФ (например, § 76 УК Австрии), тогда как в германском УК Totschlag (§ 212) больше соответствует российскому простому убийству (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

В Швеции единственным привилегированным видом убийства является детоубийство (ст. 3 главы 3 УК Швеции 1962 г.). При этом основополагающим в шведском уголовном праве является состав тяжкого убийства, а норма о простом убий-

¹ Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 360.

² Там же.

³ Criminal Code of the Federal Republic of Germany (1971, amended 2016) (German version) URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения – 11.03.2017). На странице, открываемой по ссылке, дата принятия Уголовного кодекса указана неверно (1971 вместо 1871).

⁴ Серебренникова А.В. Особенная часть Уголовного кодекса Германии. Общая характеристика. М., 2002. С. 25.

⁵ Criminal Code of the Swiss Confederation (1937, amended 2016) (German version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017).

⁶ Criminal Code of the Republic of Austria (1974, amended 2015) (German version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (11.03.2017).

⁷ Criminal Code of the Principality of Liechtenstein (1988, amended 2011) (German version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017).

стве носит субсидиарный характер. Так, ст. 1 главы 3 УК Швеции предусматривает лишение свободы на срок 10 лет или пожизненное лишение свободы за тяжкое убийство, которое определяется как лишение жизни другого человека. Согласно следующей статье Кодекса, если в силу обстоятельств, приведших к преступлению, или по каким-либо иным причинам убийство можно считать менее опасным, виновный подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 6 до 10 лет за простое убийство¹.

Таким образом, дифференциация ответственности за убийство с помощью признаков, определяющих степень общественной опасности содеянного и влияющих на квалификацию деяния, используется как в зарубежном, так и в российском уголовном праве. При этом исторически сложившаяся в России дифференциация ответственности по схеме «состав простого убийства – квалифицированный состав – привилегированный состав» в зарубежном законодательстве является хотя и весьма распространенной, но не общепринятой, что во многом обусловлено историческими и национальными особенностями и традициями тех или иных государств.

§ 2. Общая характеристика привилегированных составов убийства в УК РФ

Как уже было отмечено в предыдущем параграфе, для современного российского уголовного права характерно в целом более широкое по сравнению с зарубежным правом использование привилегированных составов в качестве средства дифференциации ответственности за убийство. Как и в зарубежном уголовном праве, в УК РФ предусмотрены различные привилегирующие признаки убийства, которые

¹ Criminal code of the Kingdom of Sweden (1962, amended 1999) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения – 11.03.2017).

могут относиться к особенностям субъекта преступления (детоубийство), объективной и субъективной сторон преступления, поведения потерпевшего.

Однако, несмотря на различие оснований привилегизации, привилегированные составы убийства обладают общим, системным свойством – значительно меньшей, по мнению законодателя, **степенью общественной опасности** по сравнению с составом простого убийства. При этом **характер общественной опасности** всех видов убийства одинаков.

Хотя в УК РФ очень часто используется понятие «характер общественной опасности» (ст. ст. 6, 15, 60 и др.), законодательного определения этого понятия нет. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 1 Постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указал, что характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред¹.

В уголовно-правовой доктрине существуют различные подходы к содержанию понятия «характер общественной опасности».

По мнению одних авторов, характер общественной опасности определяется объектом преступления, а также местом, которая норма об этом преступлении занимает в системе Особенной части УК. Так, А.В. Корнеева считает, что преступления, посягающие на одни и те же общественные отношения, принадлежат к одному типу общественной опасности. Поэтому, например, посягательства на жизнь человека имеют один характер общественной опасности, а посягательства на собственность — другой².

Другая часть авторов в содержание характера общественной опасности вкла-

¹ «Бюллетень Верховного Суда РФ», 2016, № 2.

² Уголовное право. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2008. С. 58-59.

дывает все признаки состава преступления¹.

Заслуживает внимания позиция Л.Н. Кривоченко, согласно которой характер общественной опасности определяется направленностью деяния против того или иного объекта, важностью и значением его в системе общественных отношений и **характером** причиняемого или возможного **вреда**, а степень общественной опасности – остальными объективными и субъективными признаками деяния, включая **степень тяжести вреда**, способ посягательства, характер и степень вины, мотивы, цели и другие объективные и субъективные признаки (выделено нами – Н. А.)². Критериями характера и степени общественной опасности вида преступления, считает Л.Н. Кривоченко, выступают основные и квалифицирующие признаки состава преступления (видимо, под квалифицирующими данный автор тоже понимает как собственно квалифицирующие, так и привилегирующие признаки). В зависимости от этих признаков один и тот же по характеру опасности вид преступления может обладать весьма различной степенью опасности. Любое убийство, пишет Л.Н. Кривоченко, по характеру общественной опасности есть посягательство на жизнь человека, степень же опасности этого посягательства существенно различается по содержанию других объективных и субъективных признаков состава³.

Однако если в содержание характера общественной опасности преступления вкладывать только объект и характер причиненного или возможного вреда, мы вынуждены будем признать, что убийство и причинение смерти по неосторожности обладают одинаковым характером общественной опасности, что, как представляется, не так. Уместно сослаться на мнение Н.А. Беляева, который считал, что все **умышленные** убийства одинаковы по характеру общественной опасности, поскольку характер общественной опасности – это признак, присущий не отдельному преступлению, а всем преступлениям данного вида, которые могут отличаться **по степени их**

¹ См., напр.: *Солодков И.А.* Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2013. С. 90.

² *Кривоченко Л.Н.* Классификация преступлений. Харьков, 1983. С. 46.

³ Там же. С. 46-47.

общественной опасности¹.

А.П. Козлов, говоря о характере общественной опасности вида преступления, отмечает, что «при его рассмотрении очевидным является только то, что в нем отражены типичные свойства данного конкретного вида преступления (в краже свои признаки, в убийстве – свои, в хулиганстве свои и т. д.)². Очевидно, что умышленный характер является типичным свойством убийства, что прямо следует из ч. 1 ст. 105 УК РФ. Причинение смерти по неосторожности по действующему УК РФ не относится к убийствам и является самостоятельным преступлением.

Поэтому более предпочтительной представляется точка зрения, согласно которой в содержание характера общественной опасности входит и форма вины.

Так, Н.Ф. Кузнецова включает в содержание характера общественной опасности четыре подсистемы элементов преступления: 1) объект преступления; 2) содержание преступных последствий; 3) форма вины (умышленная либо неосторожная); 4) способ совершения преступления (насильственный либо без насилия, обманное либо без этих признаков, групповое либо индивидуальное, с использованием должностного положения либо без этого, с применением оружия либо невооруженное)³.

На наш взгляд, способ преступления определяет скорее степень, а не характер общественной опасности, кроме случаев, когда способ преступления выступает конститутивным признаком состава. Например, в зависимости от способа хищения различаются кража (тайное хищение) и грабеж (открытое хищение). В данном случае способ преступления является определяющим для квалификации и относится к характеру общественной опасности содеянного.

В случае убийства способ преступления может свидетельствовать о повышении степени общественной опасности содеянного: убийство, совершенное общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), убийство, совершенное с особой же-

¹ Приводится по: Малков В.П. Характер и степень общественной опасности в системе общих начал назначения наказания // Российская юстиция. 2008. № 9. С. 41-45.

² Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 722.

³ Курс уголовного права. Том 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 153-154.

стокостью (п. «д» указанной части), и убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «ж» указанной части), отнесены законодателем к квалифицированным видам убийства.

Думается, что содержание характера общественной опасности убийства может быть выведено из его законодательного определения (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Необходимо отметить, что в отечественном уголовном законодательстве определение убийства долгое время отсутствовало. В науке понятие убийства обычно определялось либо через лишение жизни другого человека¹, либо, реже, через причинение смерти другому человеку². В этом вопросе мы считаем возможным согласиться с М.Д. Шаргородским, который, ссылаясь на И.Я. Фойницкого, отождествлял «лишение жизни» и «причинение смерти»³. Различие этих определений состоит в том, что в первом случае указывается на объект убийства, а во втором – на преступный результат. Уголовный кодекс РФ воспринял второй подход: согласно ч. 1 ст. 105 УК РФ, убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку. Поскольку жизнь и смерть – это антонимичные и взаимоисключающие явления, «причинение смерти» косвенно указывает на жизнь человека как объект преступления. Поэтому отождествление «лишения жизни» и «причинения смерти» представляется справедливым.

Кроме того, в качестве обязательного признака убийства законодатель в ч. 1 ст. 105 УК РФ указал на умышленную форму вины как на обязательный признак убийства.

Таким образом, определение, приведенное в ч. 1 ст. 105 УК РФ, указывает (прямо или косвенно) на следующие элементы характера общественной опасности убийства: объект преступления, преступные последствия (преступный результат),

¹ *Змиев Б.* Уголовное право. Часть Особенная. Выпуск I. Преступления против личности и имущественные. Казань, 1923. С. 6; *Утевский Б.С.* Уголовное право. М., 1950. С. 181; *Побегайло Э.Ф.* Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С. 10.

² *Неклюдов Н.А.* Руководство к Особенной части русского уголовного права. Том I. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876. С. 263; *Познышев С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права. Т. II. Особенная часть. М., 1923. С. 4.

³ *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 38.

форма вины. Рассматриваемое определение убийства является общим для всех его видов, поэтому признаки «убийства вообще» сохраняются и в привилегированных составах. В ст. 106-108 законодатель добавляет к этим общим признакам дополнительные, которые, как представляется, влияют уже не на характер, а на степень общественной опасности убийства (в сторону ее снижения).

Итак, по нашему мнению, характер общественной опасности убийства определяется:

- 1) объектом преступления;
- 2) характером причиненного убийством вреда, или характером общественно-опасных последствий убийства;
- 3) формой вины.

Рассмотрим указанные элементы в приложении к привилегированным составам убийства.

Объектом привилегированных составов убийства, как и других видов убийства, является жизнь человека. Жизнь в качестве объекта преступления в уголовно-правовой литературе понимается, с одной стороны, как естественный физиологический процесс, а с другой – как обеспеченная законом возможность существования личности в обществе¹.

Применительно к такому привилегированному составу убийства, как детоубийство (ст. 106 УК РФ), важнейшее значение приобретает вопрос о начале уголовно-правовой охраны жизни. Это связано с необходимостью отграничения причинения смерти новорожденному от прерывания беременности, которое по действующему УК РФ, как правило, не влечет ответственности, – иными словами, с необходимостью установления той грани, за которой непроступное деяние превращается в убийство.

Прерывание беременности с согласия женщины по УК РФ само по себе не образует преступления. Статья 123 УК предусматривает ответственность лишь за про-

¹ Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М., 2013. С. 19.

ведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля.

Согласно ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон об охране здоровья граждан в Российской Федерации) моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Однако уголовный закон охраняет жизнь ребенка и до его отделения от организма матери, что прямо следует из ст. 106 УК РФ, которая устанавливает ответственность за убийство не только сразу после родов, но и во время родов. По вопросу о начальном моменте уголовно-правовой охраны жизни человека существуют различные точки зрения.

А.Н. Красиков считал, что потерпевшим от преступления против жизни может быть только живорожденный ребенок. Автор рассуждал следующим образом. Статья 106 УК РФ говорит о **новорожденном** ребенке. В Толковом словаре русского языка «новорожденный» толкуется как «только что или недавно родившийся». А.Н. Красиков ссылался на действовавшую ранее Инструкцию об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода, согласно которой «живорождением является полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, причем плод после отделения дышит или проявляет другие признаки жизни, такие, как сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры, независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента». Отсюда А.Н. Красиков делал вывод, что уголовно-правовая охрана человеческой жизни начинается с момента констатации живорождения. Поэтому причинение смерти ребенку до его полного отделения от материнского организма (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку) как убийство квалифицировано быть не может¹. А.Н. Кра-

¹ Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. С. 99-101.

сикова поддержал А.В. Наумов¹.

Данная позиция уже была подвергнута справедливой критике². К этой критике следует добавить, что названные авторы отождествляют момент начала человеческой жизни с моментом начала ее уголовно-правовой охраны. Между тем указанные два момента, как представляется, не совпадают. И если момент рождения или момент начала жизни может быть определен законодательством об охране здоровья граждан, то момент **начала уголовно-правовой охраны жизни** должен устанавливаться исключительно в уголовном законе.

В то же время следует согласиться, что в ст. 106 УК РФ содержится противоречие, так как во время родов не всегда можно говорить о новорожденном. В процессе родов различают три периода:

- 1) раскрытие шейки матки
- 2) изгнание плода
- 3) последовый период (рождение плаценты и оболочек – последа)³.

На протяжении первого и второго периодов рождающийся еще не является новорожденным. Однако лишение жизни ребенка, когда он не отделился от организма матери, образует убийство. Новорожденным признается ребенок с момента рождения до 28 дня жизни⁴. Моментом же рождения в силу ст. 53 Федерального закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации является момент отделения плода от организма матери посредством родов. В отличие от А.Н. Красикова, мы не склонны отсюда делать вывод, что рождающийся ребенок, не полностью отделившийся от материнской утробы (и, следовательно, не являющийся новорожденным), не подлежит уголовно-правовой охране. Скорее всего, имеет место неудачная редакция ст. 106, ибо вряд ли можно предположить, что причинение смерти ребенку в процессе рождения, когда его еще нельзя назвать новорожденным, законодатель не

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 2: Особенная часть (главы I-X). М., 2016. С. 56-57.

² См.: Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 2000. С. 174-175.

³ Большая советская энциклопедия. Том 22. М., 1975. С. 168.

⁴ См., напр.: «Охрана репродуктивного здоровья работников. Основные термины и понятия» (утв. Минздравом РФ 2 октября 2003 г. № 11-8/13-09). Доступ из СПС «Консультант Плюс».

относит к убийству.

В противоположную крайность впадают, на наш взгляд, те ученые, которые считают, что уголовно-правовая охрана жизни ребенка начинается спустя 22 недели беременности. Поскольку медициной установлено, что при сроке беременности 22 недели и выше ребенок способен выжить и вне материнского организма, любое посягательство на жизнь ребенка по истечении 22 недель беременности, по мысли этих ученых, должно признаваться убийством. При этом местонахождение ребенка в момент посягательства (в утробе матери или вне ее) принципиального значения для этих авторов не имеет¹.

Авторы правы в том, что прерывание беременности спустя 22 недели, когда плод достиг жизнеспособности, возможно только посредством преждевременных родов. Однако отсюда не следует, по нашему мнению, что всякое умерщвление плода спустя 22 недели беременности, независимо от его местонахождения, образует убийство. Так, не исключена возможность причинения плоду смерти в момент его нахождения в материнской утробе с последующим рождением мертвого ребенка. Например, женщина спустя 22 недели беременности принимает смертельное для плода вещество, которое приводит к его гибели, затем искусственно провоцируются преждевременные роды и ребенок появляется на свет мертвым. При таких обстоятельствах содеянное, думается, нельзя квалифицировать как убийство.

Заметим, что логическим продолжением позиции названных авторов стала бы квалификация убийства беременной женщины при сроке беременности свыше 22 недель, что охватывается умыслом виновного, по п. «а» ч. 2 ст. 105, как убийства двух или более лиц. Такую квалификацию, конечно, нельзя признать правильной. При убийстве беременной женщины (даже при сроке беременности свыше 22 недель) смерть причиняется все-таки одному человеку, поэтому лишение неродившегося человека (плода) в данном случае не должно превращать содеянное в убий-

¹ Попов А.Н. Указ. соч. С. 31-32; Серёгина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорожденного ребенка: дис. ... канд. юр. наук. Ростов-н/Д, 2004. С. 8, 73; Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Указ. соч. С. 134.

ство двух или более лиц. Убийство заведомо беременной женщины выступает самостоятельным квалифицированным составом (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

В ст. 106 УК РФ установлена ответственность за убийство как сразу после родов, так и во время родов. Следует полагать, что под родами в указанной статье понимаются не только своевременные, но и преждевременные, в том числе искусственные, роды. Во всяком случае, закон не позволяет утверждать обратное.

По определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), перинатальный (околородовой) период начинается на сроке беременности, составляющем полные 22 недели (154 дня), и заканчивается через семь полных дней после рождения¹.

Следовательно, если аборт, как уже говорилось выше, возможен до истечения 22 недель беременности, когда плод еще не готов к жизни вне материнской утробы, то позднее этого срока прерывание беременности возможно только посредством родов.

Таким образом, причинение смерти ребенку во время искусственных преждевременных родов (при сроке беременности свыше 22 недель) следует считать убийством.

Необходимо отметить, что с учетом понятия родов, которые включают в себя три периода, возможна ситуация, когда роды начались, но ребенок все еще находится в утробе матери. Причинение смерти ребенку при таких обстоятельствах должно считаться убийством. Разумеется, преступность деяния исключается, если прерывание беременности после 22 недель проводится по медицинским показаниям. В силу ст. 56 Федерального закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации, прерывание беременности при наличии медицинских показаний проводится независимо от срока беременности с согласия беременной женщины.

Общественно опасное последствие в привилегированных составах убийства состоит в причинении потерпевшему смерти. В отличие от момента начала жизни (точнее, момента начала ее уголовно-правовой охраны), момент смерти человека не

¹ http://www.who.int/maternal_child_adolescent/topics/maternal/maternal_perinatal/ru/ (дата обращения – 12.03.2017).

вызывает разногласий среди ученых, будучи четко зафиксированным в нормативных правовых актах Российской Федерации.

Моментом смерти, согласно ч. 1 ст. 66 Федерального закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации, является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека). Смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких. Диагноз смерти мозга устанавливается консилиумом врачей в медицинской организации, в которой находится пациент. Биологическая смерть человека устанавливается на основании наличия ранних и (или) поздних трупных изменений. Констатация биологической смерти человека осуществляется медицинским работником (врачом или фельдшером).

Во исполнение указанного Федерального закона постановлением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 950 утверждены Правила определения момента смерти человека, в том числе критерии и процедура установления смерти человека. Диагноз смерти мозга человека устанавливается в соответствии с приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека».

Причинение смерти может осуществляться как путем действия, так и путем бездействия. Из всех привилегированных составов в УК РФ путем бездействия может быть совершено только детоубийство. Причинение смерти лицу с внезапно возникшим аффектированным умыслом (ст. 107), причинение смерти при отражении общественно опасного посягательства с превышением пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108) и причинение смерти лицу, совершившему преступление, при его задержании (ч. 2 ст. 108), могут выражаться только в действиях. В качестве примера убийства путем бездействия в научной и учебной литературе чаще всего приводится именно убийство матерью новорожденного ребенка.

Уголовная ответственность за бездействие может наступить лишь при соблюдении двух обязательных условий: невыполнении лицом возложенной на него обя-

занности совершить определенные действия и наличии у лица возможности выполнить эту обязанность¹.

По одному из уголовных дел суд установил, что подсудимая, родив в квартире живорожденного, дышавшего, жизнеспособного ребенка женского пола, сразу после родов, умышленно, с целью причинения смерти новорожденному, не предприняла мер для вызова работников скорой медицинской помощи, не оказала ребенку медицинскую помощь самостоятельно, оставив его в ванной комнате, в результате чего ребенок скончался от отсутствия ухода через непродолжительный промежуток времени в пределах первого часа после своего рождения².

Условия для привлечения детоубийцы к ответственности в этом деле налицо. На виновной лежала обязанность выполнить действия, направленные на сохранение жизни новорожденного ребенка. Обязанность родителей заботиться о ребенке прямо предусмотрена Конституцией РФ (ч. 2 ст. 38), Конвенцией о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., участницей которой является Россия (ст. 7 закрепляет право ребенка на заботу родителей с момента рождения), Семейным кодексом РФ (ст. 63 и др.). Виновная имела возможность вызвать скорую помощь или позаботиться о ребенке самостоятельно, однако не совершила этих действий, что повлекло смерть ребенка спустя непродолжительное время после родов.

Как и всякое убийство, привилегированные составы убийства характеризуются только **умышленной формой вины**. В силу ч. 1 ст. 105 УК РФ, убийство - это умышленное причинение смерти. В этом отношении законодатель воспринял точку зрения М.Д. Шаргородского, который считал несправедливым называть убийством неосторожное причинение смерти. «Под словом «убийца», - писал автор, - мы в быту вовсе не понимаем человека, неосторожно лишившего кого-нибудь жизни, а с точки зрения уголовно-политической нецелесообразно применять понятие самого тяжело-

¹ Курс уголовного права. Том 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 228-229 (автор – Н.Ф. Кузнецова).

² <http://rospravosudie.com/court-novocheboksarskij-gorodskoj-sud-chuvashskaya-respublika-s/act-101926548/> (дата обращения – 12.03.2017).

го преступления против личности к случаям неосторожного деяния»¹. Это мнение не нашло поддержки у большинства советских криминалистов. Последние указывали, что предложенный М.Д. Шаргородским подход не основан на законе и может привести к ослаблению борьбы с неосторожными преступлениями против жизни и их отрицательной морально-политической оценки². В то же время некоторые ученые поддержали М.Д. Шаргородского³.

Следует отметить, что в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран отдельные термины используются для обозначения не только неосторожного причинения смерти, но и привилегированных составов умышленного убийства. Так, в УК ФРГ 1871 г. тяжкое убийство и простое убийство именуется соответственно Mord (§ 211) и Totschlag (§ 212, § 213), в то время как для причинения смерти по просьбе потерпевшего и неосторожного причинения смерти используется слово «Tötung»: Tötung auf Verlangen (§ 216), Fahrlässige Tötung (§ 222). Слово «Tötung», как уже говорилось, правильнее всего перевести на русский язык как «умерщвление», поскольку оно не несет такой отрицательной нагрузки, как «Mord» и «Totschlag». В уголовных кодексах других немецкоязычных стран (Австрии, Швейцарии, Лихтенштейна) термин «Tötung» используется для обозначения таких привилегированных составов убийства, как детоубийство (Kindestötung, Tötung eines Kindes bei der Geburt) и причинение смерти по просьбе потерпевшего (Tötung auf Verlangen), а также для причинения смерти по неосторожности (Fahrlässige Tötung).

Что касается вида умысла, то привилегированные виды убийства могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Однако высказываются и другие мнения на этот счет.

¹ Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 38.

² Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955. С. 518-519 (автор – А.А. Пионтковский); Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 20-21; Аниязиц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., 1964. С. 15.

³ Трайнин А. М.Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья. Всесоюзный институт юридических наук, Юридическое издательство, М., 1947, 511 с. // Советское государство и право. 1949. № 2. С. 70; Сарыев Б. Ответственность за преступления против жизни и здоровья / Под ред. Б.А. Куринова. Ашхабад, 1973. С. 14-15.

Так, Ю.М. Ткачевский и И.М. Тяжкова полагают, что убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) может быть совершено только с прямым умыслом¹.

По нашему мнению, косвенный умысел в убийстве при превышении пределов необходимой обороны возможен. Совершая убийство при превышении пределов необходимой обороны, виновный осознает, что превышает пределы необходимой обороны, предвидит возможность наступления в результате превышения смерти посягающего и либо желает этой смерти (прямой умысел), либо хотя и не желает, но сознательно допускает смерть либо относится к ней безразлично (косвенный умысел).

Так, Касимовским районным судом Рязанской области по ч. 1 ст. 108 УК РФ осужден Максимов. В раздевалке цеха между Максимовым и находившимся в состоянии алкогольного опьянения А. произошел конфликт на почве личных неприязненных отношений, в ходе которого А. стал оскорблять Максимова. В процессе ссоры А. подошел к Максиму и стал высказывать угрозы убийством. Опасаясь за свою жизнь и здоровье, Максимов стал просить А. прекратить противоправные действия, однако тот на законные требования не реагировал. Далее А., подавляя волю Максимова к сопротивлению, несколько раз кулаками ударил его в область грудной клетки, головы и лица, причинив ему физическую боль и телесные повреждения, не причинившие вред здоровью, а также телесные повреждения, относящиеся к вреду здоровья средней степени тяжести как влекущие длительное расстройство здоровья (более 21 дня). В ходе причинения телесных повреждений Максимов в целях обороны и прекращения общественно опасного посягательства со стороны А. схватил правой рукой из своего вещевого ящика туристический нож и, осознавая, что вред, причиняемый А., не является опасным для его жизни, умышленно нанес последнему клинком ножа удар в область груди, причинив тем самым колото-резаное ранение передней грудной стенки, состоящее в прямой причинной связи со смертью А. и относя-

¹ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2005.

щиеся к тяжкому вреду здоровью по признаку опасности для жизни, от которого А. скончался на месте происшествия.

Максимов сообщил суду, что его целью было защитить себя от действий А.. Обороняясь, он развернулся и ударил, не целясь, ножом А. «один раз куда-то прямо» и «сначала даже сам не понял того, куда ему попал». От удара А. опустился на лавку за его спиной. После удара нож остался у Максимова в руках.

Суд указал, что Максимов совершил убийство с косвенным умыслом¹.

Н.Г. Вольдимарова, основываясь на изучении конкретных уголовных дел, отмечает, что для убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, наиболее характерен именно косвенный умысел².

Неудачная формулировка ч. 1 ст. 38 УК РФ, регламентирующей причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния, привела ряд ученых к ошибочному, на наш взгляд, мнению, что убийство, предусмотренное ч. 2 ст. 108 УК РФ, может быть совершено только с косвенным умыслом³. Свою позицию эти ученые основывают на указании в ст. 38 на цель доставления лица, совершившего преступление, органам власти: прямой умысел на убийство исключает возможность реализации этой цели. Но если исходить из рассматриваемой цели виновного, то причинение смерти при задержании вообще не может совершаться умышленно. Преследование цели доставления виновного органам власти исключает не только прямой, но и косвенный умысел. Желая доставить лица органам власти, нельзя сознательно допускать причинение смерти или относиться к нему безразлично, так как смерть виновного исключает достиже-

¹ <http://www.gcourts.ru/case/7585277> (дата обращения - 12.03.2017).

² Вольдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 108.

³ Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 118; Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и проблемы их квалификации. М., 2007. С. 181; Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012. С. 151; Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. С. 152.

ние этой цели. Однако убийство, в силу ст. 105 УК РФ, всегда предполагает умышленную форму вины.

В науке уголовного права общепринятым является взгляд, что совершение убийства при задержании возможно как с прямым, так и с косвенным умыслом¹.

Детоубийство (ст. 106 УК РФ), как правило, совершается с прямым умыслом, однако не исключен и косвенный умысел. Еще ст. 1460 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. специально предусматривала уменьшенную ответственность за оставление женщиной своего незаконнорожденного младенца без помощи, от чего тот лишился жизни. И.Я. Фойницкий подчеркивал, что меньшая наказуемость в этом случае обусловлена не способом преступления (бездействие), а отсутствием прямого умысла на убийство².

Обязательным признаком убийства в состоянии аффекта (ст. 107) является **аффектированный** умысел виновного. Аффект определяется в ст. 107 УК РФ как **внезапно возникшее** сильное душевное волнение. Поэтому убийство в состоянии аффекта может совершаться только с внезапно возникшим умыслом, причем он может быть как прямым, так и косвенным³.

Убийство при превышении пределов необходимой обороны и убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, совершаются с внезапно возникшим умыслом в силу специфики самих составов преступления: обстоятельства, при которых потерпевшему причиняется смерть (отражение общественно опасного посягательства и задержание преступника), исключают заранее обдуманый умысел виновного.

Таким образом, все привилегированные составы убийства (ст. 106-108 УК РФ)

¹ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М., 2012. С. 257 (автор комментария – Л.Л. Кругликов); Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 2017. С. 357 (автор – С.И. Никулин). *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 2: Особенная часть (главы I-X). М., 2016. С. 105.

² *Фойницкий И.Я.* Уголовное право. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1907.

³ В.И. Ткаченко считал, что убийство в состоянии аффекта может совершаться только с косвенным умыслом, на том основании, что «умысел в этом случае возникает внезапно, человек в значительной мере теряет контроль над своими поступками, не может регулировать их интенсивность» (приводится по: *Бородин С.В.* Преступления против жизни. М., 2000. С. 182).

могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Для детоубийства характерен как внезапно возникший, так и заранее обдуманый умысел, для других привилегированных составов – только внезапно возникший. Убийство в состоянии аффекта всегда совершается с аффектированным умыслом, который выступает одним из криминообразующих признаков указанного привилегированного состава.

Итак, составы преступлений, предусмотренные ст. 106-108 УК РФ, обладают таким же **характером общественной опасности**, что и другие виды убийства. Рассмотрим теперь обстоятельства, с которыми законодатель связывает существенное снижение **степени общественной опасности** в привилегированных составах убийства по сравнению с простым убийством.

Основания привилегированной наказуемости детоубийства (ст. 106 УК РФ) подробно рассмотрены во второй главе настоящей работы. Здесь следует сказать, что в отечественной науке уголовного права принято считать, что в целом в основу привилегированной ответственности за детоубийство законодателем положено особое, труднопереносимое психофизическое состояние женщины, вызванное родами, в котором пребывает женщина в момент убийства новорожденного ребенка.

Общим для остальных привилегированных составов убийства (ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108 и ч. 2 ст. 108) является то, что их привилегированный характер законодатель связывает с **виктимным, а именно противоправным или аморальным, поведением потерпевшего**. Речь идет о насилии, издевательствах или тяжком оскорблении со стороны потерпевшего либо иных противоправных или аморальных действиях (бездействии) потерпевшего, в том числе носящих систематический характер и приведших к возникновению психотравмирующей ситуации (ст. 107), об общественно опасном посягательстве на охраняемые уголовным законом объекты (ч. 1 ст. 108) и о совершении потерпевшим преступления (ч. 2 ст. 108). Таким образом, в указанных привилегированных составах поведение потерпевшего играет ключевую роль.

Однако привилегированная ответственность за убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 107 УК РФ, обусловлена не только противоправным или аморальным поведением

потерпевшего. Другим конститутивным признаком данного преступления выступает состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта).

Под аффектом понимаются сильные, относительно кратковременные эмоциональные реакции взрывного характера, развивающиеся в критических условиях при неспособности человека найти адекватный выход из опасных, чаще всего неожиданно сложившихся ситуаций¹. При аффекте имеют место недостаточная осмысленность и продуманность своих действий, отсутствие в них дальновидности и предварительного плана, хаотичность и порывистость устремлений. Поведение человека при аффекте регулируется не заранее обдуманной целью, а тем чувством, которое полностью захватывает личность и вызывает импульсивные действия².

Аффект, предусмотренный ч. 1 ст. 107 УК РФ, в науке называют физиологическим, реже – психофизиологическим³. В отличие от патологического аффекта, который является временным психическим расстройством и исключает виновность при наличии юридического критерия невменяемости⁴, физиологический аффект ответственности не исключает. Как отмечается в литературе, законодатель воспринял общепринятый среди психологов и юристов подход, согласно которому при наличии физиологического аффекта хотя и затрудняется избирательность поведения, в связи с чем ответственность смягчается, но в принципе она сохраняется. Иными словами, хотя в состоянии аффекта сознание человека существенно сужено, в принципе, он мог бы взять себя в руки, сдержаться и остановить развитие событий⁵.

По мнению ряда ученых, в первую очередь на снижение степени общественной опасности рассматриваемого вида убийства влияет именно наличие аффекта, а

¹ Большая российская энциклопедия. Т. 2. М., 2005. С. 563.

² Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Невменяемость в уголовном праве. М., 2013. С. 170-171.

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 мая 2003 г. по делу № 16-003-32; Калманов Г.Б., Костюк М.Ф. Особенности уголовно-правовой ответственности за насильственные преступления у лиц с психическими аномалиями // «Российский следователь», 2012, № 21. Электронный ресурс: доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁴ См., напр.: Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб, 2001. С. 130-131.

⁵ Ситковская О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий. М., 2009. С. 142.

не противоправное или аморальное поведение потерпевшего¹. О.Д. Ситковская указывает, что привилегирующее значение аффекта традиционно объясняется тем, что состояние аффекта ослабляет контроль человека над своим поведением и способность управлять своими поступками².

Вместе с тем убийство, совершенное в состоянии аффекта, не может быть квалифицировано по ст. 107 УК РФ, если аффект не был вызван противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего либо длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

В уголовно-правовой литературе неоднократно отмечалось, что само по себе сильное душевное волнение не должно служить достаточным основанием привилегированной наказуемости³. Как удачно заметил А.А. Жижиленко, убийство вообще редко совершается в состоянии полного хладнокровия⁴. Другое дело, если сильное душевное волнение было спровоцировано потерпевшим, обусловлено его насильственными или иными противоправными действиями⁵.

Ипатовским районным судом Ставропольского края Пронин осужден наряду с другими преступлениями за покушение на убийство (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ). Покушение на убийство было совершено им в ходе ссоры по поводу возврата долга. Потерпевший С. полагал, что полностью рассчитался по долгу, а подсудимый Пронин считал, что тот не выплатил ему проценты за пользование денежными средствами. Амбулаторная судебно-психологическая экспертиза показала, что Пронин во время совершения преступления находился в состоянии физиологического аффекта.

¹ Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. С. 139; Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 139.

² Ситковская О.Д. Указ. соч. С. 142.

³ Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Т. II. Особенная часть. М., 1923. С. 12; Жижиленко А.А. Указ. соч. С. 14.

⁴ Известный русский психиатр В.Ф. Чижов и вовсе писал, что «большинство преступлений, бесспорно, совершаются в состоянии аффекта» и что «только закоренелые преступники совершенно спокойно совершают преступления» (См.: Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы. Хрестоматия. Авторы-составители Ф.С. Сафьянов, Е.В. Макушкин. М., 2013. С. 20.).

⁵ Жижиленко А.А. Указ. соч. С. 14.

Однако, как указал суд, такой аффект, объективно имевшийся у Пронина в связи с длительной психотравмирующей ситуацией, не был связан с противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Длительный спор по поводу денежных средств таковым обстоятельством, по мнению суда, не является, поэтому суд посчитал, что совершенное Прониним преступление не может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 107 УК РФ¹.

Неточным представляется утверждение, что поводом к возникновению аффектированного умысла являются неправомерные или аморальные действия потерпевшего в отношении виновного или его близких либо систематическое противоправное или аморальное поведение потерпевшего, создавшее длительную психотравмирующую ситуацию². В деле Пронина аффект, как установил суд, не был вызван противоправным или аморальным поведением потерпевшего, поэтому Пронин был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Кроме того, в случае убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) в наличии аффектированного умысла может быть выражено тяжелое психофизическое состояние виновной, вызванное родами (которое, как принято считать, послужило одной из причин отнесения законодателем данного убийства к привилегированным). Так, по делу Л.Г.П. (данные изъяты), осужденной по ст. 106 УК РФ, Надымский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа указал в приговоре, что в момент преступления виновная находилась в состоянии аффекта³. Очевидно, что в случае детоубийства аффектированный умысел (если он имеет место) не обусловлен противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Поэтому правильно говорить не о том, что поводом к возникновению аффекта являются противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего, а о том, что только при наличии такого повода состояние аффекта приобретает привилегированное значение (ст. 107, 113 УК РФ).

¹ <http://www.gcourts.ru/case/6430403> (дата обращения - 12.06.2016).

² Полный курс уголовного права: В 5 т./Под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб, 2008. С. 466 (автор – А.И. Рапог).

³ <http://docs.pravo.ru/document/view/25185580/> (дата обращения – 22.09.2013).

С другой стороны, убийство, вызванное противоправным или аморальным поведением потерпевшего, не может быть квалифицировано по ст. 107 УК РФ при отсутствии у виновного состояния аффекта.

Так, Серпуховским городским судом Московской области по ч. 1 ст. 105 УК РФ осужден Щабельский. Подсудимый в ходе ссоры на почве личных неприязненных отношений, в ответ на противоправное и аморальное поведение С., оскорбившей Щабельского и выражавшейся в адрес последнего грубой нецензурной бранью, умышленно нанес ножом С. не менее четырех ударов в область грудной клетки и шеи, причинив ей смерть. Суд признал смягчающими наказание обстоятельствами противоправность и аморальность поведения С., явившегося поводом для преступления. Вместе с тем суд установил, что в момент преступления Щабельский не находился в состоянии аффекта, поэтому его действия были обоснованно квалифицированы как простое убийство, а не как убийство, совершенное в состоянии аффекта¹.

Таким образом, привилегированную наказуемость убийства в состоянии аффекта российский законодатель связывает, во-первых, с насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, во-вторых, с вызванным ими состоянием физиологического аффекта.

Перейдем к рассмотрению двух оставшихся привилегированных составов – убийству, совершенному при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), и убийству, совершенному при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ).

И.Я. Фойницкий, говоря о привилегированных видах убийства, писал: «Если убийство из тяжко наказуемого может даже ... превращаться в дозволенное, то есте-

¹ <http://rospravosudie.com/court-serpukhovskij-gorodskoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-405006871/> (дата обращения – 12.06.2016).

ственно ожидать между этими крайними его типами ряд посредствующих видов, хотя бы и заслуживающих наказание, но уменьшенное»¹. К преступлениям, предусмотренным ст. 108 УК РФ, приведенное высказывание относится в наибольшей мере. Эти преступления занимают промежуточное положение между обычным (простым), тяжело наказуемым, убийством и непреступным лишением жизни.

Необходимая оборона (ст. 38 УК РФ) и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 39 УК РФ), являются обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, и носят не просто правомерный, но даже общественно полезный характер. Это отнюдь не означает, будто убийства, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, отличаются от иных привилегированных составов убийства «не только своей социально полезной мотивацией, но и тем, что в действительности в своей основе это общественно полезные действия»².

Во-первых, в силу ч. 1 ст. 14 УК РФ, любое преступление – это общественно опасное, а не общественно полезное деяние.

Во-вторых, общественно полезным является причинение **правомерного вреда** посягающему лицу в состоянии необходимой обороны или лицу, совершившему преступление. Но в ст. 108 УК РФ установлена ответственность за **превышение пределов** необходимой обороны и **превышение мер**, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Часть 2 ст. 37 УК РФ определяет превышение пределов необходимой обороны как **умышленные действия, явно не соответствующие** характеру и опасности посягательства. Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, согласно ч. 2 ст. 38 УК РФ, признается их **явное несоответствие** характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу **без необходимости** причиняется **явно чрезмерный**, не вызываемый обстановкой вред.

¹ Фойницкий И.Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1907. С. 43.

² Точный М.Д. Указ. соч. С. 26.

«Очевидно, термин «явность», - правильно указывает В.А. Якушин - предполагает не только объективное несоответствие, что существует в реалиях, но и субъективную оценку этого несоответствия, то есть как оно понимается обороняющимся»¹.

Поэтому говорить о социально полезной мотивации умышленного причинения смерти, **заведомо для виновного явно** не соответствующего характеру и опасности посягательства или характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, невозможно.

В духе М.Д. Точеного рассуждает Э.В. Кабурнеев (приводится дословно, с сохранением стилистики и пунктуации автора): «...Убийства, ответственность за которые предусмотрена ст. 108 УК, занимают особое положение. Они содержат наибольшее количество оправдательных критериев, которые только в исключительных случаях позволяют назвать виновного убийцей, что также неверно. Защищая свои охраняемые интересы либо интересы других лиц, человек, по мнению законодателя, должен нести ответственность в том случае, если выйдет за рамки правомерности своих действий. Убийца, грабитель, насильник оказывается могут быть потерпевшими. Это не отвечает принципу дифференциации ответственности, ситуация требует внимательного взгляда и на название этого преступления и на размер и вид наказания за его совершение»².

Вопреки мнению Э.В. Кабурнеева, убийца, грабитель и насильник тоже могут быть потерпевшими. «Преступник, - писал И.С. Тишкевич, - не бесправный человек. Его права лишь значительно ограничены (в момент совершения им общественно опасного нападения, пребывания под стражей во время предварительного следствия, отбывания наказания и т. д.), но в той части, которой эти ограничения не касаются, эти права находятся – и не могут не находиться – под защитой закона. Иное отношение к преступнику, не перестающему быть гражданином, правосубъектной лично-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный). Отв. ред. – Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 84.

² Кабурнеев Э.В. Указ. соч. С. 58.

стью, привело бы к произволу, беззаконию»¹. С этим следует согласиться.

В то же время общественно опасное посягательство и совершение задерживаемым преступления, спровоцировавшие рассматриваемые виды убийства, свидетельствуют о резком снижении степени общественной опасности этих деяний по сравнению с простым убийством.

На основании изложенного могут быть сделаны следующие выводы.

Система привилегированных составов убийства представляет собой предусмотренную уголовным законом (статьями 106-108 УК РФ) упорядоченную, исчерпывающую совокупность видов убийства, выделенных на основании единого критерия, – степени общественной опасности, которая у данных преступлений, по мнению законодателя, значительно ниже, чем у простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ). При этом характер общественной опасности всех видов убийства (простого, квалифицированных и привилегированных) одинаков, поскольку во всех случаях объектом посягательства является жизнь человека, общественно опасное последствие состоит в причинении ему смерти, вина состоит в прямом или косвенном умысле. Вместе с тем единый критерий выделения привилегированных составов убийства не означает равенства оснований привилегизации указанных составов, которые могут относиться к особенностям субъекта преступления, объективной и субъективной сторон преступления, поведению потерпевшего.

§ 3. Критерии привилегизации убийства

В науке уголовного права детально изучены конкретные квалифицированные и привилегированные составы (квалифицирующие и привилегирующие признаки составов). Большой массив литературы посвящен квалифицирующим и привилегирующим признакам преступлений против жизни и здоровья, квалифицирующим признакам половых преступлений, преступлений против собственности, против госу-

¹ *Тишкевич И.С.* Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 106.

дарственной власти и т.д. Значительно меньше внимания уделяется, так сказать, «общей части» квалифицирующих и привилегирующих признаков, т.е. указанным признакам как таковым, безотносительно к конкретным составам преступлений. Л.Л. Кругликов справедливо отмечает, что уголовно-правовая теория довольно активно разрабатывает понятие отдельных квалифицирующих обстоятельств, при этом недостаточно настойчиво разрабатывая общую теорию квалифицирующих обстоятельств¹.

В рамках общей теории квалифицирующих обстоятельств наибольший интерес для настоящего исследования представляют требования, которым должны соответствовать квалифицирующие и привилегирующие признаки, или критерии отбора законодателем обстоятельств для их закрепления в качестве квалифицирующих или привилегирующих признаков состава преступления.

Необходимо отметить, что в УК РФ, как и в прежнем отечественном уголовном законодательстве, привилегированные составы практически не используются для дифференциации ответственности, чего нельзя сказать о квалифицированных составах. УК РФ предусматривает лишь привилегированные составы убийства и причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, тогда как квалифицированные составы присутствуют в большинстве статей Особенной части УК РФ. Этим объясняется то обстоятельство, что квалифицирующие признаки традиционно пользуются большим вниманием ученых-криминалистов. Это касается как квалифицирующих признаков в целом, так и критериев отбора обстоятельств, претендующих на статус квалифицирующих².

Однако правовая природа квалифицирующих и привилегирующих признаков

¹ Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (2000-2009 гг.). Ярославль, 2010. С. 443. Л.Л. Кругликов называет **квалифицирующими** как отягчающие, так и смягчающие обстоятельства, включенные в состав преступления, так как и те и другие влияют на **квалификацию** содеянного.

² См., напр.: Козлов А.П. Проблемы унификации отягчающих обстоятельств, предусмотренных Общей и Особенной частями уголовного закона // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Право. 1977. № 3. С. 81-85. *Он же*. Отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1978. *Ткаченко В.И.* Составы преступлений с отягчающими обстоятельствами // Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью (вопросы теории, истории и практики). Сборник научных трудов. М., 1988. С. 35-46. *Карлов В.В.* Критерии отбора законодателем квалифицированных составов преступлений: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Свердловск, 1990.

состава едина. В ряде научных работ квалифицирующие признаки исследуются совместно с привилегирующими, поскольку обе группы признаков выступают в качестве средства дифференциации уголовной ответственности¹. Разница между ними состоит в том, что квалифицирующие признаки используются для дифференциации ответственности в сторону ее ужесточения, а привилегирующие – в сторону смягчения. Из этого следует, что критерии отбора обстоятельств для закрепления в качестве квалифицирующих признаков состава, в принципе, применимы и к обстоятельствам, «претендующим» на статус привилегирующих признаков.

Для целей нашего исследования представляется целесообразным рассмотреть указанные критерии и провести оценку соответствия этим критериям привилегирующих признаков убийства, предусмотренных ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108 и ч. 2 ст. 108 УК РФ (детоубийство будет отдельно рассмотрено во второй главе работы).

1. Обстоятельство, «претендующее» на признание в законе в качестве привилегирующего признака, всегда должно свидетельствовать о существенно меньшей степени общественной опасности деяния².

Из этого критерия вытекают два важных положения.

Во-первых, привилегирующее обстоятельство должно уменьшать степень общественной опасности содеянного во всех без исключения случаях. Иными словами, во всех случаях наличия привилегирующего обстоятельства можно с полной уверенностью говорить о меньшей общественной опасности деяния по сравнению с основным составом данного преступления.

Во-вторых, снижение степени общественной опасности должно быть значительным, существенным.

В дореволюционной литературе при характеристике квалифицированных видов убийства отмечалось, что хотя убийство, например, слугой своего господина или учеником учителя в большинстве случаев и повышает степень общественной опас-

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч.; Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч.

² Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 268-269; Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 182, 184.

ности содеянного, все же возможны случаи, когда обязательное усиление наказания было бы лишено оснований, в связи с чем придание указанным обстоятельствам характера квалифицирующих было бы вряд ли справедливым¹.

Однако рассматриваемое свойство квалифицирующих и привилегирующих обстоятельств – безусловное влияние на изменение степени общественной опасности – является спорным. Например, Н.Г. Кадников считает, что если законодатель допускает малозначительность деяния, формально содержащего все признаки преступления, то и отдельные дифференцирующие (квалифицирующие или привилегирующие) признаки могут быть малозначительными².

Например, как полагает автор, такой квалифицирующий признак кражи, как ее совершение из одежды потерпевшего (п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ), не во всех случаях обеспечивает резкий (существенный) «скачок» в степени общественной опасности содеянного. В связи с этим Н.Г. Кадников предлагает дополнить ст. 14 УК РФ частью 3: «Если действие (бездействие) лица лишь формально соответствует признаку, который в Особенной части настоящего Кодекса влечет повышенную (квалифицирующий признак) или пониженную (привилегирующий признак) уголовную ответственность, последняя наступает без учета данного признака»³.

В части возможности не учитывать привилегирующий признак предложение Н.Г. Кадникова трудно поддержать. Если уж законодатель запрещает признавать малозначительными смягчающие обстоятельства, которые не влияют на квалификацию и подлежат учету при индивидуализации наказания (ст. 61 УК РФ), то тем более это невозможно применительно к привилегирующим обстоятельствам, значительно изменяющим пределы наказуемости деяния. Кроме того, в отношении привилегирующих признаков предлагаемое дополнение ст. 14 неактуально, поскольку в УК РФ

¹ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки Редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издано Н.С. Таганцевым. СПб, 1904. С. 608.

² Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 513.

³ Там же. С. 514.

привилегирующие признаки почти не используются. К тому же трудно представить ситуацию, в которой суд признал бы «малозначительным», например, совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны и квалифицировал содеянное не по ч. 1 ст. 108, а по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

По поводу второй составляющей первого критерия конструирования привилегированных составов отметим, что существенность и значительность уменьшения степени общественной опасности относятся к числу оценочных категорий. В самом деле, когда уменьшение степени общественной опасности деяния можно считать существенным, а когда – несущественным? Тем более что названное свойство – существенное влияние на уменьшение степени общественной опасности деяния – присуще и смягчающим обстоятельствам в собственном смысле слова (за исключением обстоятельств, не относящихся непосредственно к деянию, например, явка с повинной или наличие малолетних детей у виновного). Л.Л. Кругликов подчеркивал, что смягчающие и отягчающие обстоятельства не просто влияют на опасность преступления и личности (или только личности) виновного (и, следовательно, на объем ответственности), но это влияние является значительным, существенным¹.

Так, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ) или в результате физического принуждения (п. «е» указанной части), несомненно, значительно уменьшают степень общественной опасности содеянного, однако названные обстоятельства не влекут привилегированной ответственности – ни за убийство, ни за иные преступления. При учете таких обстоятельств наказание назначается в рамках санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, тогда как привилегирующие признаки влекут изменение санкции и наказуемости деяния.

Возможно, по этой причине Л.Л. Кругликов и другие авторы говорят не просто о существенном, а о **резком** влиянии квалифицирующих и привилегирующих обсто-

¹ Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (вопросы теории). Воронеж, 1985. С. 46-48.

ятельств на степень общественной опасности¹, что, впрочем, тоже является оценочной характеристикой.

О существенном изменении степени общественной опасности квалифицированного или привилегированного состава может свидетельствовать существенное изменение санкции по сравнению с санкцией за основной состав преступления. Однако здесь имеет место подмена причины следствием, так как изменение санкции выступает результатом изменения степени общественной опасности преступления. Избегая этой подмены, переформулируем данный тезис следующим образом: *квалифицирующее или привилегирующее обстоятельство должно оправдывать существенное (значительное) изменение (повышение или понижение) законодателем санкции по сравнению с санкцией, установленной им за основной состав преступления*. Но и в этом случае не удастся избежать оценочных понятий и аналогичного вопроса: когда изменение санкции можно признать значительным, а когда нет?

На наш взгляд, существенное влияние обстоятельства на степень общественной опасности содеянного могло бы выражаться в изменении вследствие наличия такого обстоятельства категории преступления (ст. 15 УК РФ), но очевидно, что в ряде случаев это невыполнимо. Так, например, к категории особо тяжких преступлений, бесспорно, должны быть отнесены как простое, так и квалифицированные убийства, что и предусмотрено УК РФ.

Если взглянуть на санкции статей 105-108 УК РФ, можно сделать вывод именно о резком, по мнению законодателя, уменьшении степени общественной опасности привилегированных убийств по сравнению с простым убийством. Так, простое убийство отнесено к категории особо тяжких преступлений, а привилегированные – к категории преступлений средней и небольшой тяжести. Нижний порог санкции за простое убийство (6 лет лишения свободы) превышает максимальную из санкций, установленных за привилегированные убийства (5 лет лишения свободы).

¹ Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (2000-2009 гг.). Ярославль, 2010. С. 453.
Донец С.П. Квалифицированные и привилегированные составы преступлений в системе уголовно-правового воздействия. М., 2015. С. 37.

Требование о значительном или резком влиянии привилегирующего признака на степень общественной опасности деяния предполагает наличие возможности измерения этой степени. Т.А. Лесниевски-Костарева в качестве самостоятельного критерия отбора квалифицирующих и привилегирующих обстоятельств выделяет *существование реальной возможности оценки законодателем увеличения или уменьшения степени общественной опасности содеянного в случае присутствия квалифицирующего или привилегирующего обстоятельства*¹, отмечая при этом, что в настоящее время механизма такой оценки нет (за исключением метода экспертных оценок)².

Задача измерения степени общественной опасности намного упрощается в случаях, когда квалифицирующим признаком выступает размер причиненного ущерба. Очевидно, что хищение 2 млн. рублей обладает большей общественной опасностью, чем хищение 10 тыс. рублей, а дача взятки в размере 15 тыс. рублей менее опасно, чем дача взятки в особо крупном размере, и т.д. Однако в любом убийстве степень ущерба всегда одинакова и выражается в смерти человека (исключением может служить убийство двух или более лиц). Причем уголовный закон защищает жизнь всякого человека в равной мере, независимо от его возраста, социального положения, заслуг перед обществом и т.п. Поэтому применительно к убийству следует в первую очередь руководствоваться положением, что степень общественной опасности преступления определяется объективными и субъективными элементами преступного деяния³. При одинаковых объекте преступления (жизнь человека), преступных последствиях (смерть человека), форме вины (умысел), являющихся, как мы писали выше, элементами содержания характера общественной опасности, различные виды убийства могут различаться по степени общественной опасности в за-

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 287.

² Там же. С. 288. О способах измерения степени общественной опасности преступлений см.: Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 724 и след. Сам А.П. Козлов считает «самым плодотворным» измерение степени общественной опасности через санкцию, при этом признавая, что при таком подходе меняются местами причина и следствие (Козлов А.П. Указ. соч. С. 728).

³ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 72, 74.

висимости, в том числе, от способа совершения преступления (общеопасный способ (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), особо жестокий по отношению к потерпевшему способ (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и др.), цели, мотива и побуждений (например, корыстное убийство характеризуется большей общественной опасностью, чем убийство из ревности или личной неприязни). Как писала Н.Ф. Кузнецова, низменные побуждения в убийстве могут быть различны по степени злостности, внезапный или аффективный умысел по степени опасности уступает предумыслу, т.е. заранее и тщательно осмысленному субъективному отношению лица к предстоящему преступлению, и т.д.¹

По нашему убеждению, основанному, в частности, на рассмотрении в предыдущем параграфе привилегирующих признаков, закрепленных в ч. 1 ст. 107, ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, убийство, совершенное в состоянии аффекта, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, и убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, характеризуются гораздо меньшей степенью общественной опасности, чем простое убийство.

2. Привилегирующими могут быть признаны лишь те обстоятельства, которые характеризуют содеянное, то есть обстоятельства, проявившиеся в преступлении².

Из этого следует, во-первых, что не должны признаваться привилегирующими те обстоятельства, которые относятся к личности виновного, включая ее общественную опасность, не будучи выражены при этом в самом деянии³. По этой причине не могут быть привилегирующими обстоятельствами, например, несовершеннолетие, беременность виновной, совершение преступления лицом, ранее не привлекавшимся к уголовной и административной ответственности, и т.д.

Во-вторых, к привилегирующим могут быть отнесены только те обстоятель-

¹ Там же. С. 72.

² Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 284.

³ Ткаченко В.И. Составы преступлений с отягчающими обстоятельствами // Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью (вопросы теории, истории и практики). Сборник научных трудов. М., 1988. С. 40. Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 284-285.

ства, которые имели место до момента окончания преступления. С этой точки зрения, не должны признаваться привилегирующими такие обстоятельства (в том числе относящиеся к характеристике личности виновного), как, например, предотвращение виновным вредных последствий, возмещение причиненного вреда, оказание помощи потерпевшему и т.д.¹.

Нетрудно заметить, что данный критерий привилегизации вытекает из первого критерия, т.е. из требования о существенно меньшей степени общественной опасности привилегированного состава по сравнению с простым составом. Ведь если обстоятельство характеризует только личность виновного или его постпреступное поведение и непосредственно не выражено в самом преступлении, нельзя говорить, что это обстоятельство уменьшает степень общественной опасности *содеянного*.

То, что привилегирующие обстоятельства, закрепленные в статьях 107 и 108 УК РФ, выражены непосредственно в деянии и имели место до момента его окончания, с очевидностью следует из диспозиций и даже из названия указанных статей. Статья 107 устанавливает ответственность за убийство, *совершенное в состоянии аффекта, вызванного* насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, ч. 1 ст. 108 – за убийство, *совершенное при* превышении пределов необходимой обороны, ч. 2 ст. 108 – за убийство, *совершенное при* превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Противоправное и (или) аморальное поведение потерпевшего в данных преступлениях имело место до момента их окончания, поскольку именно это поведение и привело к совершению рассматриваемых деяний.

В то же время нельзя не отметить, что наличие аффекта дает определенное представление и о личности виновного. Одни и те же противоправные или амораль-

¹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 185.

ные действия могут вызвать различные эмоции в зависимости от темперамента и психологических особенностей личности. Так, например, оскорбления в нецензурной форме могут привести к состоянию аффекта у взрывного, вспыльчивого человека, а сдержанный и невозмутимый человек может вообще не обратить на них внимания. Однако при этом аффект, как правильно указывается в литературе, характеризует не субъекта преступления, а само деяние, являясь элементом его субъективной стороны¹.

3. Обстоятельство, претендующее на включение в число привилегирующих, должно быть относительно распространенным (т.е. не должно носить единичного характера), однако оно не может сопровождать большинство преступлений определенного вида².

Применительно к рассматриваемым видам убийства названный критерий соблюдается. Так, убийство, совершенное в состоянии аффекта, и убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, довольно распространены в судебной практике, но при этом совершаются намного реже, чем основной состав убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Так, в 2015 г. по ч. 1 ст. 105 осуждено 7190 лиц, ч. 1 ст. 107 – 91, ч. 2 ст. 107 – 3, ч. 1 ст. 108 – 340. За первое полугодие 2016 г. по ч. 1 ст. 105 осуждено 3373 лица, по ч. 1 ст. 107 – 32, ч. 2 ст. 107 – 1, ч. 1 ст. 108 – 134³.

Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, гораздо менее распространено, но и оно не носит исключительного характера. В 2015 г. по ч. 2 ст. 108 УК РФ осуждено 5 лиц, в 2014 г. и в первом полугодии 2016 г. – по 2⁴. Таким образом, каждый год стабильно совершается несколько преступлений, квалифицированных по ч. 2 ст. 108 УК РФ.

4. Обстоятельство, претендующее на статус привилегирующего, может

¹ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 66. Существует и противоположное мнение. См.: Орешкина Т.Ю. Психофизиологическое состояние субъекта как признак состава преступления // Судья, 2016, № 4. С. 28-30.

² Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 279; Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 182, 183.

³ Данные судебной статистики с официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в сети «Интернет»: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

⁴ Там же.

быть сформулировано в достаточно абстрактной форме (например, невозможно подвергнуть законодательной регламентации такое обстоятельство конкретного уголовного дела о краже, как ущерб в сумме 5000 рублей)¹.

В действующем УК РФ привилегирующие обстоятельства составов убийства, предусмотренных статьями 107 и 108, сформулированы вполне абстрактно. Казуистичное изложение зачатков норм о привилегированных видах убийства характерно для памятников древнерусского права. Например, Русская Правда, как уже отмечалось, позволяла убить вора, пойманного на месте преступления, но запрещала убийство после его задержания, когда вор уже не представляет опасности. Однако это объясняется в первую очередь общим низким уровнем юридической техники в древнерусском праве и неразработанностью основных институтов уголовного права, в том числе обстоятельств, исключающих преступность деяния (а тем более – понятий нарушения правомерности таких обстоятельств).

В то же время следует подчеркнуть, что рассматриваемое требование носит содержательный, а не юридико-технический характер. Речь идет о требовании, которому должно соответствовать потенциальное привилегирующее обстоятельство, а не о требовании к юридико-техническому закреплению в законе обстоятельства, которое уже признано законодателем привилегирующим. Если то или иное обстоятельство в принципе не может быть сформулировано в абстрактной форме, оно не может и претендовать на статус привилегирующего или квалифицирующего.

5. Существует реальная возможность установления обстоятельства конкретного уголовного дела, соответствующего предусмотренному в законе привилегирующему признаку².

Установление обстоятельств уголовных дел в большей степени относится к сфере криминалистики и уголовно-процессуального права, поэтому для оценки со-

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 287. См. также: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 88.

² Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 288; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 487-488 (автор – Н.Г. Кадников).

ответствия потенциального привилегирующего обстоятельства указанному критерию целесообразно обращение к этим дисциплинам, включая специальные исследования¹.

Вместе с тем трудно усомниться, что привилегирующие обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 107 и ст. 108 УК РФ, могут быть установлены в конкретных уголовных делах. Уровень развития криминалистической техники и тактики, судебной экспертизы, института доказывания позволяет с высокой степенью достоверности установить, что в момент убийства виновный находился в состоянии аффекта, вызванного противоправным или аморальным поведением потерпевшего, а также что убийство совершено при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника.

В частности, при расследовании убийства для правильной оценки роли личности и поведения потерпевшего в формировании мотива, создании ситуации преступления, для установления психического состояния виновного используются психологические знания, в том числе в форме судебно-психологической экспертизы и участия специалиста-психолога в следственных действиях². Требование о проведении судебно-психологической экспертизы касается в первую очередь убийства в состоянии аффекта.

Для установления привилегирующих обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 107 и ст. 108 УК РФ, могут быть использованы и другие средства, в том числе свидетельские показания. Например, показания, что в момент убийства виновный «побледнел», «весь дрожал», «говорил не своим голосом», могут свидетельствовать об аффекте³. В случае совершения преступления в общественном месте могут использоваться записи камер видеонаблюдения и т.д.

Онежским городским судом Архангельской области Заборщиков признан ви-

¹ См., напр.: *Соловьева Н.А.* Методика расследования детоубийств: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2001. *Федоров А.А.* Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006.

² *Ситковская О.Д.* Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий. М., 2009. С. 117, 124.

³ См., напр.: *Криминальная психология: курс лекций / под науч. ред. О.Д. Ситковской.* М., 2016. С. 66.

новным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ. Преступление было совершено в баре, в котором были установлены видеокамеры. По техническим причинам (из-за сбоя в электропитании) в течение нескольких минут видеозапись не производилась, и камеры не зафиксировали момент преступления. Несмотря на это, обстоятельства преступления: угроза применения насилия, не опасного для жизни и здоровья, способ защиты, явно не соответствующий характеру и опасности посягательства (нанесение «розочкой» бутылки колото-резаного ранения шеи), посткриминальное поведение и т.д. – были установлены благодаря другим доказательствам, в том числе показаниям самого виновного и свидетелей (посетителей и персонала бара)¹.

Т.А. Лесниевски-Костарева выделяет также дополнительные («условно-формальные») критерии конструирования привилегированных и квалифицированных составов и относит к ним, в частности, *правосознание общества и отношение общественного мнения к ослаблению или усилению уголовной репрессии посредством привилегирующих и квалифицирующих признаков, традиции использования квалифицирующих и привилегирующих признаков в истории отечественного уголовного законодательства, международный законодательский опыт*².

Закрепление составов убийства, указанных в ч. 1 ст. 107, ч. 1 ст. 108 и ч. 2 ст. 108, в качестве привилегированных, как представляется, соответствуют общественному правосознанию³ и, как следует из § 1 настоящей главы, традициям регламентации ответственности за привилегированные составы убийства в истории отечественного законодательства, в меньшей степени – традициям зарубежного уголовного права.

Необходимо заметить, что большинству рассмотренных выше критериев (тре-

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/6547222> (дата обращения – 12.03.2017).

² Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 288.

³ О чем может косвенно свидетельствовать, в частности, то, что средства массовой информации, как пишет Г.Н. Борзенков, зачастую в позитивном свете преподносят факты самочинных расправ над пойманными на месте преступления ворами, подпадающих под ч. 2 ст. 108 УК РФ (см.: Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. С. 154).

бований) должны соответствовать любые признаки состава преступления, а не только привилегирующие или квалифицирующие¹. Требование о существенном и обязательном влиянии на степень общественной опасности содеянного, наоборот, носит специальный характер и относится только к квалифицирующим и привилегирующим признакам. Данный критерий привилегизации следует отнести к основополагающим, так как он связан с главной функцией привилегирующих признаков – дифференциацией ответственности в зависимости от степени общественной опасности преступления.

Таким образом, выделение российским законодателем в качестве привилегированных составов убийства, совершенного в состоянии аффекта (ч. 1 ст. 107 УК РФ), убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), и убийства, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ), соответствует выработанным в науке уголовного права критериям привилегизации преступлений.

В то же время всесторонний анализ привилегирующих признаков убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) позволяет сделать вывод об их несоответствии главному, системному критерию привилегизации – обязательному влиянию на существенное уменьшение степени общественной опасности привилегированного состава по сравнению с основным составом (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

С другой стороны, следует отметить наличие объективных предпосылок привилегизации убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания, которое в настоящее время не относится к числу привилегированных составов убийства.

Детоубийству и убийству по мотиву сострадания посвящены отдельные главы

¹ См., напр.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 487-488, 499-500 (автор – Н.Г. Кадников).

настоящего исследования.

Наряду с критериями привилегизации, следует рассмотреть требования к законодательной технике построения привилегированных составов – требования, которые можно условно назвать законодательно-техническими, или юридико-техническими. Если критериями привилегизации законодатель должен руководствоваться на этапе решения вопроса о целесообразности привилегизации того или иного состава преступления, то законодательно-технические требования должны быть соблюдены уже на этапе закрепления привилегированных составов в уголовном законе.

К законодательно-техническим (юридико-техническим) относятся следующие требования.

1. Привилегирующий признак должен быть описан в диспозиции статьи Особенной части УК, но не в санкции, как это зачастую имело место в ранее действовавшем уголовном законодательстве (УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.)¹.

2. Каждый привилегированный состав преступления целесообразно закреплять в отдельной статье уголовного закона, за исключением тех случаев, когда основной состав преступления не имеет квалифицирующих признаков, а обладает только привилегирующими².

3. Содержание привилегирующего признака должно быть согласовано со спецификой признаков и конструкций основного состава преступления. В частности, формулировка привилегирующего признака не должна входить в противоречие с основным составом³.

4. При описании привилегированного состава нецелесообразно воспроиз-

¹ Барков А.В. Значение, понятие, виды и принципы конструирования квалифицирующих признаков преступлений // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности в СССР. Минск, 1983. С. 286; Ткаченко В.И. Составы преступлений с отягчающими обстоятельствами // Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью (вопросы теории, истории и практики). Сборник научных трудов. М., 1988. С. 42.

² Огородникова Н.В. Некоторые аспекты совершенствования законодательной регламентации привилегированных составов преступлений в российском уголовном законе. // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции 29-30 января 2004 г. С. 123.

³ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 291, 293.

дить признаки объективной стороны основного состава. Вместо этого в диспозиции статьи, предусматривающей привилегированный состав, следует использовать, в частности, словосочетание «то же деяние»¹.

5. Привилегирующий признак должен быть четко зафиксирован в диспозиции соответствующей статьи; он не должен подразумеваться или презюмироваться законодателем².

Статьи 107 и 108 УК РФ, как несложно заключить из их анализа, отвечают указанным законодательно-техническим требованиям, за исключением требования о закреплении каждого привилегированного состава в отдельной статье.

Объединение в одной статье УК убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, и убийства, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, связано с традициями отечественного уголовного права. Напомним, что в УК РСФСР 1922 г. ответственность за оба вида убийства тоже была предусмотрена одной статьей (ст. 145). УК РСФСР 1960 г. относил к привилегированным убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения (ст. 104), и убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105). При этом согласно разъяснению Пленума Верховного Суда СССР, по ст. 105 УК РСФСР 1960 г. могло квалифицироваться и убийство при превышении мер, необходимых для задержания преступника³.

Поскольку речь идет о пусть и схожих, но самостоятельных составах убийства, следует согласиться с предложением предусмотреть эти составы в отдельных статьях УК РФ⁴. Поэтому автором предлагается признать часть 2 ст. 108 УК РФ утратившей силу и ввести статью 108¹ «Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление».

Существуют и другие юридико-технические требования, касающиеся построе-

¹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 190-192.

² Ср.: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 177-178.

³ См. п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств».

⁴ Огородникова Н.В. Указ. соч. С. 123.

ния привилегированных составов. Так, при описании привилегирующих признаков следует избегать расплывчатых формулировок, оценочных понятий, стремиться к унификации терминологии и т.д.¹ Однако данные требования носят универсальный характер и не относятся к специфике привилегированных составов, а потому не нуждаются в специальном рассмотрении.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что включение в систему привилегированных составов убийства преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 107, ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, является обоснованным.

В то же время считаем целесообразным высказать предложение ужесточить наказуемость этих преступлений и тем самым вывести привилегированные составы убийства из категории преступлений небольшой тяжести, что, как представляется, больше соответствует степени их общественной опасности.

Вопрос о том, допустимо ли отнесение противоправного умышленного причинения смерти человеку (пусть и при наличии привилегирующих обстоятельств) к преступлениям небольшой тяжести, носит эτικο-правовой характер. Человеческая жизнь – это важнейшая социальная ценность и главный приоритет уголовно-правовой охраны. Несмотря на это, положения УК РФ об ответственности за привилегированные составы убийства в последние годы подверглись существенной «либерализации».

В 2009 и 2011 гг. законодатель смягчил наказуемость рассматриваемых преступлений, предусмотрев за их совершение новые виды наказаний, не связанные с лишением свободы.

Изначально УК РФ отнес убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108) к преступлениям небольшой тяжести, а остальные привилегированные убийства – к преступлениям средней тяжести. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской

¹ Барков А.В. Указ. соч. С. 286; Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 311 и след.

Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, значительно «гуманизовавший» уголовную ответственность, перевел «простое» убийство в состоянии аффекта (ч. 1 ст. 107) и убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108), в категорию преступлений небольшой тяжести. В соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, а не двух, как в прежней редакции.

Следует сказать, что в последние годы грань между преступлениями небольшой и средней тяжести становится все более размытой. Еще сильнее названные категории преступлений сблизил указанный Федеральный закон от 7 декабря 2011 г., в котором в качестве смягчающего наказание обстоятельства предусмотрено совершение впервые вследствие случайного стечения обстоятельств преступления не только небольшой, но и средней тяжести. Законодатель во многих случаях не проводит различий между двумя рассматриваемыми категориями преступлений. Это проявляется в нормах, регламентирующих назначение лишения свободы (ч. 1 ст. 58), освобождение от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.2), погашение судимости (п. «в» ч. 3 ст. 86) и т. д. Кроме того, ч. 6 ст. 15, введенная в УК РФ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г., позволяет суду при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления.

И все же различие между двумя рассматриваемыми категориями преступлений сохраняет свое значение.

Так, согласно ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления только небольшой тяжести. Часть 1 ст. 56 УК РФ устанавливает, что наказание в виде лишения свободы

¹ Собрание законодательства РФ, 2011. № 50. Ст. 7362; 2012. № 53. Ст. 7632; 2013. № 52. Ст. 6996.

может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК, или только если соответствующей статьей Особенной части Кодекса лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания. В силу ч. 6 ст. 88 УК РФ, наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые.

Различия касаются и сроков давности привлечения к уголовной ответственности и обвинительного приговора суда (для преступлений небольшой тяжести данный срок составляет два года, а для преступлений средней тяжести – шесть лет).

Совершение преступлений небольшой тяжести и преступлений средней тяжести, кроме того, влечет различную продолжительность срока применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных пунктами «б» и «г» ч. 2 ст. 90 УК РФ (ч. 3 указанной статьи).

Исходя из ст. 56 УК РФ, суд не вправе назначить наказание в виде лишения свободы осужденному, впервые совершившему (при отсутствии отягчающих обстоятельств) преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 107 и ст. 108 УК РФ: эти преступления относятся к категории преступлений небольшой тяжести и лишение свободы не предусмотрено в качестве единственного наказания за их совершение. Причем если лицо ранее было судимо, но эта судимость была снята или погашена в установленном законом порядке, то совершение нового преступления признается совершением преступления в первый раз¹. В соответствии со ст. 86 УК РФ, максимальный срок погашения судимости за преступления небольшой тяжести составляет три года после отбытия наказания. Напомним, что при признании рецидива преступлений, в

¹ Ср. пп. «в» п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (Бюллетень Верховного Суда РФ, 2013, № 8).

силу ч. 4 ст. 18 УК РФ, судимости за умышленные преступления небольшой тяжести не учитываются. Таким образом, ч. 1 ст. 56 УК РФ открывает возможность для лиц, склонных к насильственным преступлениям, каждый раз после погашения судимости в сроки, предусмотренные ч. 3 ст. 86 УК РФ, совершать убийство в состоянии аффекта или убийство при превышении пределов необходимой обороны и избегать лишения свободы. Такое положение дел вряд ли будет способствовать осуществлению задач охраны прав и свобод человека и гражданина и предупреждения преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Перевод составов убийства, предусмотренных ч. 1 ст. 107 и ст. 108, в категорию преступлений средней тяжести смог бы устранить очевидную абсурдность рассматриваемого положения.

Целесообразно, на наш взгляд, повысить верхнюю границу санкции ч. 1 ст. 108 УК РФ до четырех лет лишения свободы¹, а за убийство в состоянии аффекта и убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, – до пяти лет.

Увеличение наказания за убийство в состоянии аффекта позволит отказаться от разделения ст. 107 УК РФ на две части. Полагаем, что выделение в рамках привилегированного убийства квалифицированного вида ведет к усложнению системы привилегированных составов убийства и избыточной детализации уголовного закона. Статьи о других привилегированных убийствах (ст. 106, ч. 1 ст. 108 и ч. 2 ст. 108 УК РФ) не предусматривают дифференциацию соответствующих преступлений на простое и квалифицированное. В силу п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», по смыслу закона убийство не должно расцениваться как совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных п.п. «а», «г», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также при обстоятельствах, с которыми обычно связано пред-

¹ Уголовное законодательство большинства зарубежных стран не предусматривает привилегированный состав убийства при превышении пределов необходимой обороны. В УК Республики Болгария, где данное преступление отнесено к привилегированным, за его совершение предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет (ст. 119).

ставление об особой жестокости (в частности, множественность ранений, убийство в присутствии близких потерпевшему лиц), если оно совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения либо при превышении пределов необходимой обороны. Кроме того, в соответствии с правилами квалификации преступлений при конкуренции квалифицированных и привилегированных составов должен применяться привилегированный состав¹.

В период действия УК РСФСР 1960 г. убийство в состоянии сильного душевного волнения двух и более лиц квалифицировалось по ст. 104 «Умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения», которая не предусматривала каких-либо квалифицирующих разновидностей. При этом в пункте 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 15 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» содержалось следующее разъяснение: «Не должно квалифицироваться как совершенное при отягчающих обстоятельствах убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, а также с превышением пределов необходимой обороны, при обстоятельствах, предусмотренных пунктами «г», «д», «ж», «з», «и», «л» ст. 102 УК РСФСР» (п. «з» – умышленное убийство двух или более лиц).

Следовательно, в случае признания ч. 2 ст. 107 УК РФ утратившей силу убийство двух и более лиц в состоянии аффекта будет квалифицироваться по ст. 107 УК РФ, а совершение преступления в отношении двух или более лиц будет учитываться при назначении наказания².

В свете изложенного предлагается сформулировать еще один критерий отбора обстоятельств для закрепления в качестве квалифицирующих или привилегированных: *Привилегированный (квалифицирующий) признак состава должен быть согласо-*

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М., 2015. Электронный ресурс: доступ из СПС «Консультант Плюс».

² В литературе встречается также предложение о введении квалифицированных видов убийства матерью новорожденного ребенка с закреплением их в предполагаемой ч. 2 ст. 106 УК РФ. См.: Лукичев О.В. Указ. соч. С. 147-148; Сердюк Л. Указ. соч. С. 45; Кривошеин П. Указ. соч. С. 40; Грубова Е.И. Указ. соч. С. 115. Лунева А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2013. С. 12.

ван с иными нормами, институтами и принципами уголовного права, а также с другими привилегирующими и квалифицирующими признаками и логикой их законодательной регламентации.

В обоснование исключения ч. 2 ст. 107 УК РФ можно сослаться и на то, что этот «квалифицированный привилегированный» состав, хотя и не носит единичного характера, все же довольно редко встречается в судебной практике. Так, в 2014 и 2015 г. по ч. 2 ст. 107 УК РФ осуждено соответственно 4 и 3 лица¹.

Далее пойдет речь о выбранных для отдельного рассмотрения убийстве матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), который предлагается исключить из числа привилегированных составов убийства, и убийстве по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания, который, по нашему мнению, напротив, нуждается в привилегизации.

¹ Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.

Глава 2. Убийство матерью новорожденного ребенка (детоубийство¹)

§ 1. Уголовная ответственность за детоубийство: исторический и сравнительно-правовой аспекты

Отношение к детоубийству существенно отличалось в различные исторические эпохи и в различных странах. «Детоубийство, – писал в рецензии на одноименную книгу М.Н. Гернета С.В. Познышев, – пережило поучительную и интересную эволюцию: в одни эпохи и в одних местах оно не составляло преступления, в другие – попадало в квалифицированные виды убийства, в третьи – не выделялось из общего понятия убийства или становилось привилегированным видом убийства»².

Детоубийство было широко распространено у разных племен в древности и обуславливалось преимущественно экономическими причинами и соображениями целесообразности. Воспитание детей представляло значительные трудности в условиях борьбы племени за существование, бедности, ограниченности ресурсов, сложности добычи средств пропитания, поэтому детоубийство не встречало у древних народов осуждения и не влекло наказания.

Однако, как отмечает М.Н. Гернет, детоубийство существовало и у тех древних народов, которые достигли высокой ступени развития. Например, древние египтяне считали, что родители не должны подлежать наказанию за убийство своих детей, поскольку сами дали им жизнь³.

В античную эпоху власть над детьми принадлежала отцу. Эта власть предполагала возможность распорядиться, в том числе, жизнью своего ребенка. Детоубийство

¹ В данной работе термин «детоубийство» употребляется как синоним выражения «убийство матерью своего новорожденного ребенка», что соответствует сложившейся традиции его использования в отечественной научной литературе.

² Познышев С.В. М.Н. Гернет. Детоубийство. М., 1911. 315 стр. // Вопросы права. Журнал научной юриспруденции. Книга IX (1). М., 1912. С. 186.

³ Гернет М.Н. Детоубийство. М., 1911. С. 9.

допускали величайшие философы и мыслители античности (Платон, Аристотель, Цицерон, Сенека и др.).

С усилением позиций христианства ситуация кардинально меняется. Церковь видела в ребенке человека, наделенного душой. С точки зрения христианина, лишение жизни любого человеческого существа являлось тяжким нарушением заповеди «не убий». Благодаря христианству из детоубийства выделяется его особый вид – причинение смерти внебрачному ребенку. В убийстве незаконнорожденного некрещеного ребенка христианская церковь видела совокупность трех «смертных грехов»: 1) посягательство на жизнь; 2) лишение жертвы благодати крещения – нарушение одной из важнейших религиозных обязанностей; 3) сокрытие следов внебрачных половых отношений – преступление против нравственности. Поэтому детоубийство в эпоху господства христианства относилось к числу самых тяжких преступлений¹.

Взгляды канонического права нашли отражение в средневековом светском законодательстве, в частности, в Бамбергском уголовном уложении 1507 г. и эдикте Генриха II 1556 г. (Франция).

В России Соборное уложение 1649 г. устанавливало: «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно и в блуд приживет с кем детей, и сама или по велению ее иной кто погубит, а сыщется про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ее велению детей ее погубит, казнить смертью безо всякой пощады, чтоб на то, смотря иные такова беззаконного и скверного дела не делали и от блуда унялися»². В то же время за убийство матерью или отцом «законного» ребенка Соборное уложение предписывало «их за то посадить в тюрьму на год, а, отсидев в тюрьме год, приходить им к церкви божьей... объявлять тот свой грех всем людям вслух. А смертью отца и матери за сына или дочь не казнить»³. Из приведенных положений видно, что

¹ Боровитинов М.М. Детоубийство в уголовном праве. СПб., 1905. С. 5; Гернет М.Н. Указ. соч. С. 14, 20.

² Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Том 3: Акты Земских соборов. М., 1984. С. 251.

³ Там же. С. 248. Следовательно, фактическую ошибку допускает С.В. Бородин, указывая, что Соборное уложение 1649 г. относило убийства «законных и незаконных детей» к убийствам с отягчающими обстоятельствами, наказуемым смертной казнью (См.: Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 2000. С. 19-20.). Неверно и утверждение

они были направлены не на охрану интересов новорожденных, а на охрану брачных отношений и половой морали.

В Европе вплоть до конца XVIII века законодательство об ответственности за детоубийство определялось отношением к этому преступлению церкви. С этого времени под влиянием идей Ч. Бекарриа, И. Бентама и других мыслителей наметился новый подход к ответственности за детоубийство¹. Было обращено внимание на мотив, который толкал женщину на убийство своего внебрачного ребенка, – мотив стыда, страха общественного мнения, сложившегося под влиянием христианской религии. Боясь «грозного общественного суда», женщина стремилась скрыть позор внебрачной связи. Этот признанный извинительным мотив послужил основанием для смягчения ответственности детоубийцы.

Снисходительное отношение к убийству матерью внебрачного новорожденного ребенка в XIX в. теоретически обосновал немецкий философ Л. Фейербах².

Благодаря достижениям медицины в XVIII-XIX вв., появляется еще одно основание привилегированности детоубийства – ненормальное психическое состояние матери, обусловленное родами. Медицина обратила внимание на то, что процесс родов оказывает сильное влияние на весь организм женщины, вызывая сильное потрясение в ее нервной системе. Эти особенности соматического состояния роженицы отражаются на ее волевой деятельности, лишая ее возможности отдавать отчет в своих поступках³.

В XIX в. в большинстве государств Европы устанавливается более мягкая ответственность за детоубийство. Принятие законодателем за основу снисходительного отношения к детоубийству мотива страха и стыда означало смягчение наказания лишь за убийство матерью «незаконного» (внебрачного) ребенка. Такой подход был

С.В. Тасакова, что «детоубийство незаконнорожденного» по Соборному уложению 1649 относилось к привилегированным видам убийства (См.: Тасаков С.В. Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах по уголовному праву России: дис. ... канд. юр. наук. Чебоксары, 2000. С. 159.).

¹ Гернет М.Н. Указ. соч. С. 20, 40.

² Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 46.

³ Там же. С. 46-47; Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб., 1871. С. 125.

закреплен, например, в Прусском уголовном кодексе (Strafgesetzbuch) 1851 г., Саксонском уголовном кодексе 1855 г. Уголовный кодекс объединенной Германии 1871 г. также в привилегированный состав выделил убийство матерью внебрачного новорожденного ребенка. Напротив, придание привилегирующего значения болезненно-психическому состоянию матери, вызванному родами, вело к признанию менее опасным любого убийства матерью новорожденного ребенка, в том числе рожденного в законном браке. Более мягкая ответственность за всякое убийство матерью новорожденного ребенка была установлена, например, в Баварском уголовном кодексе 1861 года.

Н.С. Таганцев, придавая значение как мотиву детоубийства, так и ненормальному психическому состоянию матери, вызванному родами, и полагая, что эти факторы дополняют и усугубляют друг друга, считал правильным третий подход: установление привилегированной наказуемости любого детоубийства исходя из обоих рассматриваемых оснований, но с более сильным смягчением наказания в случае, если ребенок был внебрачный (как, например, в Уголовном кодексе Австрии 1852 г.). Ученый отмечал, что «если у женщин, рождавших неоднократно, окруженных всевозможными попечениями и спокойствием во время беременности, пользующихся во время родов помощью лиц сведущих, это расстройство бывает так сильно, что ... заставляет отнестись к ним снисходительно, то, очевидно, все эти влияния получают еще большую силу в том случае, когда роды бывают в первый раз, у девушки, скрывавшей свое положение». «Это-то соединение в детоубийстве, - писал Н.С. Таганцев, - с одной стороны мотивов, заставляющих снисходительно отнестись к виновнице преступления, представляющейся большею частью жертвою неправильности общественного строя, с другой – особого соматического состояния, расстройства нервной системы, придающего особенную силу и значение этим психическим влия-

ниям, и дает нам надлежащую точку зрения, с которой должен отнестись законодатель к преступлениям этого рода»¹.

Новые взгляды на детоубийство отразились и на русском уголовном законодательстве. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г. (полностью так и не вступившее в силу) к привилегированным составам убийства относили убийство матерью незаконнорожденного ребенка при его рождении. В то же время лишение жизни «законного» ребенка образовывало тяжкий вид убийства – родственное убийство.

Составители Уложения о наказаниях 1845 г. объясняли необходимость смягчения наказания тем, что «положение виновной в том женщины есть необыкновенное и часто она терзаемая стыдом, страхом, угрызениями совести и изнуренная телесными страданиями, почти лишается рассудка, следственно покушается на ужасное преступление без ясного об оном пред самой собой сознания. Смягчения сего рода допускаются во всех лучших иностранных кодексах»².

Дореволюционные русские криминалисты основанием привилегированной наказуемости за детоубийство считали, как представляется, скорее ненормальное психическое состояние матери, вызванное родами, нежели мотив стыда и страха общественного мнения. Так, В.Д. Набоков указывал, что более мягкое отношение к детоубийству объясняется принятием во внимание угнетенного психического состояния родильницы³. Л.С. Белогриц-Котляревский писал, что привилегию детоубийства создает ненормальное психическое состояние матери⁴. По словам Н.Н. Розина, основания смягченного наказания за детоубийство - «особое патологическое, в физическом и духовном смысле, состояние матери, только что разрешившейся от бре-

¹ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 131-133.

² Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Том I. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876. С. 316; Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 135.

³ Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. Книга I. СПб., 1903. С. 10.

⁴ Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев-Харьков, 1908. С. 345.

мени незаконным ребенком»¹. С.В. Познышев, объясняя привилегированность детоубийства, отмечал «особое положение родильницы, нарушающее душевное равновесие женщины и ослабляющее ее способность обдумывания и самообладания»².

Тем не менее, и Уложение о наказаниях 1845 г., и Уголовное уложение 1903 г. устанавливали привилегированную ответственность только за убийство внебрачного ребенка, тогда как убийство «законного» ребенка образовывало квалифицированный состав. В этой связи С.В. Познышев полагал, что с теоретической точки зрения «следовало бы считать привилегированным убийством вообще умышленное лишение жизни новорожденного младенца его матерью в период родов, под влиянием сильного душевного волнения». «Нет оснований, - писал ученый, - считать привилегированным лишь убийство родильницей ее незаконного ребенка, как это делают оба наши Уложения, хотя этот случай следовало бы оговорить, как особо мягко наказуемый. Несомненно, однако, что и лишение жизни законного ребенка, при указанных выше обстоятельствах, заслуживает выделения из общего понятия убийства. Основание привилегированной наказуемости — тяжелое душевное состояние матери, обусловленное с одной стороны родами, временно ослабляющими духовные силы женщины, ее способность владеть собой и взвешивать свои поступки, а с другой стороны — овладевшим родильницей волнением, проистекавшим от стыда, страха или иных чувств»³.

С установлением советской власти подход отечественного законодателя к детоубийству снова меняется. Уголовные кодексы РСФСР 1922 г. и 1926 г. относили убийство матерью новорожденного ребенка к квалифицированным убийствам. Причем детоубийство подпадало сразу под два квалифицированных состава: «убийство лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом» (п. «д» ст. 142 УК

¹ Розин Н.Н. Конспект лекций по уголовному праву. СПб., 1904. С. 572.

² Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. М., 1912. С. 49.

³ Там же. С. 49-50.

1922 г., ст. 136 УК 1926 г.) и «убийство с использованием беспомощного положения убитого» (п. «е» названных статей)¹.

Вместе с тем Уголовно-кассационная коллегия Верховного суда РСФСР в Инструктивном письме № 2 от 1926 г. рекомендовала судам назначать за детоубийство лишение свободы на минимальные сроки или ставить вопрос об условном осуждении, если указанное преступление совершено впервые и явилось следствием: «1) острой материальной нужды матери, обрекающей ее и ребенка на голодное существование; 2) острого чувства стыда под давлением невежественной среды, создающей в будущем невыносимую жизнь матери и ребенку; 3) болезненной психики, безусловно расшатанной как самими родами, так, в особенности, и обычной в таких случаях обстановкой (роды без посторонней помощи, в одиночестве, часто в сарае или где-либо в этом роде и т. п.)». Если же, как указывала Уголовно-кассационная коллегия, детоубийство совершено «достаточно культурной матерью и притом при сравнительно благоприятных материальных условиях... или повторно...», то нет «никаких оснований для применения указанных выше мягких мер социальной защиты»². Затем оценка общественной опасности детоубийства меняется. В специальном циркуляре Верховного суда и Наркомата юстиции РСФСР от 27 августа 1935 г. указывалось, что в новых условиях быта, возросшей материальной обеспеченности и культурности всех трудящихся Союза ССР является неправильным применение за детоубийство условного осуждения или иных мягких мер наказания по мотивам материальной нужды, низкого культурного уровня, нападок и издевательства со стороны родных и окружающих и т. п. Карательная политика судебных органов по борьбе с детоубийством, согласно названному циркуляру, должна идти «по линии общего усиления репрессии, т. е. применения безусловного лишения свободы (не ис-

¹ Пионтковский А.А. Преступления против личности. М., 1938. С. 27.

² Мокринский С., Натансон В. Преступления против личности. Комментарий к VI главе // Уголовный кодекс УССР и РСФСР. Сравнительный текст и комментарий. Под ред. М.Е. Шаргея, С.А. Пригова и Ю.П. Мазуренко. Харьков, 1928. С. 19.

ключая и матери-детоубийцы), сопровождаясь одновременно развернутой, на основе судебных процессов, широкой разъяснительной и профилактической работой»¹.

В уголовных кодексах большинства союзных республик, принятых в 20 – 30-е годы XX в., убийство новорожденного ребенка рассматривалось как квалифицированное убийство². Исключением был УК Украинской ССР 1927 г., который относил «убийство матерью своего новорожденного ребенка тотчас или вскоре после родов» (ст. 142) к привилегированным составам, с санкцией до трех лет лишения свободы.

В рассматриваемый период вопрос о целесообразности смягчения ответственности за детоубийство был дискуссионным. В пользу смягчения высказывались ряд авторов³. Так, М.Д. Шаргородский выступал за признание привилегированным убийством детоубийства в случаях, когда оно совершено матерью во время или непосредственно после родов, ссылаясь на то, что «медициной твердо установлено, что женщина в процессе родов не может рассматриваться как полностью отдающая себе отчет в своих действиях, как полностью владеющая собой»⁴.

В то же время были и противники привилегизации детоубийства⁵. Например, А.А. Пионтковский в 1955 г. писал, что в СССР исчезли основные причины, могущие толкнуть женщину на совершение детоубийства, и поэтому оно должно рассматриваться как одно из самых тяжких преступлений против личности⁶.

Небезынтересна точка зрения В.Д. Меньшагина, который рассматривал убийство матерью новорожденного ребенка как самостоятельную разновидность убий-

¹ Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 29.

² Глухарева Л.И. Уголовная ответственность за детоубийство. М., 1984. С. 10.

³ См., напр.: Гродзинский М.М. Преступления против личности (Текст и комментарий к статьям 142-165, 172-179 Уголовного Кодекса) // Уголовный Кодекс РСФСР. Практический комментарий. Под ред. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. М., 1924. С. 12; Авдеева М. Детоубийство // Социалистическая законность, 1937, № 8. С. 67; Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 87-88, 94.

⁴ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 87-88, 94.

⁵ См., напр.: Тадевосян В. Об уголовной ответственности за преступления против детей // Советское государство и право. 1940. № 8-9. С. 151-163; Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955. С. 547-548 (автор – А.А. Пионтковский).

⁶ Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Указ. соч. С. 547-548; см. также: Рашковская Ш.С. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. М., 1956. С. 19.

ства (убийство *sui generis*), но относил его к менее наказуемым, чем простое и квалифицированное убийство¹.

Вопрос о выделении детоубийства в привилегированный состав обсуждался при кодификации советского уголовного законодательства 1958 - 1961 годов. Результатом дискуссии стало закрепление в УК десяти союзных республик (Украинской ССР, Молдавской ССР, Азербайджанской ССР, Узбекской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР, Киргизской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР) состава «умышленного убийства матерью своего новорожденного ребенка во время родов или непосредственно после родов» в качестве привилегированного вида убийства².

В УК других союзных республик, в том числе РСФСР, детоубийство квалифицировалось по общим правилам, то есть чаще всего как простое убийство – без отягчающих и смягчающих обстоятельств (ст. 103 УК РСФСР 1960 г.). Такая оценка тяжести и общественной опасности детоубийства, при которой минимальный предел наказания за названное преступление в одних союзных республиках являлся максимальным пределом в других, подвергался обоснованной критике в литературе³.

В указанный период также были как сторонники⁴, так и противники⁵ отнесения детоубийства к числу привилегированных составов.

Однако, как отмечалось в юридической литературе, детоубийство было фактически, вопреки закону, превращено в привилегированное убийство судебной практикой, которая всегда относилась к детоубийству снисходительно¹.

¹ *Меньшагин В.* Преступления против личности по проекту Уголовного кодекса СССР // Соц. законность, 1937, № 9. С. 37. Ученый предложил включить в проект УК СССР статью о детоубийстве с санкцией в виде лишения свободы от 3 до 10 лет, тогда как простое и квалифицированное (совершенное с особой жестокостью или неоднократно) убийства в указанном проекте предполагалось карать заключением в тюрьму на срок не ниже 5 лет, причем за квалифицированное убийство наказание могло быть повышено до расстрела.

² *Глухарева Л.И.* Указ. соч. С. 12-13.

³ См., напр.: *Тимина Л.И.* Ответственность за детоубийство по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1980. С. 9-10.

⁴ *Побегайло Э.Ф.* Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С. 163; *Наумов А.В.* Мотивы убийств. Волгоград, 1969. С. 97-99; *Тимина Л.И.* Указ. соч. С. 8.

⁵ *Загородников Н.И.* Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 161-165; *Бородин С.В.* Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966. С. 114.

Детоубийство было предусмотрено в первом официальном проекте УК РФ (внесенном Президентом РФ в Верховный Совет в октябре 1992 г.). Статья 105 проекта устанавливала:

«Убийство матерью своего новорожденного ребенка во время родов или непосредственно после них –

наказывается исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет»².

Как видно, проект статьи совпадал с формулировкой детоубийства в УК названных выше десяти союзных республик. Авторы проекта, по их словам, согласились с господствовавшим в судебной практике и доктрине уголовного права подходом, в соответствии с которым детоубийство признавалось убийством со смягчающими обстоятельствами³. При этом в ст. 102 проекта «Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах» в качестве варианта предлагалось включить убийство малолетнего. Убийство малолетнего, с точки зрения сторонников такой позиции, свидетельствует об использовании беспомощного состояния жертвы, а также об особой жестокости виновного. На Пленуме Верховного Суда РФ при рассмотрении 22 декабря 1992 г. постановления «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» обсуждался вопрос об отнесении этого признака к особой жестокости и было признано, что Пленум вышел бы в этом случае за пределы предоставленных ему законом полномочий. Однако, по мнению разработчиков проекта Уголовного кодекса, это не снимает необходимости отнесения данного признака к обстоятельству, отягчающему умышленное убийство, и не опровергает довода о жестокости и злостности такого убийства⁴.

¹ Тадевосян В. Указ. соч. С. 158; Аниязи М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., 1964. С. 130.

² Преступление и наказание: Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, А.В. Наумова. М., 1993. С. 109.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же. С. 105-107.

В проекте УК РФ, принятом Государственной Думой в первом чтении (декабрь 1994 г.), детоубийство предусмотрено не было¹.

В окончательной редакции УК РФ, вступившей в силу с 1 января 1997 г., понятие детоубийства сформулировано как «убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости» (ст. 106).

В настоящее время привилегированный состав детоубийства существует в уголовном законодательстве многих стран. В УК ряда государств – республик бывшего СССР статья о детоубийстве сформулирована так же, как в бывших УК десяти союзных республик.

В ст. 121 УК Азербайджана 1999 г. за «умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка во время или сразу же после родов» установлено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет². Согласно § 116 УК Эстонии 2001 г., убийство матерью своего новорожденного ребенка во время или сразу же после родов наказывается лишением свободы на срок до пяти лет³. Текст ст. 100 УК Киргизии 1997 г. практически совпадает с текстом ст. 106 УК РФ⁴. Похожим образом сформулирована и ст. 106 УК Армении 2003 г.⁵

Из стран дальнего зарубежья привилегированное наказание за детоубийство предусмотрено в большинстве немецкоязычных стран (Австрия, Швейцария, Лихтенштейн), странах бывшей Югославии (Сербия, Черногория, Хорватия, Словения и др.), скандинавских странах и т.д.

¹ Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. С. 130.

² Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (2000, с изменениями от 2013).

URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения – 11.03.2017).

³ Criminal Code of the Republic of Estonia (2001, amended 2017) (English version). URL:

<http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017).

⁴ Уголовный кодекс Кыргызской Республики (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.11.2016 г.). URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017).

⁵ <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения – 11.03.2017).

Что касается оснований привилегированности детоубийства, то мотив стыда, страха общественного мнения, избежания позора внебрачного рождения как привилегирующий фактор утратил (пусть и не полностью) прежнее значение. В действующем зарубежном законодательстве детоубийство признается привилегированным, как правило, независимо от того, был ли ребенок внебрачным или нет. В большинстве случаев основанием смягчения ответственности служит особое психофизическое состояние матери, вызванное родами. Иногда на это обстоятельство указывается в законе. Так, ст. 119 УК Латвии 1998 г. предусматривает ответственность за «убийство матерью своего ребенка, совершенное во время родов или непосредственно после них под влиянием вызванного ими психического и физиологического состояния»¹. В ст. 4 главы 21 УК Финляндии 1889 г. (в ред. 1995 г.) говорится о «состоянии изнеможения или расстройства, вызванном родами» («state of exhaustion or distress caused by childbirth»)², в ст. 147 УК Молдавии 2002 г. - о «состоянии вызванного родами физического и психического расстройства с помрачением сознания»³, в ст. 116 УК Сербии 2005 г. - о «состоянии расстройства, вызванном родоразрешением» («state of disorder caused by delivery»)⁴. В УК Австрии 1974 г. (§ 79) и УК Лихтенштейна 1987 г. (§ 79) установлена ответственность матери за причинение смерти ребенку «во время родов или в момент, когда она все еще находится под влиянием родового акта» («solange sie noch unter der Einwirkung des Geburtsvorgangs steht») (перевод с немецкого наш – Н. А.).

За последние 25 лет в регламентации ответственности за детоубийство произошли существенные изменения. В двух ведущих государствах континентальной системы права (во Франции и Германии) законодатель отказался от взгляда на рас-

¹ Criminal Law of the Republic of Latvia (2000, amended 2013) (English version).

URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017).

² Criminal Code of the Republic of Finland (1889, amended 2015) (English version).

URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017).

³ Уголовный Кодекс Республики Молдова (2002, с изменениями от 2016).

URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017).

⁴ Criminal Code of the Republic of Serbia (2005, amended 2012) (English version).

URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017).

сма­три­вае­мое пре­ступ­ле­ние как менее опас­ный вид убийства, ис­клю­чив соот­вет­ст­вую­щие нор­мы из уго­лов­но­го за­ко­но­да­тель­ства.

Во фран­цуз­ском уго­лов­ном за­ко­но­да­тель­стве де­тоубийство пре­тер­пе­ло не­безын­те­рес­ную эво­лю­цию. В XIX в. во Фран­ции де­тоубийство при­зна­ва­лось ква­ли­фи­ци­ро­ван­ным убийством. Этим Фран­ция вы­де­ля­лась среди дру­гих евро­пей­ских го­су­дарств, пре­дус­ма­три­вав­ших в этот пе­ри­од при­ви­ле­ги­ро­ван­ное на­ка­за­ние за де­тоубийство. УК Фран­ции 1810 г. от­но­сил де­тоубийство (субъ­ек­том дан­но­го пре­ступ­ле­ния мо­гли быть как мать, так и отец ре­бен­ка) к числу ква­ли­фи­ци­ро­ван­ных ви­дов убийства ис­хо­дя из пред­по­ло­же­ния, что вся­кое де­тоубийство со­вер­ша­ется пре­дус­мы­ш­лен­но. По­сколь­ку та­кой под­ход не все­гда на­хо­дил под­твер­жде­ние в су­деб­ной прак­ти­ке и под­вер­гался кри­ти­ке в док­три­не уго­лов­но­го пра­ва, в 1877 г. Сенат в кас­са­ци­он­ном ре­ше­нии дал дру­гое объ­яс­не­ние уси­ле­нию на­ка­за­ния за де­тоубийство, ука­зав, что оно «оп­ре­де­ля­ется един­ст­вен­но по­ло­же­нием ди­тя­ти, ко­то­рое в мо­мент ро­ж­де­ния не поль­зу­ется еще об­щи­ми га­ран­ти­ями, так что для ви­нов­но­го лег­ко из­гла­дить са­мые сле­ды его ро­ж­де­ния»¹.

Как сле­ду­ет из ли­те­ратур­ных ис­точ­ни­ков, ква­ли­фи­ци­ро­ван­ная от­вет­ст­вен­ность (смерт­ная казнь) за де­тоубийство, пре­дус­мо­т­рен­ная УК Фран­ции 1810 г., вы­з­ва­ла ожес­то­чен­ные про­тес­ты еще на эта­пе об­суж­де­ния про­ек­та Ко­дек­са. Не­ко­то­рые до­клад­чи­ки ука­зы­ва­ли, что в силу осо­бо­го по­ло­же­ния ма­те­ри, убив­шей ре­бен­ка ра­ди спасе­ния себя от по­зо­ра, «неумо­ли­мо­го и гроз­но­го об­щес­т­вен­но­го су­да», ее не­льзя при­рав­ни­вать к об­ыч­ным убий­цам. Од­на­ко Го­су­дар­ст­вен­ный Со­вет Фран­ции со­г­ла­сил­ся с со­вет­ни­ком На­по­ле­о­на де Кам­ба­се­ре­сом, что боязнь по­зо­ра не мо­жет из­ви­нить столь ужас­но­го пре­ступ­ле­ния, что осо­бен­ным по­кро­ви­тель­ством за­ко­на дол­жна поль­зо­вать­ся жизнь без­за­щит­но­го су­ще­ст­ва². Это м­не­ние де Кам­ба­се­ре­са, пред­став­ля­ю­щее­ся аб­со­лют­но спра­вед­ли­вым се­го­дня, спу­стя 200 лет, то­гда не на­шло под­дер­жки ни у на­се­ле­ния, ни у уче­ных, ни у су­деб­ной прак­ти­ки. Боль­шое ко­ли­че­ство

¹ Гернет М.Н. Указ. соч. С. 176-177.

² Боровитинов М.М. Указ. соч. С. 10.

оправдательных приговоров заставило французского законодателя пойти по пути смягчения наказания за детоубийство. Наказания были смягчены законами 1824 и 1832 гг., а в 1901 г. законодатель Франции, по сути, установил привилегированную наказуемость за детоубийство для матери.

До принятия нового УК Франции 1992 г. УК 1810 г. относил детоубийство, наказуемое заключением на срок от 10 до 20 лет, к привилегированным составам. После вступления в силу нового УК (с 1 марта 1994 г.) в связи с отказом от специальной нормы о детоубийстве оно фактически трансформировалось в квалифицированное убийство. По новому Кодексу детоубийство подпадает под убийство, совершенное в отношении «особо уязвимого лица в силу его возраста», и под убийство, совершенное в отношении несовершеннолетнего до 15 лет, за которые предусмотрено максимальное наказание – пожизненное заключение¹. В литературе отмечается, что повышенная уголовно-правовая защита несовершеннолетних до 15 лет и лиц, особо уязвимых в связи с их возрастом, явилась основной из концептуальных идей реформы французского уголовного законодательства. В этой идее нашла свое выражение гуманистическая направленность нового УК².

В Германии привилегированный состав детоубийства (§ 217) был исключен из Уголовного кодекса 1871 г. в 1998 году. Согласно немецкой уголовно-правовой доктрине, указанная норма была применима только к матерям, которые ни в момент зачатия, ни в момент рождения ребенка не состояли в браке с отцом ребенка, то есть признавали внебрачность новорожденного. Если мать ребенка состояла в браке, то она, как правило, не могла нести ответственность по § 217³. Законодатель и судебная практика обосновывали привилегированность состава детоубийства спецификой психического состояния матери, вызванного родами⁴.

¹ Крылова Н.Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996. С. 86.

² Там же. С. 17, 83; Крылова Н.Е. Новый Уголовный кодекс Франции: Особенная часть // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1995, № 2. С. 72.

³ Серебренникова А.В. Преступные деяния против жизни по УК ФРГ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1997, № 3. С. 59.

⁴ Там же. С. 60.

Немецкие юристы объясняют решение своего законодателя отказаться от нормы о детоубийстве как привилегированном виде убийства тем, что рождение внебрачного ребенка современное общество не оценивает так негативно, как раньше, и что вне брака рождается значительное число детей¹. Кроме того, немецкий законодатель руководствовался незначительным числом случаев применения данной нормы на практике (от 1 до 10 случаев в год), а также тем, что специфическое психическое состояние матери может подлежать уголовно-правовой оценке на основании другой нормы -- § 213 (менее тяжкий случай убийства)².

Новый Уголовный кодекс Испании 1995 г. также уже не предусматривает детоубийство в качестве привилегированного состава³.

В Венгрии в 2012 г. был принят новый Уголовный кодекс, вступивший в силу с 1 июля 2013 года. По словам Государственного секретаря по вопросам юстиции Венгрии Р. Репашши, новый Кодекс направлен, в частности, на усиление защиты детей⁴. Венгерский уголовный кодекс относит убийство лица до 14 лет к квалифицированным составам (п. «i» ч. 2 § 160) и предусматривает за его совершение лишение свободы от 15 до 20 лет или пожизненное лишение свободы⁵.

Таким образом, несмотря на то, что детоубийство как привилегированный состав сохраняется в ряде стран, за последние десятилетия во многих государствах произошло изменение уголовно-правовой оценки названного преступления, выразившееся в переводе детоубийства из привилегированного в простой или даже квалифицированный вид убийства, что в значительной степени служит отражением гу-

¹ Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части / под ред. Н.Е. Крыловой. М., 2013. С. 924 (автор – М.А. Игнатова).

² Серебренникова А.В. Основные черты Уголовного кодекса ФРГ. М., 1999. С. 66. Она же. Особенная часть Уголовного кодекса Германии. Общая характеристика. М, 2002. С. 25. См. также: Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части / под ред. Н.Е. Крыловой. М, 2013. С. 853 (автор – А.В. Серебренникова).

³ Уголовный кодекс Испании. Под ред. и с предисл.: Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М.; Пер.: Зырянова В.П., Шнайдер Л.Г. М., 1998.

⁴ Парламент Венгрии принял новый уголовный кодекс. URL: <http://www.hungary-ru.com/?mode=news&id=4445> (дата обращения – 11.03.2017).

⁵ Criminal Code of the Republic of Hungary (2012) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017).

манистической тенденции усиления уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от преступных посягательств.

§ 2. Проблема обоснованности привилегированной ответственности за детоубийство в уголовном праве современной России

УК РФ 1996 г. отнес детоубийство (ст. 106) к привилегированным составам убийства и категории преступлений средней тяжести, предусмотрев в качестве максимального наказания за данное преступление пять лет лишения свободы. В отечественной науке уголовного права общепризнанно, что в основу привилегированной ответственности за детоубийство законодателем положено особое, труднопереносимое психофизическое состояние женщины, вызванное родами, в котором пребывает женщина в момент убийства новорожденного ребенка¹.

А.Л. Карасова отмечает, что в современной уголовно-правовой доктрине нет единства мнений по вопросу о необходимости выделения рассматриваемого привилегированного состава². Думается, что это не совсем так. Практически никто из авторов, исследовавших детоубийство после вступления в силу УК РФ 1996 г. (Е.И. Грубова, А.Л. Карасова, О.В. Лукичев³, С.Ф. Милюков⁴, А.Н. Попов⁵, С.В. Тасаков⁶, М.А. Трясоумов⁷ и др.), как правило, признавая необходимость совершенствования конструкции ст. 106 УК РФ и предлагая свою редакцию указанной статьи, **не выступает при этом за ее полное исключение из Кодекса**. Даже С.В. Бородин, кото-

¹ См., напр.: *Красиков А.Н.* Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. С. 98; *Кругликов Л.Л., Чернышкова Л.Ю.* Уравнивающий и распределяющий аспекты справедливости в сфере уголовно-правовой охраны и ответственности женщин. М., 2013. С. 120, 131; *Орешикина Т.Ю.* Указ. соч.

² *Карасова А.Л.* Убийство матерью новорожденного ребенка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст.106 УК РФ): дис. ... канд. юр. наук. Ростов-н/Д, 2003. С. 5.

³ *Лукичев О.В.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: дис. ... канд. юр. наук. СПб., 1997.

⁴ *Милюков С.Ф.* Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 218-221.

⁵ *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 5-72.

⁶ *Тасаков С.В.* Указ. соч. С. 51-72.

⁷ *Трясоумов М.А.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с убийствами матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2000.

рый был противником привилегированности детоубийства¹, после вступления в силу УК РФ 1996 г. признал, что «теперь вопрос решен»², и предложил собственную редакцию ст. 106³.

А.Н. Красиков, если понимать его буквально, вообще предлагал исключить уголовную ответственность за детоубийство. Указанный автор считал, что «исходя из описания состояния в период родов и сразу после них, надо говорить не о выделении состава убийства матерью новорожденного в привилегированный, а об исключении уголовной ответственности за такое деяние» и что «роженицу, убившую своего ребенка, «наказывает» уже сама природа, то есть объективные негативные обстоятельства, которые выше ее сил, а государство вдобавок предлагает считать ее преступницей и наказывать лишением свободы»⁴.

Из известных нам авторов работ по уголовному праву, вышедших после вступления в силу УК РФ 1996 г. и посвященных детоубийству, лишь Е.В. Серёгина выступает против детоубийства как привилегированного состава⁵.

В настоящей диссертации мы предлагаем, опираясь на новые аргументы и материалы актуальной судебной практики, **отказаться от взгляда на детоубийство как менее опасный вид убийства и исключить из Уголовного кодекса РФ ст. 106.**

Анализ диспозиции данной статьи позволяет сделать вывод, что ст. 106 УК РФ предусматривает три разновидности детоубийства: 1) убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов; 2) убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации; 3) убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключającego

¹ *Бородин С.В.* Квалификация убийств по советскому уголовному праву. М., 1963. С. 91; *Он же.* Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 46.

² *Бородин С.В.* Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 215.

³ *Там же.* С. 221.

⁴ *Красиков А.Н.* Указ. соч. С. 106.

⁵ *Серёгина Е.В.* Указ. соч. Свою позицию автор обосновывает преимущественно необходимостью усиления степени уголовно-правовой охраны беззащитных младенцев, а также тем, что законодатель уже учел влияние состояния «ограниченной вменяемости» на уголовную ответственность в ст. 22 УК РФ.

вменяемости¹. Мы согласны с общераспространенным мнением, что применительно к третьей разновидности данного преступления законодатель имеет в виду психическое расстройство, в силу которого мать-убийца во время совершения преступления не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ст. 22 УК РФ)².

Н.В. Огородникова указывает, что законодатель, вводя убийство матерью новорожденного ребенка в качестве привилегированного вида убийства, исходил из психофизического состояния женщины в процессе родоразрешения или сразу же после родов, но «эта идея была загублена в процессе нормотворчества», поскольку «буквальное и филологическое толкование нормы, изложенной в ст. 106 УК, никак не обязывают правоприменителя связывать эти два момента»³. Слова «а равно» свидетельствуют о том, что первую разновидность детоубийства закон не связывает с наличием психотравмирующей ситуации или психического расстройства, не исключая вменяемости. При этом требуется, чтобы деяние было совершено в рамках определенного временного промежутка – во время или сразу же после родов. С другой стороны, вторая и третья разновидности не ограничены столь узкими временными рамками – необходимо лишь, чтобы ребенок был новорожденным. В данном случае в соответствии с «педиатрическим критерием» новорожденным признается ребенок с момента рождения до 28 дней жизни⁴.

Таким образом, исходя из действующей редакции ст. 106 УК РФ, любое убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, в том

¹ Некоторые авторы считают, что в ст. 106 речь идет о четырех ситуациях, отграничивая убийство «во время родов» от убийства «сразу же после родов» (См.: *Трясоумов М.А.* Указ. соч. С. 29; *Карасова А.Л.* Указ. соч. С. 65). Г.Н. Борзенков, Н. Соловьева, напротив, объединяют детоубийство в условиях психотравмирующей ситуации и детоубийство в состоянии психического расстройства, не исключая вменяемости, в одну разновидность (См.: *Борзенков Г.Н.* Квалификация преступлений против жизни и здоровья. М., 2006. С. 82; *Соловьева Н.* Психотравмирующая ситуация: значение для квалификации детоубийств // *Законность.* 2006. № 8. С. 11).

² См., напр.: *Карасова А.Л.* Указ. соч. С. 113; *Серёгина Е.В.* Указ. соч. С. 125.

³ *Огородникова Н.В.* Об уголовно-правовом статусе психического расстройства // *Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М. Д. Шаргородского.* СПб., 2005. С. 120.

⁴ *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 35. Иногда в качестве такого срока называют месяц. (См.: *Сафуанов Ф.* Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // *Российская юстиция.* 1998. № 3. С. 29).

числе заранее спланированное и не обусловленное особым психофизическим состоянием матери, должно квалифицироваться по данной статье и, следовательно, рассматриваться как привилегированное убийство. С другой стороны, по ст. 106 должно квалифицироваться убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, даже если оно совершено не во время или сразу же после родов, а в любой другой момент в пределах 28 дней жизни ребенка.

Нами изучены **материалы судебной практики более 2/3 субъектов Российской Федерации за 2007-2016 гг. по 120 делам об убийстве матерью новорожденного ребенка**. Данные материалы включают в себя приговоры, а также судебные акты апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, отобранные методом случайной выборки в сети Интернет, преимущественно в справочно-правовых системах Gcourts.ru и «РосПравосудие», с соблюдением принципа репрезентативности, поскольку использовался материал различных в культурном и социально-экономическом отношении регионов РФ (Калининградская область, Москва, Камчатский край, Мурманская область, Астраханская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Хакасия и др.).

Как показало изучение, в абсолютном большинстве случаев деяние было квалифицировано судами как убийство матерью новорожденного ребенка **во время или сразу же после родов**¹ (т.е. при отсутствии психотравмирующей ситуации и психического расстройства, не исключающего вменяемости).

Как убийство матерью новорожденного ребенка **в условиях психотравмирующей ситуации** содеянное было квалифицировано в 17 делах, а как убийство **в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости**, – только в 4 делах (из них в 2 делах также установлена психотравмирующая ситуация).

¹ В этой связи весьма сомнительно утверждение Т. Волковой, будто подавляющее большинство детоубийств совершается через несколько дней после родов (см.: *Волкова Т.* Правовая защита права на жизнь новорожденного // *Законодательство*, 2004, № 4. С. 9).

Таким образом, более чем в 96 % случаев виновная **могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими**. Труднопереносимое психофизическое состояние виновной, вызванное родами, было установлено только в 3 делах, и лишь в 1 из 120 дел мать-убийца в момент совершения преступления, как признал суд, находилась в состоянии аффекта; при этом виновные, несмотря на тяжелое психофизическое состояние и аффект, в полной мере осознавали фактический характер и общественную опасность своих действий и руководили ими.

Эти данные подтверждают наш вывод и вывод ряда ученых, что детоубийство, как правило, совершается с заранее обдуманым прямым умыслом (предумышленно), планируется женщиной задолго до наступления родов и не обусловлено ее «ненормальным» психофизическим состоянием.

С.В. Бородин писал, что изучение судебной практики по делам о детоубийстве показывает, что в большинстве случаев это преступление совершается преднамеренно, когда виновная заранее готовится избавиться от ребенка и с этой целью скрывает беременность¹. По данным Е.Б. Кургузкиной, в 91 % случаев убийство матерью новорожденного ребенка совершается предумышленно².

Полагаем, что при таких обстоятельствах нет оснований считать детоубийство во время или сразу же после родов привилегированным видом убийства.

Необходимо отметить, что в литературе распространено мнение, согласно которому если умысел на убийство новорожденного ребенка возник у матери до родов и убийство не связано с ее труднопереносимым психофизическим состоянием в период родов, то содеянное не может быть квалифицировано по ст. 106 УК РФ³. С.В. Бородин считает, что если женщина заранее, до родов, готовилась к убийству, пре-

¹ Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 218.

² Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение / Под ред. Ю.М. Антоняна. Воронеж, 1999. С. 26.

³ Красиков А.Н. Указ. соч. С. 98.

ступление подлежит квалификации по ст. 105 УК РФ¹. Сходных взглядов придерживаются Е.Б. Кургузкина², В.И. Зубкова³, Е.И. Грубова⁴, А.И. Коробеев⁵, Ю.Е. Пудовочкин⁶ и другие авторы.

Это мнение представляется абсолютно справедливым, однако *de lege lata* оно ошибочно, так как не соответствует действующей редакции ст. 106 УК РФ. Исходя из буквального смысла данной статьи, любое убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов должно квалифицироваться по указанной статье, независимо от момента возникновения умысла на убийство, а также независимо от наличия психотравмирующей ситуации и психического расстройства виновной, в том числе когда последняя хладнокровно совершает заранее обдуманное убийство, предпринимая тщательные меры по сокрытию преступления. Как правильно отмечает А.Н. Попов, несправедливость закона не дает нам права «подправлять» его и выдавать желаемое за действительное, и конструкцию ст. 106 необходимо изменить не путем расширительного толкования, а законодательно⁷.

Важно заметить, что законодатель сознательно расширил содержание нормы, разорвав связь между моментом родов и психическим состоянием матери или психотравмирующей ситуацией, поскольку при последнем голосовании проекта УК РФ в окончательную редакцию статьи 106 было внесено изменение – добавлены слова «а равно» перед второй частью фразы⁸. Таким образом, нет оснований толковать ст. 106 УК РФ ограничительно.

Изученная нами судебная практика свидетельствует, что убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов квалифицируется по ст.

¹ Бородин С.В. Указ. соч. С. 217-218.

² Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 25-26.

³ Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М, 2005. С. 58.

⁴ Грубова Е.И. Указ. соч. С. 92.

⁵ Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012. С. 121-122.

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (том 1) (под ред. А.В. Бриллиантова). 2015. Электронный ресурс: доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁷ Попов А.Н. Указ. соч. С. 39, 41.

⁸ Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. С. 84.

106 УК РФ независимо от момента возникновения умысла на убийство и наличия особого психофизического состояния роженицы.

Так, Первоуральским городским судом Свердловской области по ст. 106 УК РФ осуждена Худякова. После наступления нежелательной беременности Худякова, достоверно зная об этом, не желая иметь в будущем ребенка, действуя умышленно, стала скрывать от посторонних и близких ей людей свою беременность и в установленном порядке не встала на учет в медицинское учреждение. Родив живого и жизнеспособного ребенка женского пола, Худякова, видя, что тот подает признаки жизни, сразу же после родов решила его убить. С этой целью она с силой сдавила шею новорожденного руками и удерживала до тех пор, пока тот не перестал подавать признаки жизни. Согласно заключению амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы, Худякова в период совершения инкриминируемого деяния каким-либо психическим расстройством не страдала, не обнаруживала каких-либо признаков временного болезненного расстройства психической деятельности, могла осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Суд квалифицировал действия подсудимой как убийство матерью новорожденного ребенка сразу же после родов¹.

По другому уголовному делу Киреевским районным судом Тульской области Зайцева осуждена по ст. 106 УК РФ за убийство своего новорожденного ребенка сразу же после родов. В сентябре 2010 г. Зайцева, узнав о своей беременности, не встала на учет в медицинское учреждение. Не желая подвергать себя аборту и воспитывать ребенка, виновная задумала убить ребенка сразу после родов. В апреле 2011 г. Зайцева, будучи в состоянии алкогольного опьянения, в ванной комнате родила живого, доношенного, зрелого, жизнеспособного ребенка мужского пола. С целью причинения смерти ребенку Зайцева продержала его в течение 10 минут в холодной воде на дне ванны, после чего оставила в обнаженном виде на кухне без при-

¹ URL: <https://rospravosudie.com/court-pervouralskij-gorodskoj-sud-sverdlovskaya-oblast-s/act-103453981/> (дата обращения – 11.03.2017).

смотря, а сама ушла спать. Смерть новорожденного наступила от общего переохлаждения организма. В тот же день Зайцева положила труп ребенка в пакет и выбросила в мусорный контейнер.

По данному делу суд указал, что подсудимая в период инкриминируемого ей деяния могла осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, в принудительных мерах медицинского характера не нуждается. Зайцева была приговорена к двум годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении¹.

В кассационных жалобах осужденная Зайцева и ее адвокат выразили несогласие с приговором ввиду чрезмерной суровости назначенного наказания, ссылаясь, в частности, на то, что суд не признал в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств, а на тот момент Зайцева не работала, не имела постоянного источника дохода, сожитель бросил ее, оставив без материальной поддержки, отношений с родственниками она не поддерживала. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Тульского областного суда в кассационном определении обоснованно указала, что сложившиеся жизненные обстоятельства, указанные в жалобах, при наличии у Зайцевой возникновения умысла на убийство ребенка до его рождения, не позволяют признать их смягчающими. В итоге приговор был оставлен без изменения, а кассационные жалобы адвоката и осужденной - без удовлетворения².

В приведенных делах умысел на убийство новорожденного возник у виновных до родов. При этом следственно-судебными органами не было установлено, что виновные находились в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Несмотря на это, Худякова и Зайцева были осуждены по ст. 106 УК РФ, что с учетом действующей редакции диспозиции этой статьи является законным и обоснованным.

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/6544855> (дата обращения – 11.03.2017).

² URL: <http://www.gcourts.ru/case/6518320> (дата обращения – 11.03.2017).

В то же время при таких обстоятельствах детоубийство, как представляется, не может рассматриваться как **менее тяжкий случай убийства**.

Что касается вызванного родами труднопереносимого психофизического состояния матери, которое может рассматриваться как основание для смягчения наказания за детоубийство, то из изученных нами материалов 120 дел это состояние было установлено судом только в 3 делах. Во всех 3 делах содеянное было квалифицировано как убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов. Если же в конкретном случае психофизическое состояние женщины лишало ее возможности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, то речь может идти о третьей разновидности детоубийства – совершенного в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

По одному из уголовных дел Николаевским районным судом Ульяновской области Фокина была признана виновной в убийстве своего новорожденного ребенка сразу же после родов при следующих обстоятельствах.

Фокина без посторонней помощи родила жизнеспособного, доношенного ребенка мужского пола. Сразу же после родов у виновной, находившейся, как установил суд, в особом труднопереносимом психофизическом состоянии, вызванном родами, а также тяжелым материальным положением в семье, возник умысел на убийство новорожденного. Реализуя свой умысел, Фокина вынесла ребенка в сарай, где задушила его веревкой. Смерть ребенка наступила в результате асфиксии. С целью сокрытия следов преступления Фокина положила труп ребенка в мешок и закопала в сарае.

В судебном заседании подсудимая показала, что в декабре 2009 г. она поняла, что забеременела от своего сожителя, о чем ему сообщила. Данная беременность была незапланированная, поэтому на учет в больницу подсудимая не вставала. Аборт делать она не решилась, поскольку боялась данной процедуры. После родов у

нее было «немного нервное состояние» и она решила убить ребенка, почему, не знает, «наверное, из-за тяжелого материального положения».

Ранее подсудимая была лишена родительских прав в отношении двоих сыновей. Представитель органа опеки и попечительства охарактеризовала Фокину как равнодушную, не имеющую каких-либо чувств к детям, а также какого-либо чувства раскаяния. С 2007 г. Фокина состояла на учете в Управлении образования, поскольку не занималась надлежащим образом воспитанием своих несовершеннолетних детей и злоупотребляла спиртными напитками.

Как следует из приговора, в момент деяния Фокина находилась в особом труднопереносимом психофизическом состоянии, вызванном родами. Вместе с тем, согласно заключению амбулаторной судебной-психиатрической экспертизы, в указанный момент психическим расстройством она не страдала, болезненных расстройств психики, в том числе временного характера, не обнаруживала и могла осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими; в принудительных мерах медицинского характера не нуждается.

Суд приговорил Фокину к двум годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении¹.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что, несмотря на совершение убийства в труднопереносимом психофизическом состоянии, умысел на убийство возник у виновной задолго до родов. Как указано в приговоре, беременность Фокиной была незапланированной, на учет по беременности она не вставала, аборт делать не стала. После убийства предприняла меры к сокрытию следов преступления.

Таким образом, послеродовое труднопереносимое психофизическое состояние женщины по делам о детоубийстве встречается редко, и еще реже можно говорить **об обусловленности убийства таким состоянием**, так как умысел на совершение преступления, как правило, формируется до родов.

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/6789413> (дата обращения - 11.03.2017). См. также приговор Ленинского районного суда Курской области по похожему делу Горкун: URL: <http://www.gcourts.ru/case/6679767> (дата обращения – 12.03.2017).

Ю.М. Антонян указывает, что в литературе «особое психическое состояние» матери-убийцы, которое, как считается, смягчает ответственность за детоубийство, раскрывается в самом общем виде. Это не позволяет понять, каким же образом это психическое состояние обуславливает именно совершение убийства¹. Вполне логичным поэтому выглядит вопрос, который Ю.М. Антонян задает в другой своей работе: если женщина недостаточно контролирует свое состояние, то почему после родов она убивает, а не совершает какие-либо другие действия?²

В специальной литературе справедливо отмечается, что психофизические особенности женщин **сами по себе не криминогенны** и способствуют реализации преступного намерения лишь при наличии негативной ориентации личности женщины³.

По нашему мнению, особое психофизическое состояние матери в момент убийства новорожденного ребенка (особенно если оно не выразилось в психическом расстройстве, не исключающем вменяемости, и виновная могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими) не должно влечь привилегированную ответственность. Следовало бы квалифицировать такое убийство по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а психофизическое состояние преступницы учитывать при назначении наказания.

Существует и другое обоснование меньшей общественной опасности первой разновидности детоубийства. Так, Г.Н. Борзенков смягчение ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов объясняет тем, что «в этот период женщина не всегда в состоянии воспринимать рождающегося человека как самостоятельное живое существо, продолжает видеть в нем свой плод, ощущать его как источник боли и страданий»⁴. Действительно, многие женщины не видят особой разницы между абортom и убийством новорожденного сразу же после родов. Л. Сердюк приводит слова одной из осужденных за детоубий-

¹ Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 19.

² Антонян Ю.М. Отрицание цивилизации: каннибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм. М., 2003. С. 141.

³ Голоднюк М.Н. Проблемы социального и биологического в женской преступности // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 37. М., 1982. С. 23.

⁴ Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. С. 83.

ство: «Большая разница, если женщина убивает ребенка во время родов, еще не видя его, и совершенно другое, если она уже держала на руках ребенка, смотрела на него и потом убила»¹.

Так, Щекинским районным судом Тульской области Терентьева признана виновной в убийстве своего новорожденного ребенка сразу же после родов. Не желая рождения ребенка и осуществления за ним ухода и воспитания, на учет в медицинские учреждения в связи с беременностью Терентьева не встала, в медицинских условиях беременность не прервала. Летом 2012 г. подсудимая родила доношенного, живорожденного, жизнеспособного зрелого младенца мужского пола при сроке беременности 38-40 недель. Сразу же после родов сдавила рукой шею своего новорожденного ребенка и сдавливала ее до тех пор, пока последний не перестал подавать признаков жизни.

Согласно заключению комиссии экспертов, Терентьева в период инкриминируемого ей деяния могла осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими; в принудительных мерах медицинского характера не нуждается. Терентьева в таком эмоциональном состоянии (повышенном эмоциональном напряжении), которое могло бы существенно повлиять на ее поведение, во время инкриминируемого ей деяния не находилась, вследствие ее достаточно целенаправленных действий на тот период.

Суд приговорил Терентьеву к лишению свободы на срок два года с отбыванием наказания в колонии - поселении².

По отраженным в приговоре словам подсудимой, она совершила убийство, «действуя на почве внезапно возникшей личной неприязни к ребенку, которого воспринимала как источник боли, страданий и дальнейших трудностей, связанных с уходом и воспитанием».

¹ Сердюк Л. Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 43-45.

² URL: <https://rospravosudie.com/court-shhekinskij-rajonnyj-sud-tulskaya-oblast-s/act-439764327/> (дата обращения - 11.03.2017).

Данный пример показывает, что мать-убийца зачастую относится к только что родившемуся ребенку как к «плоду» и не воспринимает его как человека. К несчастью, такое отношение встречается не только среди детоубийц, но и среди ученых-криминалистов. В этом плане показательно высказывание П. Кривошеина: «Убийство ребенка, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, то есть в послеродовой период (в течение одного месяца после появления младенца на свет), вряд ли можно отнести к числу привилегированных обстоятельств рассматриваемого вида убийства. Дело в том, что младенец, **проживший несколько недель или даже дней, – это уже человек**, наделенный всеми правами человека и гражданина, в том числе и правом на жизнь (ст. 20 Конституции РФ)»¹ (выделено нами – Н. А.). При этом исключить из числа привилегированных убийств первую разновидность детоубийства – во время или сразу же после родов – автор не предлагает. Из высказывания П. Кривошеина логически следует, что младенец, проживший меньше, чем несколько дней, – **еще не человек**, обладающий правом на жизнь.

Л.И. Глухарева по этому поводу замечает: «Действительно, ведь о новорожденном ребенке нельзя сказать, что это сознательная личность, равная по общественной активности личности взрослых членов общества. С моральной точки зрения новорожденный является существом менее чувствительным и не понимает, что происходит посягательство на его жизнь». Однако далее Л.И. Глухарева справедливо пишет, что такая позиция в корне ошибочна, поскольку устанавливает для членов общества неравное право на жизнь и ее охрану².

Ребенок, появившийся на свет, как и любой другой человек, имеет право на жизнь, и на него распространяются гарантии уголовно-правовой охраны. Уголовный закон одинаково охраняет жизнь всех людей независимо от их возраста и жизнеспособности.

¹ Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка // Уголовное право. 2005, № 3. С. 39. П. Кривошеина дословно повторяет А.Е. Козлов (см.: Козлов А.Е. Ответственность матери за детоубийство // Журнал правовых и экономических исследований. 2014, № 2. С. 41).

² Глухарева Л.И. Указ. соч. С. 27.

способности, будь то новорожденный, престарелый или тяжелобольной. Статья 7 Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., участницей которой является и Россия, закрепляет право ребенка на заботу родителей с момента рождения. Отношение к новорожденному как к «недочеловеку» недопустимо и, разумеется, ни в коем случае не должно служить основанием для смягчения уголовной ответственности за его убийство.

Значительная часть ученых, занимающихся исследованием детоубийства, считают необоснованным отнесение к привилегированным составам первой разновидности этого преступления, если оно не было совершено в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

С.Ф. Милюков и ссылающийся на него С.В. Бородин предлагают следующую редакцию ст. 106 УК РФ:

«1. Убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, -

наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное впервые в условиях психотравмирующей ситуации, -

наказывается лишением свободы на срок до шести лет»¹.

Другая редакция предлагается А.Н. Поповым:

«Убийство роженицей (родильницей) своего ребенка

Убийство роженицей (родильницей) своего ребенка при сроке беременности более 22 недель, до, во время или сразу же после родов в случаях, когда преступление совершено или в условиях психотравмирующей ситуации, или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, -

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет»².

¹ Милюков С.Ф. Указ. соч. С. 221.

² Попов А.Н. Указ. соч. С. 67.

Как видим, в проектируемых статьях не отводится место убийству матерью новорожденного ребенка при отсутствии психотравмирующей ситуации или «ограниченной» вменяемости матери-убийцы, что заслуживает поддержки.

По нашему мнению, подкрепленному изучением материалов судебной практики, объективные и субъективные признаки детоубийства первой разновидности свидетельствуют о том, что рассматриваемое преступление обладает **даже повышенной, по сравнению с простым убийством, степенью общественной опасности.**

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что привилегированный характер детоубийства противоречит требованию УК РФ об учете малолетнего возраста потерпевшего как квалифицирующего признака убийства (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Именно по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как убийство малолетнего, квалифицируется убийство новорожденного ребенка, совершенное не матерью, а другим лицом, в том числе иным родственником ребенка.

Так, Томский областной суд приговорил Левченко к 9 годам лишения свободы в колонии общего режима за убийство ее новорожденной внучки непосредственно после ее рождения¹.

Такое положение дел позволяет говорить об отступлении от **принципа равенства** граждан перед законом (ст. 4 УК РФ). Убийство новорожденного ребенка матерью – это преступление средней тяжести, максимальное наказание за которое составляет пять лет лишения свободы, а точно такое же убийство, совершенное другим лицом (отцом, бабушкой ребенка, акушеркой и т.д.), образует даже не простой, а квалифицированный вид особо тяжкого преступления, наказуемый лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью. Более того, в литературе предлагается ввести безальтернативную санкцию в виде пожиз-

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/1744928> (дата обращения - 11.03.2017).

ненного лишения свободы за убийство малолетнего, с учетом степени общественной опасности этого вида убийства¹.

Как нам представляется, особое психофизическое состояние матери во время или сразу после родов (которое презюмируется законодателем, а фактически, как говорилось выше, очень редко обуславливает совершение детоубийства) не может конкурировать с ценностью жизни новорожденного в такой степени, чтобы наказание виновной смягчалось столь существенно.

Еще большее недоумение вызывает то, что по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ суды квалифицируют и действия **матери, выступавшей организатором, подстрекателем или пособником убийства своего новорожденного ребенка**, т.е. в качестве иного соучастника в соучастии с юридическим разделением ролей.

Примером может служить дело Васильевой, организовавшей убийство своего новорожденного ребенка группой лиц по предварительному сговору. Иркутский областной суд осудил Васильеву по ч. 3 ст. 33, п. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ и назначил ей наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет 6 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима². Если бы Васильева была исполнителем, а не организатором убийства собственного ребенка, наказание было бы куда меньшим – в пределах 5 лет лишения свободы.

В другом деле по приговору Челябинского областного суда Ермакова осуждена по ч. 4 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ за подстрекательство к убийству новорожденного мальчика и по ч. 4 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ за подстрекательство к убийству новорожденной девочки. Судебная коллегия Верховного Суда РФ переквалифицировала действия Ермаковой на ч. 4 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и назначила наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима на срок 10 лет³.

¹ Радченко В.И. Хорошо сидим. Почти четверть мужского населения уже прошла тюремные университеты // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ, 2008, № 4. С. 72-73.

² URL: <http://www.gcourts.ru/case/6410904> (дата обращения - 11.03.2017).

³ URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=225834> (дата обращения – 11.03.2017).

Таким образом, мать, выступавшая организатором, подстрекателем или пособником убийства новорожденного, осуждается по ч. 2 ст. 105 УК РФ с одной из самых суровых санкций в Кодексе. В то же время мать, которая, возможно, проявив бóльшую бессердечность, собственноручно убила ребенка, привлекается к ответственности по ст. 106 УК РФ и чаще всего, как будет показано ниже, избегает реального лишения свободы.

Возникает закономерный вопрос: в чем же принципиальное различие психофизического состояния матери, организовавшей убийство своего новорожденного ребенка или выступившей подстрекателем или пособником, от аналогичного состояния матери, собственноручно исполнившей состав этого преступления? Почему рассмотренная выше презумпция особого психофизического состояния женщины в момент родов действует только применительно к исполнению, а применительно к другим формам реализации намерения избавиться от собственного новорожденного ребенка неприменима? Особенно если учесть, что, например, пособничество матери в убийстве своего новорожденного ребенка, когда мать лишь предоставляет орудия или средства для преступления, гораздо менее опасно, нежели исполнение этой матери. В первом случае мать лишь оказывает помощь в совершении преступления, во втором – непосредственно выполняет состав убийства.

Данные противоречия, не устранимые в рамках действующего российского уголовного права, должны, на наш взгляд, рассматриваться в качестве одной из предпосылок исключения ст. 106 из Уголовного кодекса РФ.

В УК РФ как обстоятельство, отягчающее наказание, рассматривается совершение преступления в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного (п. «з» ч. 1 ст. 63). Новорожденный ребенок нуждается в заботе, уходе и помощи со стороны матери. Право ребенка на заботу родителей с момента рождения предусмотрено ст. 7 Конвенции о правах ребенка 1989 года.

Повышенная общественная опасность убийства матерью новорожденного ребенка обуславливается и тем, что мать лишает жизни собственного ребенка. Совершение преступления родителем в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) также признается отягчающим обстоятельством (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Дореволюционному отечественному уголовному праву было известно понятие «родственного убийства» - в том числе убийства родственника по «нисходящей» линии. Статья 455 Уголовного уложения 1903 г. за убийство «нисходящего» родственника предусматривала каторгу без срока или на срок не ниже 10 лет, тогда как простое убийство (без отягчающих и смягчающих обстоятельств) (ст. 453) наказывалось менее строго – каторгой на срок не ниже 8 лет. Убийство матерью новорожденного ребенка, напомним, признавалось привилегированным, лишь если осуществлялось в отношении внебрачного («незаконнорожденного») ребенка. Убийство же матерью «законного» новорожденного ребенка рассматривалось как квалифицированное убийство.

В действующем УК РФ не любое родственное убийство признается убийством с отягчающими обстоятельствами. Пункт «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ говорит лишь о совершении преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней).

Ю.М. Антонян предлагает предусмотреть убийство собственных малолетних детей или детей, находящихся на попечении убийцы, в числе квалифицирующих признаков убийства¹. Названный автор справедливо считает убийство собственного ребенка отвратительным преступлением².

Таким образом, в случае убийства матерью своего новорожденного ребенка присутствует **не одно, а сразу несколько отягчающих обстоятельств:**

¹ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 48.

² Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 71.

- совершение преступления в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

- совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней) (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Наличие в детоубийстве нескольких отягчающих обстоятельств, которые суд принял бы во внимание при назначении наказания за совершение любого другого преступления, состав которого не предусматривает их в качестве конструктивных или квалифицирующих признаков, говорит о повышенной степени общественной опасности рассматриваемого преступления.

Уместно вспомнить, что в РСФСР детоубийство долгое время было «дважды» квалифицированным, подпадая и под «убийство лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом» (п. «д» ст. 136 УК РСФСР 1926 г.), и под «убийство с использованием беспомощного положения убитого» (п. «е» той же статьи).

Отягчающие обстоятельства находят отражение в приговорах по делам о детоубийстве.

Холмогорским районным судом Архангельской области Р. осуждена по ст. 106 УК РФ за убийство своего новорожденного ребенка сразу после родов. Отягчающим вину подсудимой обстоятельством суд признал совершение преступления в отношении беззащитного лица¹.

Однако этот пример является исключением. При осуждении виновных по ст. 106 УК РФ суды, как правило, не признают отягчающими обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В деле Тимофеевой, осужденной за убийство новорожденного ребенка сразу же после родов, государственный обвинитель просил признать обстоятельством,

¹ URL: http://holmsud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=84 (дата обращения – 11.03.2017).

отягчающим ответственность, совершение преступления в отношении несовершеннолетнего родителем, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Суд не согласился с государственным обвинителем, сославшись на ч. 2 ст. 63 УК РФ и указав, что данное обстоятельство предусмотрено статьей 106 УК РФ в качестве признака преступления¹.

В другом деле суд на том же основании отказался признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в отношении беззащитного лица, находящегося в зависимости от виновного (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ)².

По этому поводу следует отметить следующее. Часть 2 ст. 63 УК РФ направлена в первую очередь на недопустимость двойного учета того или иного отягчающего обстоятельства (иными словами, на недопустимость учета одновременно «собственно отягчающего обстоятельства» и отягчающего обстоятельства, являющегося квалифицирующим признаком состава преступления), что коррелирует с запретом уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Так, например, при квалификации убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 («убийство с особой жестокостью») совершение преступления с особой жестокостью не может учитываться как отягчающее обстоятельство. Аналогично обстоит дело с п. «л» ч. 2 ст. 105 и п. «е» ч. 1 ст. 63 и т.д.

Иная ситуация возникает в случае назначения наказания за детоубийство. Действительно, беззащитность потерпевшего, его зависимость от виновной, совершение преступления в отношении несовершеннолетнего родителем являются признаками любого убийства матерью новорожденного ребенка – привилегированного убийства – в силу специфики самого состава преступления. Однако законодатель, установив привилегированную ответственность за детоубийство, не придал указанным обстоятельствам значения отягчающих. Эти обстоятельства, будучи изначально «заложе-

¹ Приговор Мариинско-Посадского районного суда Чувашской Республики от 7 октября 2015 г. по делу № 1-75/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-mariinsko-posadskij-rajonnyj-sud-chuvashskaya-respublika-s/act-500330492/> (дата обращения – 11.03.2017).

² Приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 25 октября 2010 г. по делу № 1-472/2010. URL: <http://rospravosudie.com/court-simonovskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-100076416/> (дата обращения – 11.03.2017)

ны» в привилегированный состав убийства, не являются квалифицирующими признаками убийства. Несмотря на это, исходя из «буквы» закона суд не может учесть рассматриваемые обстоятельства в качестве отягчающих наказание. Думается, что такой подход, обусловленный самим фактом существования ст. 106 УК РФ, не позволяет в полной мере дифференцировать ответственность за убийство в зависимости от степени его общественной опасности.

Итак, в любом детоубийстве налицо сразу **три отягчающих убийство обстоятельства**: 1) совершение убийства в отношении малолетнего; 2) совершение преступления в отношении беззащитного лица, находящегося в зависимости от виновной; 3) совершение преступления родителем в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней).

Первое обстоятельство выступает квалифицирующим признаком убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ), второе и третье предусмотрены в Общей части УК РФ (ст. 63 УК РФ) и относятся к «собственно отягчающим обстоятельствам». Все три названных обстоятельства при их частичном совпадении самостоятельны и не тождественны друг другу. Так, малолетний потерпевший далеко не всегда находится в зависимости от виновного и совсем не обязательно приходится виновному сыном или дочерью. Беззащитность потерпевшего, нахождение его в зависимости от виновного также не обязательно предполагают, что потерпевший – малолетний и что виновный – его родитель. С другой стороны, не любой несовершеннолетний является малолетним, а только не достигший 14-летнего возраста; несовершеннолетний не всегда (хотя и в большинстве случаев) находится в зависимости от одного из родителей.

Убийство малолетнего, кроме того, свидетельствует **об особой жестокости** виновного, на что указывали еще разработчики проекта УК РФ¹. Совершение убийства с особой жестокостью тоже является квалифицирующим признаком убийства (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

¹ Преступление и наказание: Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, А.В. Наумова. М., 1993. С. 107. См. также: *Каплин М.Н.* Указ. соч. С. 113-114.

В тех довольно частых случаях, когда мать убивает новорожденного ребенка в целях освобождения себя от законной обязанности по его содержанию, имеется еще одно отягчающее обстоятельство – **корыстные побуждения**. Убийство из корыстных побуждений, опять же, относится к квалифицированным видам убийства (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Ответственность родителей за воспитание и развитие ребенка установлена ст. 18 Конвенции о правах ребенка 1989 года. В соответствии с ч. 2 ст. 27 Конвенции, родитель (и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка. Статья 38 Конституции РФ и ст. 63 Семейного кодекса РФ возлагают на родителей обязанности по заботе и воспитанию детей. Убийство новорожденного с целью уклонения от исполнения законно установленных обязанностей носит особо низменный характер, свидетельствует о повышенной общественной опасности преступления и личности виновной.

Кроме того, как уже отмечалось, например, во французском уголовном законодательстве убийство новорожденного ребенка (совершенное как матерью, так и любым другим лицом) долгое время рассматривалось как квалифицированное на том основании, что оно посягает на жизнь существа, «еще не известного общественной власти и лишенного ее охраны»¹. Французский законодатель исходил «из того соображения, что новорожденного легко совершенно стереть с лица земли, не оставив никаких следов его существования, почему и необходима усиленная охрана его жизни»².

Отношение к убийству лица, «еще не известного общественной власти и лишенного ее охраны», как к обстоятельству, влекущему более строгую ответственность, на наш взгляд, является оправданным. Убийство традиционно относится к

¹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 47.

² Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев-Харьков, 1908. С. 344. Подробнее об этом см.: Гернет М.Н. Указ. соч. С. 176-177.

числу преступлений с низким уровнем латентности¹. Даже в настоящее время, когда убийства перестали быть наименее латентными преступлениями², уровень латентности убийств значительно ниже, чем большинства других преступлений.

Однако об убийстве матерью новорожденного ребенка такого сказать нельзя. Как указывается в литературе, латентность детоубийств определяется соотношением «один к десяти»³. Детоубийство, таким образом, – самый латентный вид убийства. Думаем, что в первую очередь это связано с тем, что рождение ребенка, которому сразу после рождения причиняется смерть, не фиксируется органами записи актов гражданского состояния, и о появлении младенца на свет может быть никому не известно.

Очевидно, что сокрытие следов убийства совершеннолетнего представляет гораздо большую сложность. Он является активным членом общества и включен в систему общественных отношений: в семье, на работе и т.д. Его исчезновение в большинстве случаев не останется незамеченным для родственников, друзей, коллег по работе, публичной власти. Совсем в другом положении находится новорожденный ребенок, особенно если женщина-убийца тщательно скрывает свою беременность и рождает тайно, вне учреждений здравоохранения и без медицинской помощи.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о необоснованности более мягкой ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка, не обусловленное психотравмирующей ситуацией или психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Следует рассмотреть вопрос об исключении из числа привилегированных видов убийства и двух других разновидностей детоубийства.

Вторая разновидность детоубийства – убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации. В УК РФ не содержится ответ на вопрос, какую ситуацию можно считать психотравмирующей. На оценочность и

¹ Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. М., 2006. С. 48.

² Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2014. С. 420.

³ См., напр.: *Зубкова В.И.* Указ. соч. С. 52.

расплывчатость понятия «психотравмирующая ситуация» указывается практически во всех специальных работах о детоубийстве¹.

В литературе психотравмирующая ситуация определяется как «неблагоприятное стечение внешних обстоятельств (беременность в результате изнасилования, уход мужа из семьи или его смерть, отсутствие средств на содержание ребенка, отказ отца признать ребенка своим, травля родильницы родственниками из-за внебрачных родов и т.д.), которые угнетающе действуют на психику женщины, еще не оправившейся после родов, и лишают ее перспектив счастливого материнства»².

А.В. Наумов пишет, что психотравмирующая ситуация вызывается разнообразными фактами негативного воздействия на психику матери, решившейся на убийство своего ребенка. Это и отказ отца признать ребенка своим, и его же отказ зарегистрировать брачные отношения, и отказ от оказания помощи в связи с рождением ребенка, и другие обстоятельства такого рода³.

При таком подходе следует признать, что в России – стране, где, по данным «Российской газеты», каждый третий ребенок рождается одинокой матерью⁴ и более 40 % населения считают себя нищими⁵, – в условиях психотравмирующей ситуации находится, по меньшей мере, каждая вторая роженица. А если относить к психотравмирующим такие факторы, как «роды сами по себе, необходимость заботиться о новорожденном»⁶, «беспокойное поведение новорожденного, лишаящее его мать на длительное время сна и отдыха»⁷, то это число может возрасти и до девяти десятых.

Изучение судебной практики свидетельствует, что психотравмирующей ситуацией суды зачастую также признают тяжелые жизненные обстоятельства (отсут-

¹ См., напр.: *Трясоумов А.Л.* Указ. соч. С. 3; *Карасова А.Л.* Указ. соч. С. 180; *Серёгина Е.В.* Указ. соч. С. 190.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / Под ред. В.В. Малиновского, А.И. Чучаева. М., 2011. С. 326-327 (автор комментария – К.М. Кожевников).

³ *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 2: Особенная часть (главы I-X). М., 2016. С. 89.

⁴ URL: <http://www.rg.ru/2011/06/10/single.html> (дата обращения - 04.03.2017). В начале 2017 г., по словам Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка А.Ю. Кузнецовой, треть семей с детьми приходилась на матерей-одиночек (URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5899c3949a7947cd04125cc5>, дата обращения – 04.03.2017).

⁵ URL: <http://www.rg.ru/2012/12/17/bednost-site.html> (дата обращения - 04.03.2017).

⁶ *Борзенков Г.Н.* Квалификация преступлений против жизни и здоровья. С. 83.

⁷ Полный курс уголовного права: В 5 т./Под ред. А.И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. СПб., 2008. С. 237 (автор – А.И. Коробеев).

стве денежных средств на содержание ребенка, невозможность обеспечения его полноценного воспитания, расставание с отцом ребенка, конфликтные отношения с ним и т.д.)¹.

Симоновским районным судом г. Москвы Акишова признана виновной в убийстве своего новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации. Подсудимая родила ребенка в отделении новорожденных родильного дома при помощи экстренной операции кесарева сечения. Находясь в медицинском учреждении, как указано в приговоре, в условиях психотравмирующей ситуации, поскольку отец ребенка заявил о невозможности дальнейшего совместного проживания, оставив ее без средств к существованию, Акишова заранее обдумала способ, место и время совершения преступления. После выписки из медицинского учреждения Акишова сбросила ребенка с моста в воду, покрытую льдом, температура которой составляла +1,1 С, с высоты примерно 15 метров, причинив ему смерть.

По заключению амбулаторной комплексной судебно-психолого-психиатрической экспертизы, в момент совершения преступления Акишова признаков временного психического расстройства или иного болезненного состояния психики не обнаруживала, могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, в применении принудительных мер медицинского характера не нуждается. Кроме того, в период, относящийся к инкриминируемому деянию, Акишова не обнаруживала признаков аффекта.

Суд назначил Акишовой наказание в виде 4 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима².

Представляется, что нет никаких оснований для отнесения данного убийства к привилегированным. Преступление было преднамеренным. Виновная, как прямо указано в приговоре, заранее обдумала способ убийства, место и время совершения

¹ Ю.М. Антонян вообще считает, что детоубийство в условиях психотравмирующей ситуации и детоубийство в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств – одно и то же (См.: Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 56).

² URL: <http://rospravosudie.com/court-simonovskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-100076416/> (дата обращения – 11.03.2017).

преступления, в момент преступления могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий. Убийство совершено спустя относительно продолжительное время после родов, после выписки из медицинского учреждения.

В другом уголовном деле Труновским районным судом Ставропольского края Шевченко осуждена по ст. 106 УК РФ. Как следует из приговора, виновная, находясь в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной продолжительным негативным и дискомфортным состоянием, сопровождающимся психической напряженностью в сфере семейно-бытовых отношений, не желая обременять себя воспитанием новорожденного ребенка и желая причинить ему смерть, находясь у своих знакомых, ощутив начало родовых схваток, с целью убийства своего новорожденного ребенка вышла в туалет во двор домовладения, где родила зрелого, доношенного, живого и жизнеспособного ребенка. После выхода из родовых путей младенец упал в выгребную яму туалета. В результате умышленных действий Шевченко новорожденный ребенок не получил полной послеродовой помощи и находился в холодной антисанитарной среде около 5 часов, что привело к его гибели в результате холодовой травмы.

Судом установлено, что подсудимая Шевченко не замужем, в отношении несовершеннолетнего ребенка лишена родительских прав, по месту жительства характеризуется отрицательно, на учете у врачей нарколога и психиатра не состоит, к административной ответственности не привлекалась, ранее не судима.

Суд указал, что сомнений в том, что во время совершения преступления Шевченко осознавала фактический характер и общественную опасность своих действий и могла руководить ими, у суда не имеется.

Действия Шевченко были квалифицированы судом по ст. 106 УК РФ как убийство матерью новорожденного ребенка во время родов, в условиях психотравмиру-

ющей ситуации. Суд приговорил ее к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении¹.

Данное преступление также нельзя рассматривать как менее опасный вид убийства. В этом деле психотравмирующая ситуация была вызвана «продолжительным негативным и дискомфортным состоянием, сопровождающимся психической напряженностью в сфере семейно-бытовых отношений». Вместе с тем суд указал, что убийство обусловлено нежеланием виновной обременять себя воспитанием новорожденного ребенка. Исходя из информации по этому делу, виновная планировала убийство до родов и заранее выбрала наиболее подходящее место преступления.

Петропавловск-Камчатским городским судом Камчатского края Икавава признана виновной в убийстве своего новорожденного ребенка сразу после родов в условиях психотравмирующей ситуации.

Почувствовав приближение родов, Икавава, не желая иметь детей и намереваясь скрыть факт родов, в том числе и потому, что беременность имела для нее психотравмирующее воздействие в виде субъективной неразрешимости (боязни последствий аборта и отсутствия возможности воспитать ребенка), зашла в туалет, где, сидя на унитазе, родила недоношенного и незрелого, но жизнеспособного и живого младенца женского пола. Не перерезав и не перевязав пуповину, не приняв других мер к необходимой помощи и надлежащему после родов уходу, ввиду отсутствия денежных средств на его содержание, невозможностью обеспечения его полноценного развития и воспитания, решила убить своего новорожденного ребенка. С этой целью Икавава оставила ребенка на срок не менее 30 минут на дне заполненного водой унитаза. Смерть ребенка наступила от механической асфиксии при утоплении.

¹ URL: <http://rospravosudie.com/act-po-obvineniyu-shevchenko-n-yu-po-st-106-uk-rf-kuxarev-andrej-vladimirovich-24-09-2012-106-s> (дата обращения - 11.03.2017). Срок лишения свободы из текста приговора изъят. Точно такая же формулировка – «продолжительное негативное и дискомфортное состояние, сопровождающееся психической напряженностью в сфере семейно-бытовых отношений» – использована для обоснования психотравмирующей ситуации в приговоре Приволжского районного суда Ивановской области от 29 сентября 2016 г. в отношении Пичугиной (дело № 1-64/2016). URL: <https://rospravosudie.com/court-privolzhskij-rajonnyj-sud-ivanovskaya-oblast-s/act-534950269/> (дата обращения – 11.03.2017).

Согласно заключению судебной психолого-психиатрической экспертизы, при совершении убийства Икавава могла в полной мере осознавать фактический характер, опасность своих действий и руководить ими. В принудительном лечении она не нуждается.

Суд назначил виновной наказание в виде лишения свободы на срок 2 года условно с испытательным сроком 2 года¹.

Итак, согласно приговору, убийство ребенка совершено ввиду отсутствия денежных средств на его содержание и невозможности обеспечения его полноценного развития и воспитания; психотравмирующее воздействие имел факт беременности, «в виде субъективной неразрешимости (боязни последствий аборта и отсутствия возможности воспитать ребенка)».

Необходимо обратить внимание на то, что во всех приведенных примерах виновные в момент убийства могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Широкое толкование психотравмирующей ситуации (которому немало способствует закон), ее приравнивание, по сути, к тяжелым жизненным обстоятельствам, предоставляет матери, не желающей обременять себя воспитанием своего новорожденного ребенка, возможность убить его под предлогом недостатка материальных средств на его содержание или под предлогом расставания с отцом ребенка, а затем сослаться в свое оправдание на «психотравмирующую ситуацию» и просить о смягчении наказания. Есть опасение, что в случае исключения из числа привилегированных убийств первой разновидности детоубийства (во время или сразу же после родов), что, как мы писали выше, является обоснованным и за что выступают многие исследователи, и сохранения в качестве привилегирующих факторов детоубийства психотравмирующей ситуации и психического расстройства, не исключаящего вменяемости, матери-убийцы будут «прятаться» за «психотравмирующую ситуацию» и сослаться в оправдание убийства на «отсутствие денежных средств на воспитание

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/7813285> (дата обращения - 11.03.2017).

ребенка», уход отца ребенка и тому подобные «тяжелые жизненные обстоятельства». Подобные факторы, конечно, заслуживают внимания, но они не должны превращать самое опасное по российскому законодательству преступление в преступление средней тяжести.

Уместно отметить, что совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств предусмотрено уголовным законом в качестве смягчающего наказание обстоятельства (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК) и может быть учтено судом по делам о детоубийстве и при его квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Ясногорским районным судом Тульской области Буслаева осуждена по ст. 106 за убийство своего новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации. Суд признал такой ситуацией нахождение у виновной на иждивении троих детей, один из которых имел первую группу инвалидности в связи с онкологическим заболеванием. В то же время суд признал смягчающими обстоятельствами, в частности, наличие на иждивении двоих малолетних детей, совершение преступлений в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств¹.

Такое решение противоречит ч. 3 ст. 61 УК РФ, согласно которой если смягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания. В данном случае наличие на иждивении троих детей (в том числе двоих малолетних), один из которых является инвалидом первой группы, учтено дважды (если не трижды): и как психотравмирующая ситуация, и как смягчающие обстоятельства.

По нашему мнению, в целях смягчения наказания в рассмотренных выше примерах было бы вполне достаточно учесть соответствующие тяжелые жизненные обстоятельства со ссылкой на п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ. При таком подходе убийство матерью новорожденного ребенка квалифицировалось бы на общих основаниях, но с

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/6597702> (дата обращения - 11.03.2017).

учетом при индивидуализации наказания совершения преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств в качестве смягчающего обстоятельства.

Иногда в судебной практике встречается иной подход к психотравмирующей ситуации.

Например, по делу Женишбек, выбросившей своего новорожденного ребенка из окна 7 этажа, Дзержинский районный суд г. Новосибирска в приговоре указал, что психотравмирующая ситуация была обусловлена «социокультурными и этнокультурными факторами, а также особенностями воспитания Женишбек, привитыми ей ценностными ориентациями и ее личностными особенностями». В этом же приговоре указано, что Женишбек не намеревалась иметь ребенка, скрывала свою беременность от родственников и знакомых, не вставала на учет по беременности в медицинское учреждение. Суд на основе стационарной комплексной психолого-психиатрической экспертизы установил, что Женишбек в момент преступления была полностью вменяемой¹.

Думается, что при подобных обстоятельствах этнокультурные факторы и ценностные ориентации человека не должны служить основанием для привилегированной ответственности за убийство.

В деле несовершеннолетней Михаленко суд, признав детоубийство совершенным в условиях психотравмирующей ситуации, вообще не указал, в чем заключается эта психотравмирующая ситуация².

Закон признает психотравмирующую ситуацию привилегировающим признаком, если убийцей новорожденного ребенка выступает его мать. Между тем те тяжелые жизненные обстоятельства, которые признаются психотравмирующими судебной практикой (и которые обычно перечисляют в литературе при характеристике психотравмирующей ситуации), – уход родителя ребенка из семьи, отсутствие средств на содержание ребенка, семейные и бытовые неурядицы, конфликты и т. д. – могут ока-

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/6447276> (дата обращения - 11.03.2017).

² См. приговор Рославльского городского суда Смоленской области от 23 сентября 2008 г. URL: <http://www.pravosos.ru/view.ashx?boxset=-905914988#> (дата обращения – 06.07.2014).

зять психотравмирующее воздействие и на отца ребенка. Так, вполне можно представить ситуацию, когда из семьи после родов уходит не отец, а мать ребенка. В начале 2017 г., по данным Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, в 600 тыс. семей воспитанием детей занимались отцы-одиночки¹. Однако если отец ребенка, поставленный перед необходимостью в одиночку растить и воспитывать ребенка без средств к существованию или в отсутствие жилья, в условиях психотравмирующей ситуации причинит ему смерть, то его действия образуют квалифицированный вид убийства (п. «в» ч. 2 ст. 105), а квалификация по ст. 106 УК РФ, разумеется, исключается. Это относится и к бабушке, и к другим родственникам ребенка. В этом можно усмотреть нарушение принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ).

Кроме того, законодатель не учитывает, что в условиях психотравмирующей ситуации совершаются не только детоубийства, но и другие преступления, в том числе большое количество убийств, субъектом которых является женщина. Вообще совершение преступления в условиях психотравмирующей ситуации очень характерно для женской насильственной преступности. Автор работ о женской преступности М.Н. Голоднюк отмечает, что, как показывают исследования, условием совершения женщинами насильственных преступлений против личности нередко служит тяжелая конфликтная обстановка в семье. Потерпевшими в таких случаях чаще всего бывают лица, виновные в возникновении подобных конфликтов². Это подтверждается и более современными исследованиями.

Так, Л.М. Щербакова указывает, что около 40 % всех тяжких насильственных преступлений совершается женщинами в семье. Первое место среди различных категорий потерпевших от таких преступлений прочно занимают лица, погибшие или получившие телесные повреждения в результате внутрисемейных конфликтов³.

¹ URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5899c3949a7947cd04125cc5> (дата обращения – 11.03.2017).

² Голоднюк М.Н. Указ. соч. С. 22.

³ Щербакова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: дис. ... докт. юр. наук. М., 2008. С. 239.

Наиболее тяжкие насильственные преступления в семье совершаются женщинами чаще всего в экстремальных, остро травматичных, стрессовых конфликтных ситуациях, при которых угроза наиболее значимым для преступниц ценностям возникает неожиданно, внезапно и носит выраженный характер. Эти ситуации часто имеют **длительное психотравмирующее действие** и сопровождаются **состоянием сильного душевного волнения преступниц**. Источником указанных ситуаций, как правило, являются члены семьи мужского пола (мужья, отцы, сыновья и др.), действия которых содержат в себе грубую провокацию насилия, проявляющуюся в оскорблениях, унижениях, издевательствах или применении физической силы¹.

Психотравмирующая ситуация и аффективное состояние (в отдельных случаях) матери-убийцы сближает детоубийство с другим привилегированным составом – убийством, совершенным в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ). Однако если аффект при убийстве не был вызван противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, то содеянное не образует привилегированного состава и квалифицируется по ст. 105 УК РФ (см., напр., выше дело Пронина).

Таким образом, при убийстве совершеннолетнего (и вообще лица, не являющегося новорожденным ребенком) аффект и психотравмирующая ситуация, не связанные с противоправным или аморальным поведением потерпевшего, не признаются привилегировавшими обстоятельствами, но признаются таковыми при убийстве матерью новорожденного ребенка (причем ст. 106 даже не требует нахождения матери в состоянии аффекта). И вновь налицо диспропорция в уголовном законе: убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии аффекта (или даже без него) в условиях психотравмирующей ситуации образует привилегированный состав (ст. 106), а убийство в состоянии аффекта, вызванного психотравмирующей ситуацией,

¹ Там же; см. также: *Шевченко И.С.* Потерпевшие от тяжких насильственных преступлений, совершаемых женщинами // Общество и право. 2009. № 4. С. 204-206.

взрослого лица при отсутствии противоправного или аморального поведения потерпевшего – квалифицированный (п. «в» ч. 2 ст. 105). Получается, что новорожденный ребенок пользуется меньшей защитой уголовного закона, что, на наш взгляд, нарушает конституционный принцип равенства людей перед законом (ст. 19 Конституции РФ).

В науке предложена новая редакция статьи о детоубийстве, связывающая уменьшенную наказуемость содеянного с психотравмирующей ситуацией:

«Статья 106. Убийство роженицей новорожденного ребенка

Убийство роженицей ребенка во время его рождения или сразу же после родов (в течение послеродового периода родов) в состоянии сильного душевного волнения, вызванного психотравмирующей ситуацией - наказывается лишением свободы на срок до пяти лет»¹.

Но почему состояние сильного душевного волнения, вызванного психотравмирующей ситуацией, автор (А.Л. Карасова) предлагает считать привилегировавшим обстоятельством лишь в случае убийства матерью новорожденного ребенка? Почему названный автор не предлагает включить в УК РФ более общий привилегированный состав – «убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного психотравмирующей ситуацией» или, по крайней мере, рассматривать такое убийство как привилегированное, если оно совершено женщиной?

В приведенном в первой главе примере Пронин совершил покушение на убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного психотравмирующей ситуацией. Это преступление было квалифицировано по ч. 1 ст. 105 УК РФ, что представляется обоснованным. Причем потерпевшим по этому делу был не беспомощный новорожденный ребенок, находящийся в зависимости от виновного, – своего родителя, а совершеннолетний гражданин, к которому виновный испытывал чувство личной неприязни.

¹ Карасова А.Л. Указ. соч. С. 13. См. также редакцию, предложенную Е.А. Мачульской (*Мачульская Е.А. Смягчающие обстоятельства – критерий индивидуализации наказания: дис. ... канд. юр. наук. М., 2010. С. 139*).

При подготовке УК Франции 1810 г., установившего квалифицированную (повышенную) ответственность за детоубийство, сторонники этого подхода правильно указывали, что новорожденный ребенок не может вызывать ни гнева, ни ненависти; он совершенно беззащитен и беспомощен и поэтому его убийство – еще более жестокое преступление, чем убийство взрослого¹. «Беспричинная злоба к невинной жертве» служила одним из объяснений отнесения детоубийства к квалифицированным убийствам².

В свете изложенного мы не можем разделить возмущения А.Н. Красикова тем, что убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), наказывается лишением свободы на срок до трех лет, а детоубийство – до пяти лет³.

Убийство, вызванное противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, если виновный **не находился** в состоянии аффекта, также не может быть квалифицировано по ст. 107 УК РФ⁴. Смягчающее обстоятельство – противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ), – в этом случае не отменяет квалификации содеянного по ст. 105 УК РФ и отнесения преступления к категории особо тяжких. Следовательно, по действующему уголовному закону Российской Федерации убийство матерью собственного новорожденного ребенка, находящегося в зависимости от виновной, в условиях психотравмирующей ситуации относится к привилегированным составам, а убийство женщиной лица, не являющегося новорожденным ребенком, в условиях психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, – нет, и образует в зависимости от обстоятельств простое или квалифицированное убийство.

¹ Гернет М.Н. Указ. соч. С. 42.

² Там же. С. 175.

³ Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata и de lege ferenda. Саратов, 1999. С. 132.

⁴ См. выше дело Щабельского.

Здесь также нарушается равенство потерпевших перед законом (ст. 19 Конституции РФ).

Заслуживает поддержки мнение о необоснованности признания психотравмирующей ситуации привилегирующим обстоятельством. Н. Соловьева полагает, что психотравмирующая ситуация сама по себе не может служить основанием для квалификации содеянного по ст. 106 УК РФ, ибо эта ситуация будет иметь значение только тогда, когда она проявилась в возникновении психического расстройства, не исключаящего вменяемости¹. Аналогичную позицию занимает Е.И. Грубова².

Завершая характеристику второй разновидности детоубийства, стоит заметить, что избавление от ребенка под влиянием тяжелой жизненной ситуации вовсе не требует причинения ему смерти, а может осуществляться, например, посредством его передачи в дом ребенка, оставления на попечение посторонних лиц и т.д. Нельзя не сказать и о возможности женщины избавиться от «нежелательного» ребенка посредством аборта. Российское законодательство об абортах является одним из самых «либеральных» в мире. Статья 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» позволяет провести аборт по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, а при наличии социальных показаний – до 22 недель.

Третья разновидность детоубийства – убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключаящего вменяемости, – на практике почти не встречается. Как уже отмечалось, из изученных нами материалов 120 дел о детоубийстве за 2007-2016 гг. только в 4 делах (то есть менее чем в 4 %) мать-убийца во время совершения преступления не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Тот факт, что убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключаящего вменяемости, совершается крайне редко,

¹ Соловьева Н. Указ. соч. С. 11.

² Грубова Е.И. Указ. соч. С. 82.

подтверждается и более ранними исследованиями. Так, например, Л.И. Мурзина, изучившая уголовные дела по ст. 106 за период с 1996 г. по 2005 г. по Пензенской и Курской областям, отмечает, что в ходе предварительного расследования при проведении судебно-психиатрической экспертизы наличие у обвиняемой психического расстройства, не исключающего вменяемости, либо обстоятельств, свидетельствующих о ее аффектированном поведении, не было установлено ни в одном деле¹.

Что же касается труднопереносимого психофизического состояния женщины, вызванного родами, то оно, как было показано выше, далеко не всегда выражается в «ограниченной» («уменьшенной») вменяемости: несмотря на это состояние, виновная зачастую могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими.

Но и в тех очень редких случаях, когда убийство матерью новорожденного ребенка совершается в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, меньшая общественная опасность деяния и личности виновной далеко не очевидна.

Так, Советским районным судом Нижнего Новгорода Шкляева осуждена за убийство своего новорожденного ребенка сразу же после родов, в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Это дело получило большой общественный резонанс как в Нижегородской области, так и за ее пределами, и широко освещалось в средствах массовой информации. В ночь на 1 марта 2012 г. Шкляева, родив в ванной комнате новорожденного ребенка мужского пола, зарезала его, нанеся два ножевых ранения, после чего завернула тело в полотенце и спрятала в шкаф. Сожитель Шкляевой, проходивший по делу потерпевшим, узнал об убийстве от виновной по телефону лишь через день после совершения преступления.

¹ Мурзина Л.И. Генезис уголовной ответственности за детоубийство // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2008, № 11. С. 104. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-detoubiystvo> (дата обращения - 11.03.2017). См. также: Карасова А.Л. Указ. соч. С. 173, 177.

В программе «Чрезвычайное происшествие» на федеральном телеканале НТВ заместитель прокурора Советского района Нижнего Новгорода пояснил, что виновная совершила преступление в связи с тем, что беременность была нежелательной для нее, поскольку ее сожитель не являлся биологическим отцом ребенка. Суд первой инстанции приговорил Шкляеву к 1 году 6 месяцам лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении. Столь «строгий» приговор «шокировал» виновную¹. В кассационной жалобе адвокат осужденной указал, что приговор в отношении Шкляевой, с его точки зрения, является «незаконным и необоснованным ввиду чрезмерной суровости назначенного ей наказания», которое, по мнению адвоката, «не соответствует тяжести содеянного и личности осужденной». Однако Судебная коллегия по уголовным делам Нижегородского областного суда посчитала назначенное Шкляевой наказание соразмерным тяжести содеянного, оставила приговор Советского районного суда Нижнего Новгорода без изменения, кассационные жалобы осужденной, ее адвоката и потерпевшего – без удовлетворения².

Предумышленный характер рассмотренного преступления в значительной степени девальвирует привилегирующее значение «ограниченной вменяемости» матери-убийцы. Несмотря на то, что Шкляева в момент убийства пребывала в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, умысел на совершение преступления возник у нее до родов: сожитель Шкляевой не являлся биологическим отцом ребенка, поэтому ребенок воспринимался ею как «нежелательный». С учетом момента возникновения умысла, мотива, способа преступления, постпреступного поведения виновной меньшая общественная опасность совершенного Шкляевой убийства вызывает большие сомнения.

Как отмечалось нами в первой главе, обстоятельство, претендующее на признание в законе в качестве привилегирующего признака, должно существенно вли-

¹ URL: <http://www.ntv.ru/novosti/309506/> (дата обращения – 11.03.2017).

² URL: <http://rospravosudie.com/act-kassacionnoe-opredelenie-na-prigovor-v-otnoshenii-shklyaevoj-l-p-osuzhdennoj-po-st-106-uk-rf-karulin-vladimir-gurevich-karulin-vladimir-gurevich-malaxova-olga-vladimirovna-20-09-2012-106-s> (дата обращения - 11.03.2017).

ять на степень общественной опасности деяния в сторону ее уменьшения, и это влияние должно быть обязательным, т.е. во всех случаях наличия в содеянном привилегирующего обстоятельства можно с уверенностью констатировать понижение уровня общественной опасности содеянного по сравнению со степенью общественной опасности основного состава преступления¹. Как подчеркивают Л.Л. Кругликов и А.В. Васильевский, влияние квалифицирующих и привилегирующих признаков должно иметь строго определенную направленность, то есть эти признаки во всех случаях должны либо только повышать, либо только понижать общественную опасность содеянного². Что же касается психического расстройства, не исключающего вменяемости, то ст. 22 УК РФ говорит только о том, что такое расстройство учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. Примечательно, что законодатель даже не относит «уменьшенную вменяемость» к смягчающим обстоятельствам (ст. 61 УК РФ). Статья 22 УК РФ также не требует обязательного смягчения наказания лицу, совершившему преступление в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Более того, по мнению ряда ученых, это расстройство в некоторых случаях может влечь, наоборот, более строгую ответственность³ (ст. 63 УК РФ предусматривает исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств, однако суд может ужесточить наказание в рамках общих начал назначения наказания при учете личности виновного (ст. 60 УК РФ)).

Если психическое расстройство, не исключающее вменяемости, не отнесено даже к смягчающим обстоятельствам (ст. 61 УК РФ), выполняющим функцию индивидуализации уголовной ответственности, то весьма спорным представляется его закрепление в качестве привилегирующего признака, который служит средством диф-

¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 268-269; Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 182, 184.

² Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Указ. соч. С. 184.

³ См. об этом: Огородникова Н.В. Об уголовно-правовом статусе психического расстройства // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М.Д. Шаргородского. СПб., 2005. С. 117-118.

ференциации ответственности и превращает особо тяжкое преступление в преступление средней тяжести¹.

Как и в условиях психотравмирующей ситуации, в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, совершаются не только детоубийства, но и другие преступления, в том числе убийства. Но это не превращает их в привилегированные.

Так, Аткарским городским судом Саратовской области Орешин признан виновным в убийстве, совершенном в процессе распития спиртных напитков на почве личных неприязненных отношений к потерпевшему.

Согласно заключению стационарной комплексной психолого- психиатрической судебной экспертизы, подсудимый обнаруживал признаки психических расстройств в форме органического поражения головного мозга сложного (посттравматического и токсического алкогольного) генеза с умеренно выраженными изменениями психики (органическое расстройство личности по МКБ-10) и хронического алкоголизма 2 стадии (психические и поведенческие расстройства вследствие синдрома зависимости от алкоголя по МКБ-10). Вследствие указанных изменений психики, не исключающих вменяемости, Орешин в момент преступления не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Суд приговорил подсудимого к лишению свободы на срок 8 лет без ограничения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, а также назначил ему принудительную меру медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учтено судом в качестве одного из смягчающих наказание обстоятельств².

¹ Тем более если учесть, что речь идет, если быть точным, лишь об одной из составляющих привилегированного признака, ибо привилегированным признаком убийства в данном случае выступает убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Другими составляющими указанного привилегированного признака являются обстоятельства, которые, как мы писали выше, применительно к другим преступлениям рассматриваются законодателем как квалифицирующие и отягчающие (малолетство потерпевшего и т.д.).

² URL: <http://www.gcourts.ru/case/6750749> (дата обращения - 11.03.2017).

Вряд ли оправданно в случае убийства матерью беспомощного ребенка придавать состоянию психического расстройства, не исключającego вменяемости, большее значение, чем в случае иных убийств.

Е.И. Грубова, полагая, что в случае убийства матерью новорожденного ребенка смягчающее значение может иметь только особое психическое состояние женщины, предлагает изложить ст. 106 УК РФ в новой редакции:

«Статья 106. Убийство новорожденного ребенка

1. Убийство женщиной рождаемого ею ребенка во время родов, а равно и рожденного ею ребенка сразу же после родов, совершенное в состоянии психического расстройства, не исключającego вменяемости, -

наказывается лишением свободы сроком на три года.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в отношении двух и более рождающихся либо рожденных детей, -

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет»¹.

Возникает вопрос: почему состоянию психического расстройства, не исключającego вменяемости, автор вслед за законодателем придает привилегированный характер лишь при совершении убийства матерью новорожденного ребенка, но не при совершении (как матерью, так и иным лицом) других преступлений, в том числе других убийств? Почему это состояние не смягчает ответственность за убийство совершеннолетнего лица? Почему УК РФ не предусматривает, например, привилегированного состава «убийства, совершенного женщиной в состоянии психического расстройства, не исключającego вменяемости»?

Аномалии психопатического типа, не исключające вменяемости, отмечаются у многих женщин, привлеченных к ответственности за убийство². По свидетельству исследователей, психические нарушения у женщин-убийц выявляются значительно чаще, чем у мужчин. Э. Гибсон, например, писал, что выявление различных психи-

¹ Грубова Е.И. Указ. соч. С. 104, 115. См. также редакцию, предложенную Т.Н. Нуркаевой (Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами. СПб., 2003. С. 115).

² Голоднюк М.Н. Указ. соч. С. 24.

ческих расстройств у совершивших убийство лиц – «черта чисто женского убийства». Автор выделял «нормальное» убийство, то есть убийство, совершенное вне какого-либо психического расстройства, и «ненормальное» убийство -- совершенное лицом, признанным невменяемым или уменьшенно вменяемым. Исследование Э. Гибсона показало, что в период с 1967 по 1971 гг. 68 % убийств, совершенных женщинами, входило в группу «ненормальных» убийств (по сравнению с 28 % у мужчин)¹.

Вообще лица, страдающие различными психическими отклонениями, не исключаящими вменяемости, составляют значительный процент осужденных женщин². Отмечается, что среди женщин, осужденных к лишению свободы, различные психические аномалии имели 25 %³.

Однако убийство, совершенное женщиной в состоянии психического расстройства, не исключаящего вменяемости (как и убийство, совершенное женщиной в условиях психотравмирующей ситуации), зачастую обусловленное, как указывалось выше, конфликтными отношениями в семье и противоправным поведением потерпевшего, не относится к привилегированным. Точно так же наличие психического расстройства, не исключаящего вменяемости (ст. 22 УК РФ), не влечет привилегированной ответственности за совершение иных преступлений.

М.Н. Гернет считал «в высшей степени непоследовательным применение к матери, убивающей в состоянии уменьшенной вменяемости ее ребенка, смягченных мер ответственности и обычных, если она в этом же состоянии совершает кражу, чтобы заплатить украденными деньгами за воспитание дитяти». «Такая непоследовательность, - продолжает автор, - может быть устранена только внесением рассматриваемого нами психического состояния в число обстоятельств, ведущих к уменьшенной вменяемости при совершении какого бы то ни было преступления»⁴. В за-

¹ Приводится по: *Щербакова Л.М.* Указ. соч. С. 67-68.

² Там же. С. 373.

³ Криминология: учебник/ под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2010. С. 580.

⁴ *Гернет М.Н.* Указ. соч. С. 203.

ключении своей работы М.Н. Гернет повторяет эту мысль: «Последовательность требует включения постановлений о влиянии на ответственность как мотива, так и уменьшенной вменяемости при родах в общую часть кодексов. В таком случае детоубийство должно было бы быть исключено из числа привилегированных преступлений, но наказываться мягче, когда оно совершается по уважительному мотиву или в состоянии уменьшенной вменяемости при родах; наказание должно быть еще ниже при наличии обоих указываемых нами оснований»¹.

В приведенном выше уголовном деле Орешина суд признал психическое расстройство, не исключающее вменяемости, обстоятельством, смягчающим наказание. В некоторых делах об убийстве указанное психическое расстройство признается исключительным обстоятельством и влечет назначение наказания ниже низшего предела (ст. 64 УК РФ).

Так, Октябрьским районным судом г. Ижевска по ч. 1 ст. 105 УК РФ осужден Елхов, совершивший убийство на почве личных неприязненных отношений, вызванных ссорой во время совместного с потерпевшим распития спиртных напитков. Согласно заключению комиссии экспертов, Елхов обнаруживал признаки органического расстройства личности и поведения, что привело к нарастающим личностным изменениям в виде вспыльчивости, раздражительности, эмоциональной неустойчивости. В момент деяния не мог в полной мере осознавать общественную опасность своих действий и руководить ими (ст. 22 УК РФ). Подсудимый признан нуждающимся в принудительных мерах медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра. Наличие у подсудимого психического расстройства, не исключающего вменяемости, и другие обстоятельства дела суд признал исключительными обстоятельствами и назначил наказание с применением ст. 64 УК РФ, ниже низшего предела санкции ч. 1 ст. 105 УК РФ. Суд приговорил Елхова к 3 годам лишения свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, а также применил к нему принудительные меры ме-

¹ Там же. С. 277.

дицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра¹.

Другим примером является дело Налетько, осужденного Холмогорским районным судом Архангельской области за убийство (ч. 1 ст. 105). Для целей нашего исследования мы приведем довольно обширные выдержки из приговора по этому делу.

Виновный, гражданин Российской Федерации, с неполным средним образованием, пенсионер, женатый, ранее не судимый, совершил преступление при следующих обстоятельствах. Налетько в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных отношений со своим сыном, желая отомстить ему за причиненную обиду, с целью убийства, нанес ему один удар ножом в живот, причинив ему телесное повреждение, от которого сын скончался. В ходе следствия Налетько показал, что вместе с ним и его женой проживал их сын, который в последнее время нигде не работал и злоупотреблял спиртными напитками на деньги родителей. В день совершения преступления он вернулся домой и увидел, что сын употребляет водку на кухне. Он сделал сыну замечание по поводу злоупотребления спиртным, на что тот ответил ему что-то обидное. После этого он ушел в комнату и уснул, а проснулся от того, что его сын стучал по холодильнику и кричал, что ему не нравится, как работает холодильник, вел себя неадекватно. Он разозлился на сына и вылил водку в раковину, после чего ушел из кухни. Сын продолжал стучать по холодильнику и ругаться на него из-за вылитой в раковину водки, из-за чего между ними произошла ссора. В ходе ссоры сын прижал его к кухонному шкафу, при этом в руках у сына никаких предметов не было, и угрозы тот не высказывал. Он сильно разозлился на своего сына и решил его убить. С этой целью достал из ящика кухонного шкафа нож и умышленно с силой один раз ударил сына в живот ножом. После этого вышел из квартиры, чтобы позвать медиков. Той же ночью его сын скончался в участковой больнице. Подсудимый полностью признал вину и раскаялся в содеянном. Свидетели показали,

¹URL: <http://www.gcourts.ru/case/6817343> (дата обращения - 11.03.2017).

что потерпевший часто употреблял спиртные напитки, пил запоями, из-за чего с ним развелась жена, постоянно ругался с родителями из-за того, что они высказывали претензии по поводу того, что он злоупотреблял спиртным и нигде не работал, в домашних делах и материально не помогал. В состоянии опьянения становился неадекватным, выпрашивал деньги на спиртное. Характеризовался отрицательно, на него поступали жалобы от жителей.

Согласно заключению комиссии экспертов, подсудимый Налетько страдает психическим расстройством в форме «органического» расстройства личности в связи с сосудистым заболеванием головного мозга». Во время совершения преступления Налетько страдал указанным выше психическим расстройством, которое лишало его в возможности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, руководить ими. Подсудимый нуждается в применении принудительных мер медицинского характера

О совершенном им преступлении Налетько добровольно сообщил в правоохранительные органы.

Суд квалифицировал действия подсудимого по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Смягчающими наказанием обстоятельствами суд признал явку с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, оказание иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления и аморальность поведения потерпевшего, явившееся поводом для преступления. Отягчающих наказание обстоятельств не установлено. Виновный по месту проживания характеризовался положительно. Соседи отзывались о нем как об ответственном, доброжелательном, добром, отзывчивом, непьющем, работающем человеке. Жители поселка Луковецкий отзывались о нем с положительной стороны, просили о снисхождении. Налетько является инвалидом третьей группы по общему заболеванию. Ранее не судим. Аморальность поведения потерпевшего, явившаяся поводом для преступления, полное признание вины подсудимым, добровольное сообщение в органы милиции о случившемся и его психическое состояние суд признал исключительными обстоятель-

ствами и назначил более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, с учетом требований ст. 64 УК РФ.

Суд приговорил Налетько к 3 годам лишения свободы без ограничения свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Кроме того, в отношении Налетько в соответствии со ст. 97-100 УК РФ применены принудительные меры медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра по месту отбытия наказания¹.

На примере дел Налетько и Шкляевой отчетливо видна несправедливость уголовного закона, который неодинаково защищает различные категории потерпевших. Совершение в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, убийства новорожденного ребенка имеет привилегирующее значение, а убийства совершеннолетнего лица (в нашем примере, к тому же, еще и ведущего аморальный образ жизни и спровоцировавшего преступление своим поведением) – нет. Но дело здесь не только в нарушении равенства перед законом потерпевших, но и в несправедливости закона по отношению к виновным. Разве Налетько и его деяние представляют большую общественную опасность, чем Шкляева, зарезавшая собственного «нежелательного» ребенка? В случае исключения ст. 106 из УК РФ действия Шкляевой квалифицировались бы по ч. 2 ст. 105, а ее психическое состояние (само по себе или в совокупности с иными обстоятельствами по делу) при наличии к тому оснований также могло повлечь назначение наказания ниже низшего предела. Если бы суд приговорил ее, как Налетько, к лишению свободы на срок, который в два раза ниже «низшего предела», Шкляева была бы осуждена на 4 года лишения свободы в колонии общего режима. Такое наказание, как представляется, в полной мере соответствует принципу справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

Следует согласиться с мнением, что включение в ст. 106 УК РФ элементов «ограниченной вменяемости» является малооправданным, ибо законодатель продублировал положения ст. 22 УК РФ применительно только к убийству матерью ново-

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/6540724> (дата обращения - 11.03.2017).

рожденного ребенка и тем самым поставил в неравное положение лиц, совершивших в состоянии «ограниченной вменяемости» различные по характеру преступления¹.

Необходимо отметить, что, по словам исследователей женской преступности, подавляющее большинство женщин и при наличии острых психотравм и аномалий психопатического типа не совершают преступлений. Даже в сочетании с негативным социальным воздействием психопатии далеко не всегда становятся условием преступного поведения. Решающее значение здесь принадлежит антиобщественной направленности личности, ее системе ценностных ориентаций, потребностей и т.д.² Кроме того, как справедливо считает Ю.М. Антонян, нахождение матери-убийцы в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, не объясняет, почему она все-таки убила, а не совершила какое-либо другое действие, например, покрыла поцелуями тело своего ребенка³.

Во второй и третьей разновидностях детоубийства законодатель, придав привилегирующее значение психотравмирующей ситуации и психическому расстройству, не исключающему вменяемости, игнорирует целый ряд рассмотренных выше отягчающих обстоятельств, в том числе главное из них (ибо оно служит квалифицирующим видом убийства) – малолетний возраст потерпевшего. Тем самым значение психотравмирующей ситуации и состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, оказывается настолько велико, что они, перевешивая все отягчающие обстоятельства, превращают квалифицированный вид особо тяжкого преступления в преступление средней тяжести. При этом степень уголовно-правовой охраны новорожденного ребенка ставится в зависимость от наличия психотравмирующей ситуации и психического состояния матери.

Применение ст. 106 УК РФ в силу самой конструкции статьи сопряжено с отступлениями от принципов равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ,

¹ Карасова А.Л. Указ. соч. С. 113.

² Голоднюк М.Н. Указ. соч. С. 24.

³ Антонян Ю.М. Психология убийства. М, 1997. С. 56. «Это какое-то неистребимое желание объяснять самые сложные явления «простым» наличием психического расстройства или болезни», - считает автор (там же).

ст. 4 УК РФ) и справедливости (ст. 6 УК РФ). Детоубийство – это преступление со специальным субъектом, каковым является мать новорожденного ребенка. Оно относится к преступлениям средней тяжести и наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок. Если же смерть новорожденному причиняет не мать, а другое лицо (отец, бабушка, акушерка и т.д.), то речь идет уже о квалифицированном убийстве – убийстве малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105), санкция за совершение которого предусматривает, в том числе, пожизненное лишение свободы и смертную казнь. Налицо нарушение принципа равенства перед законом лиц, совершивших преступление, и принципа справедливости.

Нас могут упрекнуть за игнорирование связанного с родами психофизического состояния женщины, положенного законодателем в основу отнесения детоубийства к привилегированному составу. Однако, как мы уже неоднократно отмечали, в абсолютном большинстве случаев детоубийство является предумышленным и не связано с труднопереносимым психофизическим состоянием матери. По ст. 106 УК РФ квалифицируется и жестокое, циничное убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, в то время как точно такое же убийство, совершенное, например, бабушкой ребенка или посторонним лицом, образует особо тяжкое преступление – убийство малолетнего. Кроме того, вполне возможно убийство в условиях психотравмирующей ситуации новорожденного ребенка его отцом (например, в случае оставления семьи матерью ребенка и отсутствия у отца средств и возможностей воспитывать ребенка в одиночку). Как квалифицированное убийство рассматривается не только убийство новорожденного иным лицом (отцом и др.), но и убийство матерью в той ситуации, когда она не является исполнителем убийства, а выступает в роли организатора, подстрекателя или пособника.

Если убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов квалифицируется по ст. 106, то такое же деяние, совершенное по истечении названного временного промежутка (например, спустя сутки с момента рождения),

образует (при отсутствии психотравмирующей ситуации и психического расстройства, не исключающего вменяемости), опять-таки, квалифицированное убийство.

Свердловский областной суд расценил как квалифицированное убийство 8-дневного ребенка, совершенное Ж. совместно с другими лицами. Квалифицирующими обстоятельствами суд признал использование беспомощного состояния потерпевшего, а также то, что в лишении жизни ребенка принимало участие еще два лица¹.

Аналогично обстоит дело и со второй и третьей разновидностями детоубийства. Если исходить из господствующего в литературе мнения, что психотравмирующая ситуация и состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости, имеют привилегирующее значение лишь в течение 28 дней с момента рождения (что соответствует педиатрическому критерию новорожденности), то лишение ребенка жизни за пределами этого срока также влечет квалификацию по ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Здесь уже нарушается равенство перед законом потерпевших: так, например, убийство ребенка, прожившего 28 дней, относится к преступлениям средней тяжести, а убийство ребенка, прожившего на день больше, является одним из самых тяжких преступлений. Социальная ценность жизни ребенка, таким образом, существенно различается в зависимости от количества прожитых им дней².

Что касается мотива стыда и страха общественного осуждения по поводу внебрачного рождения ребенка, то необходимо сказать следующее. Исторически именно указанный мотив послужил первым фактором, положенным в основу смягчения наказания за детоубийство. Немного позднее к нему прибавился такой фактор, как психофизическое состояние женщины, вызванное родами. В предыдущем параграфе

¹ *Бородин С.В.* Указ. соч. С. 219.

² При другом подходе детоубийство должно квалифицироваться по ст. 106 УК РФ и за пределами 28-дневного (или месячного) срока с момента рождения ребенка постольку, поскольку мать-убийца пребывает в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии «ограниченной вменяемости». Однако в этом случае степень уголовно-правовой защиты новорожденного ставится в зависимость от наличия указанных факторов, что также представляется неоправданным. Кроме того, за пределами названного срока ребенок не может считаться новорожденным.

мы уже писали о том, что «мотив стыда» во многом утратил свое прежнее привилегированное значение. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что почти во всех государствах, сохранивших состав детоубийства, детоубийство признается привилегированным, даже если ребенок не был внебрачным. Основное значение придается особому психофизическому состоянию роженицы, на что прямо указывается во многих зарубежных уголовных кодексах.

В XIX - начале XX вв. привилегированным в большинстве стран, в том числе в России, признавалось убийство матерью лишь «незаконнорожденного» ребенка. Смягчение законодателем ответственности за убийство внебрачного ребенка в тот исторический период вполне объяснимо. В дореволюционной России незаконнорожденные дети испытывали значительные правоограничения и по своему правовому статусу существенно отличались от детей, рожденных в браке. Внебрачное рождение, кроме того, считалось позорным и встречало общественное осуждение. При таких условиях мать могла убить ребенка по мотиву жалости, сострадания к нему, понимая, какие страдания и лишения ребенку предстоит перенести, а также по мотиву «спасения своей чести» (хотя еще более 200 лет назад при подготовке УК Франции 1810 г., как уже отмечалось, сторонники отнесения детоубийства к квалифицированным убийствам справедливо указывали, что мотив спасения чести не может ослабить ужаса этого преступления; кроме того, отмечалось, что такой мотив – не единственный; детоубийство может быть совершено также из корысти¹). В современной России внебрачные дети обладают теми же правами, что и дети, рожденные в браке. Сам термин «незаконнорожденный», или «незаконный», вышел из употребления. Общественное мнение также сегодня относится к рождению ребенка вне брака намного терпимее. Согласно опросу, проведенному Левада-Центром в 2012 г., к рождению ребенка вне брака положительно относятся 43% россиян, резко отрица-

¹ Гернет М.Н. Указ. соч. С. 42.

тельно – всего одна пятая часть¹. Сегодня в России, как уже говорилось, каждый третий ребенок рождается вне брака².

Напомним, что решение немецкого законодателя отказаться в 1998 г. от детоубийства как привилегированного вида убийства, немецкие юристы объясняют, в частности, тем, что рождение ребенка вне брака современное общество не оценивает так негативно, как раньше, и что вне брака рождается значительное число детей³.

Если мнение французского законодателя, принявшего УК 1810 г., что боязнь позора не может извинить столь ужасного преступления и что особенным покровительством закона должна пользоваться жизнь беззащитного существа⁴, не было поддержано ни наукой, ни судебной практикой, то в начале XXI века такой подход заслуживает одобрения. 200 лет назад общественное мнение снисходительно относилось к убийству новорожденного младенца его матерью «для спасения себя от позора, от неумолимого и грозного общественного суда», однако в условиях современного общества такой мотив не может быть положен в основу привилегированного наказания за детоубийство.

Вопреки общераспространенному мнению, мотивы стыда, страха, избежания позора, спасения чести нельзя признать извинительными. Эти мотивы носят эгоистический характер, поскольку мать предпочитает смерть собственного беспомощного ребенка своему «позору», ставит свои интересы выше его жизни. Как справедливо полагает Ю.М. Антонян, «убийца-мать уступает давлению внешних обстоятельств потому, что для нее важнее сохранить свой статус в среде, приемлемое для себя положение в глазах окружающих, свою свободу, чем ребенка – эту ненужную

¹ Большинство россиян не против гражданского брака. URL: http://deti.mail.ru/news/bolyshinstvo_rossiyan_ne_protiv_grazhdanskogo_b/ (дата обращения – 09.03.2017).

² URL: <http://www.rg.ru/2011/06/10/single.html> (дата обращения - 11.03.2017).

³ Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части / под ред. Н.Е. Крыловой. М., 2013. С. 924 (автор – М.А. Игнатова).

⁴ *Боровитинов М.М.* Указ. соч. С. 10.

обузу. Эта проблема имеет для женщины бытийное значение, и она решает ее не в пользу младенца»¹.

Примечательно, что даже те авторы, которые считают неправильным ставить «внебрачную мать, убивающую с отчаяния своего новорожденного младенца, на одну доску с корыстными убийцами, бандитами, убийцами-рецидивистами и т.п.»², приводят в своих работах примеры детоубийства, которые, на наш взгляд, совсем не позволяют говорить об отсутствии у виновных низменных побуждений. Так, автор приведенного высказывания (Б. Змиев) приводит в своей статье сведения о рассмотренных им 15 делах о детоубийстве в Татарстане в 1923-25 годах: Б. убила ребенка из-за постоянных попреков родных и боязни, что ее будут бить, Х. – потому что отец ребенка ставил смерть ребенка условием брака, Н. была напугана старинным татарским обычаем – избиения и вождения голой по улицам и т. д.³. В этих примерах очевидны эгоистические, низменные мотивы детоубийц. Смерть родного беспомощного младенца женщина рассматривает как меньшее зло, чем невступление в брак или опасность быть избитой.

А.В. Наумов – сторонник привилегированной наказуемости детоубийства – приводит следующий случай.

Девятнадцатилетняя Никольская, артистка кукольного театра, вступила в брачные отношения с артистом этого же театра Кротовым, который обещал на ней жениться, а потом бросил ее. Аборт вовремя сделать не удалось. Скрыв беременность от родных и сослуживцев, Никольская вышла замуж за Петрова, не сказав ему о беременности. В мае 1964 г. у себя дома родила ребенка и сразу же задушила его. Никольская пояснила суду, что совершила преступление из-за боязни, что муж, узнав о ее добрачной половой жизни, бросит ее⁴.

¹ *Антонян Ю.М.* Отрицание цивилизации: каннибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм. М., 2003. С. 140.

² См., напр.: *Змиев Б.* Детоубийство // *Право и жизнь.* 1927. Книга шестая - седьмая. С. 94.

³ Там же.

⁴ *Наумов А.В.* Мотивы убийств. Волгоград, 1969. С. 96.

Несомненно, что в этом примере детоубийству во многом способствовало недостойное поведение отца ребенка. Однако это не отменяет того факта, что смерть ребенку причинила сама Никольская, для которой сохранение брака оказалось важнее жизни собственного ребенка. Виновная принесла ребенка в жертву своим личным корыстным интересам.

Мы не видим принципиальной разницы между лицом, убивающим человека из корыстных соображений, и матерью, убивающей своего ребенка с целью обустроить собственную жизнь, вступив в брак, или избежать расставания с супругом. Даже если детоубийца вступает в брак не из корыстных соображений, она в любом случае руководствуется своими личными интересами и ради собственного благополучия не останавливается даже перед лишением жизни своего ребенка.

Детоубийство зачастую совершается потому, что мать просто не желает нести расходы на содержание младенца в ущерб удовлетворению собственных потребностей или обременять себя его воспитанием. Считаем, что в таких случаях детоубийцу вполне можно приравнять к корыстному убийце (см., например, выше дело Шевченко).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Статья 106 должна быть исключена из УК РФ, а убийство матерью новорожденного ребенка должно квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство малолетнего. Совершение деяния в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии «ограниченной вменяемости» (ст. 22 УК РФ) должно учитываться при назначении наказания, как и в случае совершения других преступлений. Часть 2 ст. 22 УК РФ прямо предписывает учитывать психическое расстройство, не исключающее вменяемости, при назначении наказания. При осуждении за детоубийство в условиях психотравмирующей ситуации суд в ряде случаев может учесть совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств в качестве смягчающего обстоятельства (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

§ 3. Уголовно-исполнительный и уголовно-политический аспекты ответственности за детоубийство

Несмотря на то, что детоубийство в разное время и в различных государствах признавалось и более опасным видом убийства, и убийством без отягчающих и смягчающих обстоятельств, и, наконец, менее тяжким случаем убийства, судебная практика, как правило, относилась к данному преступлению довольно лояльно. В советский период, когда детоубийство являлось сначала квалифицированным (по УК РСФСР 1922 г. и 1926 г.), а затем простым (по УК РСФСР 1960 г.) убийством, суды обычно назначали за данное преступление довольно мягкие наказания, по сути, уже тогда превратив его в привилегированный состав убийства¹.

Возможно, в основе такого подхода лежит отношение к новорожденному ребенку как к неполноценному человеку, «продолжению плода». Можно предположить, что дело здесь и в сложившейся в судебной практике традиции снисходительного отношения к детоубийцам, уходящей корнями в период, когда убийство новорожденного по мотиву «спасения чести» в условиях господства религиозного мировоззрения считалось извинительным. Объяснением может служить и то, что суды исходят из неопровержимой презумпции нахождения матери в момент преступления в вызванном родами тяжелом психическом и физическом состоянии.

Ю.М. Антомян в 1992 г., когда детоубийство по уголовному праву России не относилось к привилегированным составам и квалифицировалось, по общему правилу, как простое убийство, по этому поводу писал: «На практике вопросы квалификации и оценки названных преступлений (детоубийств – Н. А.) решаются подчас просто, если не сказать примитивно, и часто в принципе неверно: если ребенка убивают сразу после рождения, это почти во всех случаях (и автоматически) считается для матери смягчающим обстоятельством. А то, что она иногда готовится к этому за

¹ Авдеева М. Указ. соч. С. 66; Тимина Л.И. Указ. соч. С. 8.

много дней до родов, не всегда получает адекватную оценку. В итоге иногда выходит, что новорожденный пользуется меньшей защитой закона, чем другие люди»¹.

И сегодня суды в целом склонны назначать за детоубийство наказания, мягкие даже по меркам привилегированной ответственности. Причем женщины-детоубийцы пользуются снисхождением не только при назначении наказания судом, но и на досудебной стадии. Как уже говорилось, показатель латентности детоубийств составляет примерно один к десяти. Иными словами, регистрируется только около 10 % всех совершаемых детоубийств. Еще меньше количество выявленных лиц, совершивших данное преступление.

Но если число выявленных матерей-детоубийц значительно уступает числу зарегистрированных детоубийств, то еще меньше число **осужденных** за данное преступление. Очень часто даже возбужденные по ст. 106 уголовные дела прекращаются по различным основаниям, не доходя до суда². Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, в 2013 г. 3 дела о детоубийстве прекращены по амнистии, 2 – за примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). В 2014 г. по амнистии прекращено 4 дела, за примирением с потерпевшим – 2 дела.

Еще меньше количество осужденных к реальному лишению свободы. В 2013 г. по ст. 106 осуждено 75, из них только 35 приговорено к реальному лишению свободы, 30 – к лишению свободы условно, 10 – к ограничению свободы. В 2014 г. из 42 осужденных по ст. 106 УК РФ к реальному лишению свободы приговорена 21 женщина (т.е. половина от общего числа), к лишению свободы условно – 16, к ограничению свободы – 5. В 2015 г. по ст. 106 УК РФ осуждено 45 человек, из них 25 осуждены к реальному лишению свободы, 8 – к лишению свободы условно, 6 – к ограничению свободы, 6 – по приговору суда освобождены от наказания по амнистии³.

¹ Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 35.

² Попов А.Н. Указ. соч. С. 6.

³ Данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения – 11.03.2017).

Сказанное можно проиллюстрировать с помощью используемого в криминологии понятия «эффект воронки»¹. В данном случае внутри «воронки» – многократное снижение числа матерей, приговоренных к реальному лишению свободы, по сравнению с действительным количеством матерей-детоубийц.

Но и тем матерям-детоубийцам, которые попали в очень небольшой процент осужденных к реальному лишению свободы, в большинстве случаев назначается довольно мягкое наказание.

Во-первых, виновные обычно осуждаются на непродолжительный срок лишения свободы. Как правило, этот срок не превышает трех лет.

Практически каждое дело об убийстве матерью новорожденного ребенка по ходатайству подсудимой рассматривается в особом порядке (гл. 40 УПК РФ). Частью 1 ст. 314 УПК РФ установлено, что обвиняемый вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы. При этом, в силу ч. 7 ст. 316 УПК РФ и ч. 5 ст. 62 УК РФ, при постановлении обвинительного приговора подсудимому назначается наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Кроме того, почти в каждом деле о детоубийстве суд признает смягчающим обстоятельством явку с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и не усматривает отягчающих обстоятельств.

Согласно ч. 1 ст. 62 УК РФ, при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» части 1 статьи 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей

¹ См.: Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 т. Т. I. Общая часть. М., 2011. С. 385.

максимального срока или размера наиболее строго вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Причем по смыслу закона, как указал в надзорном производстве Президиум Сахалинского областного суда, **при назначении наказания по правилам, предусмотренным ч. 1 ст. 62 УК РФ, суд в силу ч. 7 ст. 316 УПК РФ исчисляет две трети срока наказания от двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ (то есть в случае убийства матерью новорожденного ребенка не более двух лет двух месяцев двадцати дней)**¹.

В 2013 г. из приговоренных к реальному лишению свободы на срок до 1 года осуждено 8 лиц, от 1 года до 2 лет – 19, от 2 до 3 лет – 8, свыше 3 лет - 0.

В 2014 и 2015 г. на срок до 1 года лишения свободы осуждены соответственно 2 и 3 лица, от 1 года до 2 лет – 15 и 17, от 2 до 3 лет – 4 и 5, свыше 3 лет – ни одного².

Таким образом, за 2013-2015 гг. ни одна из осужденных за убийство матерью новорожденного ребенка не приговорена к лишению свободы на срок более 3 лет, а количество осужденных на срок от 2 до 3 лет составляет в среднем лишь пятую часть всех приговоренных к реальному лишению свободы по ст. 106 УК РФ.

Во-вторых, поскольку детоубийство – преступление средней тяжести, за его совершение, в силу п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, назначается отбывание лишения свободы в колониях-поселениях. Редко суды с учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновной назначают детоубийцам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима³.

¹ URL: <http://rospravosudie.com/court-saxalinskij-oblastnoj-sud-saxalinskaya-oblast-s/act-103852469/> (дата обращения – 11.03.2017). См. также кассационное определение по делу Буслаевой: URL: <https://rospravosudie.com/court-tulskij-oblastnoj-sud-tulskaya-oblast-s/act-103894606/> (дата обращения – 11.03.2017).

² Данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения – 11.03.2017).

³ См., напр., приговор Азовского городского суда Ростовской области в отношении Тининой от 20 июня 2013 г. (дело № 1-171/2013). URL: <http://www.gcourts.ru/case/16595719> (дата обращения - 11.03.2017).

Но и колонии-поселения, по компетентному мнению Ю.М. Ткачевского, в действительности не являются местами лишения свободы. В колониях-поселениях условия отбывания наказания максимально приближены к обычным условиям жизни. По сути дела, в них карательное содержание наказания определено лишь некоторыми ограничениями свободы передвижения. Поэтому колонии-поселения фактически представляют собой не лишение, а ограничение свободы¹.

Вопрос о том, соответствует ли столь толерантное отношение законодателя и правоприменителя к убийству новорожденных детей конституционному положению о государственной защите детства (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ), представляется сугубо риторическим. Справедливо мнение С.Ф. Милюкова, что государство практически устранилось от борьбы с детоубийцами, а появление в УК РФ статьи, огульно смягчающей ответственность детоубийц, может восприниматься многими из них как поощрение таких злодеяний². Известно, что за первый год действия УК РФ (1997 г.), установившего привилегированную наказуемость детоубийства, темп роста данного преступления составил 170 %³. Следует добавить, что в еще большей степени как поощрение детоубийств может восприниматься отношение к ним следственно-судебной практики.

К сожалению, терпимое отношение к детоубийству встречается и в науке уголовного права. А.Н. Красиков, как уже отмечалось, предлагал не считать матерей-детоубийц преступницами и не привлекать их к уголовной ответственности, ибо их, по его мнению, «наказывает уже сама природа».

Привилегированный характер убийства матерью новорожденного ребенка, а также смягчение санкции за данное преступление (Федеральный закон от 27 декабря

¹ Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 2007. С. 29, 114 (Ю.М. Ткачевский имеет в виду ограничение свободы в том виде, который предполагает нахождение осужденных в исправительных центрах и в настоящее время не действует). Недаром колония-поселение зачастую воспринимается скорее как санаторий, а не место лишения свободы (См.: Беглый особо опасный преступник вновь помещен в «санаторий» УФСИН. URL: <http://www.vzsar.ru/news/2016/04/21/beglyi-osobo-opasnyi-prestypnik-vnov-pomeschen-v-sanatorii-yfsin.html>, дата обращения - 11.03.2017).

² Милюков С.Ф. Указ. соч. С. 220.

³ Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 32.

2009 г. № 377-ФЗ) не согласуются с тенденцией ужесточения уголовной ответственности за преступления против малолетних. Так, Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в частности, в рамках убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105), выделил убийство малолетнего, исключил признак заведомости из ст. 131, 132 УК РФ, усилил уголовную ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, включая малолетних. Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» введено новое отягчающее обстоятельство – «совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней)» (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

На фоне активной заботы государства о защите малолетних от половых преступлений отношение уголовного закона к жизни новорожденных детей вызывает недоумение. Согласно действующей редакции УК РФ, изнасилование малолетнего и насильственные действия сексуального характера в отношении малолетнего (п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ) наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет. Таким образом, посягательство на половую неприкосновенность малолетних законодатель расценивает как более опасное преступление, чем простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Санкции за изна-

силование и насильственные действия сексуального характера в отношении малолетнего сопоставимы с санкцией за убийство последнего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При такой оценке общественной опасности посягательств на половую неприкосновенность малолетних матери-детоубийцы приговариваются к лишению свободы условно или лишению свободы в колонии-поселении, что представляется абсолютно неприемлемым. Недопустимо, чтобы нижняя граница санкции за нарушение половой неприкосновенности малолетнего более чем в два раза превышала верхнюю границу санкции за лишение новорожденного ребенка жизни. Даже в случае реализации предложения об отнесении убийства матерью новорожденного ребенка к квалифицированным составам матери-детоубийце будет грозить менее строгое наказание, чем лицу, совершившему преступление, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 131 или п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (ибо пожизненное лишение свободы и смертная казнь, согласно ст. 57, 59 УК РФ, женщинам не назначаются). Но если педофил-насильник нарушает половую неприкосновенность малолетнего (что является тягчайшим преступлением), то мать-детоубийца отнимает у собственного ребенка самое ценное – его жизнь. Если человеческая жизнь объявлена важнейшей социальной ценностью, то что может быть ценнее жизни ребенка? «Обеспечение неприкосновенности детской жизни является аксиомой цивилизации, а поэтому покушение на нее есть не только тягчайшее преступление, но и отрицание того этапа истории, который мы называем современной цивилизацией»¹.

Кроме того, остается неясным, почему законодатель принимает во внимание ненормальное психическое состояние матери-убийцы (хотя оно присутствует в абсолютном меньшинстве детоубийств) и не принимает во внимание ненормальное психическое состояние педофила-насильника. Педофилия как форма сексуального взаимодействия рассматривается в качестве психического расстройства². Однако в УК РФ нет статьи, устанавливающей привилегированную ответственность за изнасило-

¹ Антонян Ю.М. Отрицание цивилизации: канибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм. М., 2003. С. 3.

² Педофилия: основные криминальные черты / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2012. С. 61 (автор – А.А. Ткаченко).

вание или иные насильственные действия сексуального характера в отношении малолетнего, совершенные лицом в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, с санкцией, например, до пяти лет лишения свободы. И это вполне справедливо, хотя речь идет о посягательстве на половую неприкосновенность ребенка, а не на его жизнь.

Помимо сказанного выше, необходимость исключения из УК РФ ст. 106 диктуется тем, что эта статья порождает огромное количество проблем в правоприменительной практике. По образному выражению А.Н. Попова, сам состав преступления, предусмотренный ст. 106, является одной сплошной уголовно-правовой проблемой¹. Большинство проблем присуще детоубийству изначально – в силу конструкции самого состава преступления. Так, возникают вопросы квалификации соучастия в данном преступлении (в том числе, когда мать является пособником, организатором или подстрекателем убийства, а исполнитель – другое лицо), квалификации убийства новорожденного ребенка матерью, не достигшей 16 лет, квалификации убийства матерью двух или более новорожденных детей и т. д.²

В обоснование исключения ст. 106 из УК РФ можно сослаться и на опыт ряда зарубежных стран, в уголовном законодательстве которых, как мы уже писали, рассматриваемое преступление не признается привилегированным, а в некоторых даже рассматривается как тяжкий случай убийства. Представляется, что в этом отношении опыт Франции и Германии – государств с богатой правовой традицией и развитой уголовно-правовой доктриной – может быть учтен российским законодателем.

Предупреждая возможные упреки, касающиеся опасности столь резкой перемены в правовой оценке детоубийства (из привилегированного состава сразу в квалифицированный), стоит сказать следующее.

¹ Попов А.Н. Указ. соч. С. 11.

² См., напр.: Иванов Н. Соучастие со специальным субъектом // «Российская юстиция», 2001, № 3. С. 50-52; Святенюк Н.И. Убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное совместно с другими лицами // Российский следователь, 2005, № 9. С. 31-34. Дядюн К.В. Проблемные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Адвокат, 2016, № 5. Электронный ресурс: доступ из СПС «Гарант».

Именно по такому пути более 20 лет назад пошел французский законодатель. С вступлением в силу с 1 марта 1994 г. нового УК Франции детоубийство, как уже указывалось, из привилегированного убийства перешло в разряд квалифицированных. Уместно заметить, что и УК 1810 г. (с последующими изм. и доп.) предусматривал за детоубийство тюремное заключение от 10 до 20 лет, то есть более строгое наказание, чем то, которое понесла бы мать-детоубийца в России в случае квалификации ее деяния по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По действующему французскому Кодексу за детоубийство установлено самое строгое наказание – пожизненное заключение (смертная казнь во Франции отменена в 1981 году).

Следует вновь подчеркнуть, что квалификация рассматриваемого преступления по ч. 2 ст. 105 УК РФ не исключает возможности смягчения наказания в случае совершения детоубийства в силу тяжелых жизненных обстоятельств или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Отметим, что санкция ч. 2 ст. 105 (как и санкция за простое убийство) сконструирована достаточно широко и предоставляет суду возможность при назначении наказания в полной мере учесть характер и степень общественной опасности преступления и личности виновного. При этом нижняя граница санкции за квалифицированное убийство практически совпадает с нижней границей санкции ч. 1 ст. 105 (8 и 6 лет соответственно). По закону суд может назначить за простое убийство 15 лет лишения свободы, а за квалифицированное – почти в два раза меньше – 8 лет. Совершение детоубийства под влиянием особого психофизического состояния (особенно если оно привело к невозможности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими) в некоторых случаях вполне может служить основанием для назначения наказания ниже низшего предела (ст. 64 УК РФ).

В результате исключения ст. 106 из Уголовного кодекса РФ возраст наступления уголовной ответственности за детоубийство будет понижен с 16 до 14 лет. С нашей точки зрения, это не должно служить препятствием депривилегизации данного вида убийства. Полагаем, что и в 14 лет девушка вполне способна осознавать фак-

тический характер и общественную опасность причинения смерти собственному новорожденному ребенку и быть субъектом рассматриваемого преступления, как и простого и квалифицированного видов убийства. Согласно результатам проведенного К.В. Дядюн опроса 450 человек, треть которых составили студенты-юристы, треть – обычные граждане и еще треть – сотрудники правоохранительных органов, на вопрос «С какого возраста, на Ваш взгляд, необходимо устанавливать ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка» 57,8 % опрошенных ответили – с 14 лет, 22,2 % – и вовсе с 12 лет (причем 15,6 % из этих 22,2 % – сотрудники правоохранительных органов). Опрошенные сотрудники правоохранительных органов разделились примерно поровну на сторонников наступления уголовной ответственности за детоубийство с 14 лет и с 12 лет. При этом ни один из 150 указанных сотрудников не высказался за 16-летний возраст наступления ответственности¹.

Таким образом, квалифицированная ответственность за детоубийство с 14-летнего возраста с учетом общественной опасности этого преступления, как представляется, соответствует требованиям справедливости и соразмерности уголовного наказания.

Подведем итоги настоящей главы.

Изучение материалов судебной практики показало, что детоубийство в подавляющем большинстве случаев совершается с заранее обдуманном умыслом и не обусловлено связанным с родами тяжелым психофизическим состоянием матери, которое, как принято считать в науке, послужило основной причиной отнесения законодателем данного вида убийства к привилегированным. Кроме того, в любом детоубийстве очевидны, по меньшей мере, три отягчающих обстоятельства, используемых законодателем в других случаях в качестве средства дифференциации уголовной ответственности за убийство и индивидуализации наказания: 1) совершение убийства в отношении малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ); 2) совершение преступления в отношении беззащитного ли-

¹ Дядюн К.В. Указ. соч.

ца, находящегося в зависимости от виновной (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ); 3) совершение преступления родителем в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) (п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Указанные особенности не позволяют говорить о существенном снижении степени общественной опасности детоубийства по сравнению с «простым» убийством (ч. 1 ст. 105 УК РФ), являющейся главным критерием привилегизации убийства.

Автором также выявлено, что отнесение детоубийства к привилегированным составам противоречит принципу равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), принципу справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ), требованиям закона об учете малолетнего возраста потерпевшего как квалифицирующего признака убийства (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и об учете в качестве отягчающих обстоятельств, предусмотренных п.п. «з» и «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, а также тенденциям усиления уголовно-правовой охраны несовершеннолетних. Выявленные противоречия позволили автору сделать вывод о несоответствии привилегированного характера детоубийства сформулированному им критерию привилегизации, заключающемуся в том, что привилегирующий признак состава должен быть согласован с иными нормами, институтами и принципами уголовного права, а также с другими привилегирующими и квалифицирующими признаками и логикой их законодательной регламентации.

На основе изучения отечественной истории института уголовной ответственности за детоубийство, зарубежного опыта регламентации этого института, собственного криминологического исследования, анализа материалов актуальной неопубликованной судебной практики и новейшей статистической информации, рассмотрения признаков состава данного преступления сквозь призму уголовно-правовых принципов и уголовной политики Российской Федерации, а также на основе выявленных противоречий в регулировании уголовной ответственности за детоубийство, автором обосновывается предложение об исключении из УК РФ статьи 106 «Убийство матерью новорожденного ре-

бенка». В случае реализации данной меры детоубийство необходимо будет оценивать как квалифицированный состав убийства («убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека» – п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Глава 3. Убийство по просьбе потерпевшего и проблема расширения системы привилегированных составов убийства в уголовном праве Российской Федерации

С учетом целей диссертационного исследования автором предлагается рассмотреть вопрос о выделении в привилегированный состав убийства неизлечимо больного лица по его настойчивой просьбе с целью избавления его от тяжелых физических страданий, совершенного по мотиву сострадания.

Убийство лица по его просьбе, или убийство из сострадания, отнесено к привилегированным составам убийства в уголовном законодательстве многих зарубежных стран. Так, в соответствии со ст. 114 УК Швейцарии 1937 г. (с изм. и доп.) тот, кто убивает другого человека по достойным уважения мотивам, в частности, из сострадания, по его серьезной и настойчивой просьбе, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом¹. УК Грузии 1999 г. предусматривает убийство по настоятельной просьбе жертвы и в соответствии с ее подлинной волей, совершенное с целью освобождения умирающего от сильных физических болей, наказуемое лишением свободы на срок от двух до пяти лет (ст. 110)².

С понятием убийства по просьбе потерпевшего тесно связана проблема эвтаназии, поэтому необходимо остановиться на этой проблеме более подробно.

Существует множество определений эвтаназии. В переводе с греческого эвтаназия означает «хорошая смерть» (от εὖ – хорошо и θάνατος – смерть). В медицинском толковом словаре эвтаназия определяется как намеренное умерщвление неизлечимо больного человека с целью облегчения его страданий. При добровольной эвтаназии больной сам принимает решение о том, чтобы ему помогли умереть. Это может достигаться с помощью активных мер или путем пассивной эвтаназии – пред-

¹ Criminal Code of the Swiss Confederation (1937, amended 2014) (German version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017). Перевод с немецкого наш (H. A.).

² Criminal Code of Georgia (1999, amended 2016) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения - 11.03.2017).

намеренного отказа от лечения. При принудительной (компульсорной) эвтаназии смерть причиняется человеку, который не может четко выразить свое желание умереть (например, младенцу). В отличие от принудительной эвтаназии, добровольная эвтаназия легализована во многих странах¹.

Пионером легализации эвтаназии являются Нидерланды. Эвтаназия в этой стране была разрешена в законодательном порядке в 2002 г., хотя по решению Верховного Суда Нидерландов она применялась с 1973 года².

В том же 2002 г., легализовав эвтаназию, примеру Нидерландов последовала соседняя Бельгия. Более того, в 2014 г. в Бельгии была разрешена эвтаназия в отношении детей. Закон, отменивший запрет на добровольный уход из жизни для людей младше 18 лет, поддержали 86 депутатов, 44 были против, 12 воздержались. При этом новый закон, в отличие от действующего в Нидерландах аналогичного акта, не устанавливает минимального возраста, по достижении которого гражданин может принять решение о смерти³. Впервые эвтаназия в отношении ребенка была проведена в 2016 году⁴.

Эвтаназия в той или иной форме легализована и в ряде других стран (Люксембург, некоторые кантоны Швейцарии и т.д.).

В России законодательное определение эвтаназии впервые было закреплено в Основах законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года⁵. Статья 45 Основ устанавливала, что «медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии - удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных

¹ Большой толковый медицинский словарь, 2001. URL: <http://www.medslv.ru/html/6/6vtanazi8.html> (дата обращения – 16.03.2017).

² Страшун Б.А. Конституционное право на жизнь в современном мире // Актуальные проблемы российского права, 2015, № 6. Электронный ресурс: доступ из СПС «Гарант».

³ Бельгия разрешила детскую эвтаназию. URL: <http://www.rbc.ru/society/13/02/2014/570417739a794761c0ce6916> (дата обращения – 16.03.2017).

⁴ Первый случай в практике: Бельгия провела эвтаназию ребенка. URL: <http://www.mk.ru/social/2016/09/17/pervyy-sluchay-v-praktike-belgiya-provela-evtanaziyu-rebenka.html> (дата обращения – 16.03.2017).

⁵ Ведомости СНД и ВС РФ, 1993, № 33, ст. 1318.

мер по поддержанию жизни». В этой же статье говорилось об установлении уголовной ответственности за побуждение больного к эвтаназии и (или) ее осуществление.

Названный документ утратил силу с 1 января 2012 г. в связи с принятием Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. В новом законе определение эвтаназии, где ей также посвящена ст. 45, сформулировано несколько по-иному. Согласно этой статье, «медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента».

Как видно, определение эвтаназии в новом законе имеет ряд отличий по сравнению с ранее действовавшим.

Во-первых, в новом законе говорится о «медицинских работниках», а не о «медицинском персонале». Под медицинским работником, в соответствии со ст. 2 Федерального закона 2011 г., понимается физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность. В прежнем законе понятие «медицинский персонал» не определялось.

Во-вторых, вместо «удовлетворения просьбы больного об ускорении его смерти» в новом законе сказано об «ускорении по просьбе пациента его смерти».

В-третьих, и это самое важное, новый закон содержит указание на ускорение смерти *бездействием* медицинского работника. Новое определение, как представляется, должно положить конец дискуссии о том, разрешена ли в России «пассивная эвтаназия». Мнение о допустимости пассивной эвтаназии основывалось на ст. 33

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011, № 48, ст. 6724; 2012, № 26, ст. 3442, 3446; 2013, № 27, ст. 3459, 3477, № 30, ст. 4038, № 39, ст. 4883, № 48, ст. 6165, № 52, ст. 6951.

Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан 1993 г., закреплявшей право гражданина требовать прекращения медицинского вмешательства¹. Новый закон, хотя и предоставляет пациенту такое право (ст. 19, 20), в ст. 45 прямо запрещает ускорение смерти не только действиями, но и бездействием медицинского работника.

Ряд определений эвтаназии сформулирован и в научной литературе. По мнению Ю.А. Дмитриева и Е.В. Шленевой, эвтаназия - это «специальное медицинское вмешательство, направленное на прекращение жизни неизлечимо больного, тяжело страдающего человека, осуществляемое в соответствии с его собственной добровольно выраженной волей и имеющее единственной целью прекращение ненужных страданий»².

Н.Е. Крылова определяет эвтаназию как «умышленные действия или бездействие медицинского работника, осуществляемые в соответствии с явно и недвусмысленно выраженной просьбой информированного больного или его законного представителя, с целью прекращения физических и психических страданий больного, находящегося в угрожающем жизни состоянии, в результате которых наступает его смерть»³.

Некоторые авторы включают в понятие эвтаназии причинение больному смерти лицом, не являющимся медицинским работником (в этом случае иногда говорят о «немедицинской эвтаназии»). Так, с точки зрения О.С. Капинус, под эвтаназией в уголовно-правовом смысле следует понимать «умышленное причинение смерти неизлечимо больному, осуществленное по его просьбе врачом, фельдшером или медсестрой, а также иным лицом по мотиву сострадания к больному и с целью из-

¹ См., напр.: *Маляева Е.О. Колосова В.И., Маляев К.В.* Уголовно-правовые проблемы медицины. Н. Новгород, 2004. С. 88.

² *Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В.* Право человека в РФ на осуществление эвтаназии// Государство и право. 2000. № 11. С. 57.

³ *Крылова Н.Е.* Уголовно-правовая оценка эвтаназии// Современное право. 2007. № 1. С. 77.

бавления его от невыносимых физических страданий»¹. К.С. Широков идет еще дальше, отождествляя эвтаназию с лишением жизни лица с его согласия².

Полагаем, что с учетом Федерального закона 2011 г. эвтаназию необходимо рассматривать как акт, который может осуществляться только специальным субъектом – медицинским работником. Следовательно, ни «немедицинская эвтаназия», ни, тем более, причинение смерти лицу с его согласия не могут быть отнесены к эвтаназии.

В отличие от Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г., новый закон не упоминает об уголовной ответственности за побуждение больного к эвтаназии и осуществление эвтаназии. Также следует отметить, что УК РФ не предусматривает специальной ответственности за указанные деяния. Разумеется, это не означает, что по отечественному законодательству эвтаназия не влечет уголовной ответственности. С точки зрения действующего уголовного закона эвтаназия образует состав убийства и квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ³, поскольку является не чем иным, как умышленным причинением смерти другому человеку, хотя и по его просьбе. При наличии отягчающих обстоятельств не исключена квалификация эвтаназии по ч. 2 ст. 105 УК РФ (например, в случае ускорения смерти больного за вознаграждение). Побуждение больного к эвтаназии – склонение лица к лишению его жизни – само по себе не образует преступления.

Автором выявлено наличие объективно существующих оснований включения в систему привилегированных составов убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания, включая соответствие потенциального привилегированного состава основополагающему критерию привилегизации – значи-

¹ *Капинус О.С.* Эвтаназия в свете права на жизнь. М., 2006. С. 63. См. также: *Чернышева Ю.А.* Причинение смерти лицу по его просьбе. М., 2011. С. 5, 113. Нами термин «эвтаназия» ранее также использовался в расширительном значении. См.: *Алёнкин Н.Е.* К вопросу о совершенствовании системы норм, предусматривающих ответственность за привилегированные составы убийства, по уголовному праву России // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2011 года). М., 2011. С. 281.

² *Широков К.С.* Согласие лица на причинение ему вреда как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. Хабаровск, 2010. С. 164.

³ См., напр.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник/под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2016. С. 330-331.

тельно меньшей степени общественной опасности по сравнению с основным составом.

Отношение к названному преступлению как менее опасному виду убийства мы находим уже в русском дореволюционном праве. В Уголовном уложении 1903 г. выделялось убийство, «учиненное по настоянию убитого и из сострадания к нему», которое наказывалось заключением в крепости на срок не свыше трех лет (ст. 460), в то время как простое убийство (без отягчающих и смягчающих обстоятельств) каралось каторгой на срок не ниже восьми лет (ст. 453).

В проекте первого советского уголовного кодекса – УК РСФСР 1922 г. – убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, относилось к привилегированным составам убийства¹. В окончательной редакции Кодекса уголовная ответственность за данное преступление была вовсе исключена: примечание к ст. 143 предусматривало, что «убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается». Спустя менее полугода это примечание было отменено, и в дальнейшем в отечественном уголовном законодательстве убийство по просьбе потерпевшего не выделялось ни в квалифицированный, ни в привилегированный составы. На практике оно квалифицировалось как убийство без отягчающих и смягчающих обстоятельств («простое» убийство)².

В науке советского уголовного права общепризнанной была точка зрения, что просьба или согласие потерпевшего на причинение ему смерти не исключают противоправность деяния. В то же время тяжесть и общественную опасность убийства по просьбе потерпевшего ученые оценивали по-разному.

А.А. Пионтковский, Н.И. Загородников, М.К. Анианц и С.В. Бородин отрицательно относились к предложениям рассматривать убийство по просьбе потерпевше-

¹ Жижиленко А.А. Преступления против личности. М. – Л., 1927. С. 12.

² Курс советского уголовного права. В шести томах. Том V. М., 1971. С. 37; Сташис В.В., Бажанов М.И. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике. Харьков, 1987. С. 50.

го (убийство из сострадания) как привилегированный состав убийства¹. С.В. Бородин прямо писал, что нет оснований рассматривать такое убийство как совершенное при смягчающих обстоятельствах, и считал правильным, что уголовные кодексы РСФСР 1926 г. и 1960 г. не предусматривали соответствующего привилегированного состава². М.К. Анианц и С.В. Бородин, кроме того, отмечали, что убийство по просьбе потерпевшего редко встречается в судебной практике³.

М.Д. Шаргородский писал о меньшей общественной опасности убийства по просьбе потерпевшего по сравнению с обыкновенным убийством, но при этом не высказывался в пользу его привилегированной наказуемости, считая, что наказание может быть смягчено в рамках санкции статьи за убийство без отягчающих и смягчающих обстоятельств⁴. Сходной точки зрения придерживались П.С. Дагель и Л.Д. Гаухман⁵.

В числе советских ученых - сторонников выделения убийства по просьбе потерпевшего в привилегированный состав были Б. Змиев, А.А. Жижиленко и Б. Сарыев⁶.

В начале 90-х годов XX в. и при подготовке проекта УК РФ некоторые ученые высказывались за привилегизацию убийства по просьбе потерпевшего⁷. В одном из проектов УК РФ имелась статья под названием «Лишение жизни по волеизъявлению потерпевшего», текст которой гласил: «Лишение жизни из сострадания к потерпев-

¹ Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955. С. 519, 535; Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 39-42; Анианц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., 1964. С. 19-20.

² Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966. С. 122; Он же. Квалификация преступлений против жизни. М., 1977. С. 76. Впоследствии С.В. Бородин занял противоположную позицию (см. ниже).

³ Анианц М.К. Указ. соч. С. 124; Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. М., 1977. С. 76.

⁴ Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 206-212.

⁵ Дагель П. Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? // Советская юстиция, 1972, № 3. С. 26; Гаухман Л.Д. Уголовно-правовое значение «согласия потерпевшего» на причинение смерти или телесных повреждений // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. Выпуск 10. Киев, 1976. С. 100.

⁶ Змиев Б. Уголовное право. Часть Особенная. Выпуск I. Преступления против личности и имущественные. Казань, 1923. С. 14; Жижиленко А.А. Указ. соч. С. 12; Сарыев Б. Ответственность за преступления против жизни и здоровья / Под ред. Б.А. Куринова. Ашхабад, 1973. С. 81-82.

⁷ Бородин С., Глушков В. Убийство из сострадания // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 145; Они же. Уголовно-правовые проблемы эвтаназии // Советская юстиция. 1992. № 9-10. С. 34; Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 52; Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. СПб., 2008. С. 161 (автор – А.И. Коробеев).

шему в связи с его тяжелой неизлечимой болезнью и (или) непереносимыми физическими страданиями при условии его добровольного на то волеизъявления наказывается арестом на срок от четырех до шести месяцев или лишением свободы на срок до трех лет»¹.

Как видно, термин «убийство» в проекте статьи не употреблялся. В описании объективной стороны акцент сделан на лишении жизни, а не на причинении смерти, как в действующем УК РФ (ч. 1 ст. 105 УК РФ). В проекте статьи речь шла не просто о страданиях, а о непереносимых страданиях. Кроме того, необходимо, чтобы эти страдания были физическими; психические страдания во внимание не принимаются. Обязательны также волеизъявление потерпевшего и мотив сострадания.

Поскольку в тексте проекта статьи использован союз «или», по этой статье могло бы быть квалифицировано и лишение жизни в отсутствие тяжелой неизлечимой болезни, но при наличии непереносимых физических страданий потерпевшего (в качестве примера можно привести состояние абстиненции («ломки») у наркомана); с другой стороны, для квалификации лишения жизни тяжело и неизлечимо больного лица по данной статье не требовалось бы, чтобы больной испытывал непереносимые физические страдания.

Однако в итоге законодатель отказался от смягчения ответственности за убийство по просьбе потерпевшего, и в окончательный вариант УК РФ специальная статья не вошла.

Позиция законодателя получила неоднозначную оценку в науке уголовного права. В современной уголовно-правовой литературе по поводу рассматриваемого вида убийства высказываются различные точки зрения.

Некоторые авторы, выступая против легализации эвтаназии, не считают целесообразным и выделение убийства по просьбе потерпевшего в привилегированный

¹ *Игнатов А.Н.* Дискуссионные вопросы квалификации убийств // Общество и право. 2009. № 2. Электронный ресурс: доступ из СПС «Консультант Плюс».

состав¹. По мнению М.И. Ковалева, такой шаг опасен, ибо он повлечет за собой множество различных злоупотреблений, которые трудно предусмотреть заранее в законе².

Другие авторы являются сторонниками отнесения убийства по просьбе потерпевшего (убийства из сострадания) к привилегированным видам убийства³.

Ряд ученых высказываются даже в пользу легализации эвтаназии. Так, Ю.А. Дмитриев и Е.В. Шленева считают необходимым разработать юридическую процедуру «помощи в умирании», предусматривающую получение добровольного согласия больного, разрешение на осуществление эвтаназии только врачам и т. д. Тщательно разработанная процедура эвтаназии, по мысли авторов, позволит снизить возможность злоупотреблений. Если смерть тяжелобольному лицу по его просьбе причиняет родственник или знакомый, содеянное должно квалифицироваться как убийство, возможно, со смягчающими обстоятельствами⁴.

С.В. Тасаков выступает за декриминализацию эвтаназии и установление уголовной ответственности за нарушение условий ее проведения⁵.

А.Н. Воронин полагает, что убийство из сострадания «не должно признаваться преступлением, ибо лицо, осуществляющее эвтаназию по желанию неизлечимо больного человека, действует по его просьбе и в его интересах, не преследуя никакой корыстной или иной низменной цели»⁶.

¹ *Нуркаева Т.Н.* Указ. соч. С. 145-146; *Борзенков Г.Н.* Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. С. 156-159.

² *Ковалев М.И.* Право на жизнь и право на смерть // Государство и право, 1992, № 7. С. 72.

³ *Бородин С.В.* Преступления против жизни. СПб, 2003. С. 111; *Коробеев А.И.* Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012. С. 38; *Капинус О.С.* Эвтаназия в свете права на жизнь. М., 2006. С. 255-258; *Игнатов А.Н.* Указ. соч.

⁴ *Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В.* Право человека в РФ на осуществление эвтаназии // Государство и право. 2000. № 11. С. 52-59.

⁵ *Тасаков С.В.* Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах по уголовному праву России: дис. ... канд. юр. наук. Чебоксары, 2000. С. 148-152. *Он же.* Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство // Российская юстиция. 2003, № 2. С. 40-42.

⁶ *Воронин А.Н.* Уголовная ответственность за убийство из сострадания // Российский юридический журнал. 2000, № 4. С. 79.

Предпочтительным представляется мнение о целесообразности не легализации эвтаназии, а закрепления в УК РФ **привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего, совершенного по мотиву сострадания.**

По действующему УК РФ рассматриваемое убийство, как уже отмечалось, должно квалифицироваться как простое убийство (ч. 1 ст. 105), наказуемое лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового. При этом совершение преступления по мотиву сострадания признается лишь обстоятельством, смягчающим наказание (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Такой подход законодателя мы считаем необоснованным. Полагаем, что убийство по просьбе потерпевшего по степени общественной опасности не сопоставимо ни с простым, ни, тем более, квалифицированным видами убийства.

Принципиальное отличие убийства по просьбе потерпевшего от иных видов убийства (в том числе от любого предусмотренного в настоящее время привилегированного вида убийства) заключается в том, что оно не является насильственным преступлением. Практически любое другое убийство совершается против воли потерпевшего (или независимо от нее). В случае же убийства по просьбе потерпевшего воля самого «потерпевшего» направлена на уход из жизни, более того, он просит об этом исполнителя, что охватывается умыслом последнего.

В толковом словаре С.И. Ожегова дается три определения понятия «насилие»: 1) применение физической силы к кому-нибудь; 2) принудительное воздействие на кого-нибудь, нарушение личной неприкосновенности; 3) притеснение, беззаконие (книжное). А в качестве примера употребления слова «насильственный» приводится **«насильственная смерть (убийство)»** (выделено нами – Н. А.)¹.

¹ URL: <http://www.ozhegov.org/words/17641.shtml>

Автор монографии о физическом насилии в уголовном праве Р.Д. Шарапов определяет насилие как умышленное неправомерное причинение физического вреда другому человеку против или помимо его воли¹.

В случае лишения человека жизни по его просьбе нельзя говорить ни о причинении вреда против или помимо его воли, ни о принудительном воздействии.

В то же время по мнению А.Н. Конева, «активная эвтаназия, будь то ассистированный суицид или «убийство из милосердия», безусловно, приводят к насильственной смерти»². Оставляя в стороне ошибочность отнесения к эвтаназии самоубийства, пусть и при помощи другого лица, отметим, что эвтаназия не может рассматриваться как насильственная смерть, ибо она осуществляется с согласия и по просьбе больного и соответствует его воле уйти из жизни.

Л.Д. Гаухман, отмечая, что преступления против жизни всегда сопряжены с насилием, в то же время указывал, что убийство по просьбе потерпевшего является исключением ввиду отсутствия такого признака насилия, как совершение действия против воли потерпевшего. В этом случае последствие наступает не в результате применения насилия, понимаемого в уголовно-правовом смысле³.

Не разделяя позиции А.Н. Красикова, что запрет эвтаназии и признание ее уголовно-наказуемой «вряд ли согласуется со здравым смыслом и логикой», мы согласны с ним в том, что «законодатель не замечает явных различий между насильственным, совершенным против воли потерпевшего посягательством на право человека на жизнь и случаями его умерщвления по согласию (просьбе)»⁴.

¹ Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 291. См. также: Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. Электронный ресурс: доступ из СПС «Консультант Плюс»; Гаухман Л. Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. Электронный ресурс: доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Конев А.Н. Морально-правовые проблемы легализации эвтаназии. Н. Новгород, 2011. С. 46-47.

³ Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М, 1969. С. 65. Правда, в другой работе Л.Д. Гаухман писал, что причинение лицу смерти с его согласия следует считать насильственным преступлением, так как воля потерпевшего имеет границы, определяемые, в частности, интересами государства и общества. См.: Гаухман Л.Д. Уголовно-правовое значение «согласия потерпевшего» на причинение смерти или телесных повреждений // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. Выпуск 10. Киев, 1976. С. 100-101.

⁴ Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata и de lege ferenda. Саратов, 1999. С. 203.

Другое важнейшее отличие убийства по просьбе потерпевшего коренится в субъективной стороне деяния. В отличие от простого и квалифицированного видов убийства, совершаемых, как правило, по низменным, антиобщественным мотивам (корысть, ненависть и др.), убийство по просьбе потерпевшего совершается по мотиву сострадания, который отнесен законодателем к числу смягчающих наказание обстоятельств (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Гуманный, нравственный характер носит и цель рассматриваемого преступления – стремление прекратить страдания потерпевшего.

По справедливому замечанию Н.С. Таганцева, «нельзя поставить на одну доску с убийцей из корысти или мести солдата, заколовшего на поле битвы своего смертельно раненного товарища по его просьбе, чтобы избавить его от дальнейших мучений, доктора, прекратившего мучительную агонию умирающего, и т.п.»¹.

В связи с этим признание убийства по просьбе потерпевшего особо тяжким преступлением и его квалификация по ст. 105 УК РФ, по нашему мнению, нарушают принцип справедливости, согласно которому наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Полагаем, что принцип справедливости обращен не только к правоприменителю, но и к законодателю, и должен соблюдаться не только при индивидуализации наказания судом, но и при дифференциации уголовной ответственности в законе.

Рассмотрим типичный случай убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания, который может быть взят за основу при конструировании нового привилегированного состава.

Орехово-Зуевским городским судом Московской области по ч. 1 ст. 105 УК РФ осужден Корсаков. Виновный проживал вдвоем с потерпевшей, у которой имелось онкологическое заболевание с осложнениями, не поддающееся лечению. В течение нескольких месяцев потерпевшая не могла самостоятельно обслуживать себя,

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Том I. СПб., 1902. С. 497.

не вставала с постели, испытывала очень сильные боли, из-за чего дважды пыталась покончить жизнь самоубийством. Корсаков один ухаживал за ней. Обезболивающие лекарства, которые выписывали потерпевшей, не помогали. В последние дни жизни она не могла принимать пищу, могла говорить только шепотом. Потерпевшая говорила Корсакову о своем желании умереть, так как не в силах «терпеть такую боль», неоднократно просила его помочь ей уйти из жизни. После одной из таких просьб виновный из жалости к потерпевшей причинил ей смерть, сдавив шею простыней.

Многочисленные свидетели показали, что у Корсакова с потерпевшей были хорошие отношения, они проживали вдвоем, Корсаков очень любил потерпевшую и в одиночку ухаживал за ней¹. Потерпевшая была неизлечимо больна, испытывала сильные боли и говорила о своем желании умереть. Дважды пыталась покончить с собой, принимая таблетки и вскрывая себе вены. Перед одной из попыток самоубийства написала записку своему сыну, в которой писала, что больше не может терпеть такие страдания, и просила простить ее. Свидетель – участковый врач-терапевт – показал, что у потерпевшей имелось неизлечимое онкологическое заболевание с метастазами в кости, поэтому в последнее время она не могла ходить. При таком заболевании, пояснил свидетель, больной действительно испытывает сильные боли.

Подсудимый явился с повинной, полностью признал себя виновным.

Суд установил, что в момент преступления Корсаков находился в состоянии повышенного эмоционального напряжения, возникшего в связи с длительной психотравмирующей ситуацией, что привело к невозможности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Виновный ранее к административной и уголовной ответственности не привлекался, ни в чем предосудительном замечен не был, по месту работы и за время обучения в школе характеризовался исключительно положительно. Суд при-

¹ Персональные данные потерпевшей изъяты из опубликованного текста приговора, однако его внимательный анализ позволяет предположить, что потерпевшая приходилась виновному матерью.

знал обстоятельствами, смягчающими наказание Корсакова, явку с повинной, его чистосердечное раскаяние в содеянном и активное способствование раскрытию преступления, а также совершение преступления по мотиву сострадания.

С учетом обстоятельств дела суд применил ст. 64 и 73 УК РФ и назначил Корсакову наказание в виде лишения свободы сроком 4 года условно с испытательным сроком 3 года¹.

По другому делу Пролетарским районным судом Ростовской области за убийство своей супруги осужден Задорожный. Как указано в приговоре, виновный совершил преступление с внезапно возникшим умыслом, находясь в состоянии аффекта, вызванного «длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с тяжким онкологическим заболеванием супруги, а также ее систематическим аморальным поведением, выразившемся в неоднократном высказывании просьб о лишении ее жизни с целью избавления от имевшихся болей, вызванных указанным заболеванием».

Комплексная психолого-психиатрическая судебная экспертиза установила, что в связи с нахождением в момент преступления в состоянии физиологического аффекта подсудимый не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Индивидуально-психологические особенности личности Задорожного: толерантность, жалость, доброта, безотказность, ответственность, порядочность – способствовали подчинению воле супруге.

Подсудимый полностью признал себя виновным и заявил ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства.

Суд квалифицировал действия Задорожного по ч. 1 ст. 107 УК РФ, признал смягчающими обстоятельствами совершение преступления по мотиву сострадания, явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступле-

¹ URL: <https://rospravosudie.com/court-orexovo-zuevskij-gorodskoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-105361808/> (дата обращения – 11.03.2017).

ния (п.п. «д», «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и приговорил виновного к одному году ограничения свободы¹.

Как и дело Корсакова, это дело отчетливо иллюстрирует неэффективность существующей системы привилегированных составов убийства, в которой не нашлось места составу убийства по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания. И в деле Корсакова, и в деле Задорожного суд, по всей видимости, посчитал неоправданным назначение наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и вынужден был изыскивать возможности существенного смягчения ответственности, чтобы подправить несправедливость закона. В первом случае суд назначил наказание «ниже низшего предела», да еще условно, во втором – допустил, по нашему мнению, большую натяжку (признав аморальным поведением неоднократные просьбы тяжело больной о лишении ее жизни с целью избавления от невыносимых страданий²), чтобы «подогнать» содеянное под привилегированный состав убийства.

Приравнение убийства по просьбе потерпевшего к обычному убийству (ст. 105 УК РФ) является тем большей несуразностью, что закон не предусматривает уголовной ответственности за участие (помощь, содействие) в самоубийстве («ассистированное самоубийство»), которое в ряде случаев практически не отличается от убийства по просьбе потерпевшего. Критерием разграничения «ассистированного самоубийства» и убийства по просьбе потерпевшего должна служить объективная сторона деяния: если больной лишает себя жизни самостоятельно, хотя и при помощи другого лица, речь идет о самоубийстве, если же смерть ему причиняется непосредственно другим лицом, то имеет место убийство.

В уголовно-правовой доктрине Германии, где убийство по просьбе потерпевшего образует привилегированный состав убийства, а участие в самоубийстве не преступно, их разграничение выражается в формуле: «Ненаказуемое пособниче-

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/33839288> (дата обращения - 11.03.2017).

² Как справедливо указывается в литературе, для квалификации содеянного по ст. 107 УК РФ «степень выраженности ... аморального поведения должна обладать достаточным цинизмом и дерзостью, чтобы спровоцировать сильное душевное волнение виновного и вызвать у него решимость совершить преступление» (См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник/под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2016. С. 346 (автор – А.Ю. Захаров).

ство к суициду налицо, если последнее решение о поведении, ведущем к смерти, в руках самоубийцы»¹. Например, если виновный по настойчивому требованию неизлечимо больного лица, испытывающего невыносимые страдания, из сострадания вводит ему смертельную инъекцию, он совершает убийство. Если же он дает больному шприц, и больной самостоятельно производит инъекцию, имеет место суицид, при котором ответственность для ассистирующего лица не наступает вовсе. При этом зачастую вмешательство третьего лица обуславливается тем, что больной в силу беспомощного состояния просто не способен самостоятельно причинить себе смерть. Возникает парадоксальная, на наш взгляд, ситуация: в первом случае лицо совершает особо тяжкое преступление, во втором случае лицо вообще не понесет уголовной ответственности, поскольку его действия носили правомерный характер².

«Убийство другого, с его согласия, - считал Н.А. Неклюдов, - есть не что иное, как участие в самоубийстве», поэтому все соображения по поводу последнего сохраняют полную силу в отношении убийства с согласия³.

И.Я. Фойницкий приводит мнение авторитетного французского криминалиста Helie, который считал совершенно безразличным, «убивает ли человек себя собственной рукой или рукой другого». Не соглашаясь с этим мнением, И.Я. Фойницкий отмечал, что сближение убийства по согласию убитого с участием в самоубийстве «верно для убиваемого, но не для убивающего; объектом преступного лишения жизни является само благо жизни, а не субъективное право на жизнь»⁴. Н.С. Таганцев также полагал, что между учинением преступного деяния по согласию и участием в посягательстве на собственные блага есть только сходство, а не тождество. «Между лицом, доставшим для своего приятеля веревку или яд, и между человеком, пристрелившим или зарезавшим другого, хотя и по его о том просьбе, – писал уче-

¹ Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 371-372.

² Разумеется, мы не относим сюда участие в самоубийстве малолетнего или невменяемого, поскольку в этом случае содеянное образует убийство путем «посредственного причинения».

³ Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Том I. Преступления и проступки против личности. СПб, 1876. С 264.

⁴ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 12-13.

ный, – существует различие и объективное и субъективное, и теоретическое и практическое. Виновный по большей части является не только пособником, но главным деятелем, исполнителем»¹.

Действительно, убийство с согласия и участие в самоубийстве не тождественны друг другу. Однако, как представляется, не настолько, чтобы первое признавалось особо тяжким преступлением, а второе не являлось не только непроступным, но и неправомерным.

В ряде зарубежных стран (Австрия, Норвегия и др.) за убийство по просьбе потерпевшего и участие в самоубийстве в уголовном законе установлены одинаковые санкции. Так, § 77 УК Австрии 1974 г. выделяет убийство другого человека по его серьезной и настойчивой просьбе, а § 78 - подстрекательство к самоубийству и помощь в самоубийстве. За оба преступления предусмотрено лишение свободы на срок до пяти лет. Аналогичным образом решался вопрос и в отечественном дореволюционном законодательстве. Ст. 460 Уголовного уложения 1903 г. за убийство, учиненное по настоянию убитого и из сострадания к нему, предусматривала наказание в виде заключения в крепости на срок не свыше трех лет. В соответствии со ст. 462 Уложения, доставление средства к самоубийству, если вследствие этого самоубийство последовало, наказывалось заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет или заключением в крепости на срок не свыше трех лет. В УК Японии 1907 г. ответственность за убийство с согласия и участие в самоубийстве вообще предусмотрена одной и той же статьей. Согласно ст. 202 УК, тот, кто склонил человека к самоубийству, или оказал ему помощь в самоубийстве, или убил человека по его настойчивой просьбе либо с его согласия, наказывается лишением свободы с принудительным трудом или без такового на срок от шести месяцев до семи лет².

Думается, что сложности криминализации «ассистируемого самоубийства» связаны в первую очередь с тем, что суицид сам по себе не является преступным

¹ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 492.

² Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части / под ред. Н.Е. Крыловой. М., 2013. С. 986.

(более того, он вообще не является неправомерным). Следовательно, склонение к самоубийству, участие и помощь в самоубийстве также не могут считаться преступными. Впрочем, этот аргумент легко опровергается ссылкой на опыт целого ряда зарубежных стран, в которых предусмотрена уголовная ответственность за подстрекательство или помощь в самоубийстве (ст. 223-13, 223-14 УК Франции 1992 г., § 78 УК Австрии 1974 г., и т.д.), в то время как само самоубийство не образует преступления. В литературе высказано мнение, что установление уголовной ответственности за такие действия в принципе возможно, но как за преступления *sui generis*, вне связи с понятием убийства¹.

Но если вопрос о криминализации помощи (участия) в самоубийстве, а также склонения (подстрекательства) к самоубийству нуждается в дальнейшем обсуждении, то выделение убийства по просьбе потерпевшего в привилегированный состав представляется необходимой мерой, которая позволит восполнить существующий пробел в уголовном законе.

При конструировании нового привилегированного состава – убийства по просьбе потерпевшего, совершенного по мотиву сострадания², – следует исходить из того, что субъектом рассматриваемого преступления может быть как медицинский работник, так и иное лицо. В то же время в новой статье УК РФ (ст. 105¹) необходимо закрепить такие признаки, как неизлечимая болезнь потерпевшего и вызванные ею тяжелые физические страдания.

¹ Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. С. 24.

² Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что ни в одном из приведенных нами выше определений эвтаназии слово «убийство» не встречается. О.С. Капинус пишет об «умышленном причинении смерти», Н.Е. Крылова – о «действиях или бездействии, в результате которых наступает смерть» и т.д. В проекте УК РФ, который предусматривал ответственность за «лишение жизни по волеизъявлению потерпевшего», также не использовался термин «убийство». В УК Германии 1871 г. убийству по просьбе потерпевшего посвящен § 216 «Tötung auf Verlangen». Слово «Tötung», как уже отмечалось, на русский язык точнее всего переводить как «умерщвление», поскольку в контексте немецкого кодекса оно не несет такой отрицательной нагрузки, как «Mord» (тяжкое убийство - § 211) и «Totschlag» (простое убийство - § 212). Та же картина в уголовном законодательстве других немецкоязычных стран: в § 77 УК Австрии 1974 г., § 114 УК Швейцарии 1937 г., § 77 УК Лихтенштейна 1987 г. убийство по просьбе потерпевшего также именуется «Tötung auf Verlangen». По нашему убеждению, это свидетельствует о принципиально иной природе убийства по просьбе потерпевшего в сравнении с «обыкновенным» убийством (ст. 105 УК РФ).

Следовательно, для квалификации убийства по предлагаемой статье необходимо, чтобы убийство отвечало следующим условиям:

- 1) неизлечимость болезни потерпевшего;
- 2) причинение неизлечимой болезнью тяжелых физических страданий потерпевшему;
- 3) наличие настойчивой просьбы больного;
- 4) мотив сострадания;
- 5) специальная цель – избавление потерпевшего от тяжелых физических страданий.

При отсутствии хотя бы одного из этих условий статья 105¹ не должна будет применяться и содеянное необходимо будет квалифицировать по ч. 1 или 2 ст. 105 УК РФ «Убийство» в зависимости от обстоятельств уголовного дела. Так, под предлагаемую статью не может подпадать убийство неизлечимо больного, испытывающего тяжелые физические страдания человека по его просьбе, но с корыстной целью (например, за вознаграждение), или в том случае, когда болезнь не является неизлечимой, или убийство из сострадания, но при отсутствии просьбы больного (в частности, когда больной лишен возможности выразить свою волю). В перечисленных случаях, как представляется, суд может смягчать наказание с учетом статьи об убийстве по просьбе потерпевшего, используя предусмотренные законом возможности (например, назначение наказания «ниже низшего предела» – ст. 64 УК РФ).

Представляется, что для квалификации убийства по статье 105¹ недостаточно простого волеизъявления больного (как это предусматривалось в проекте УК РФ). Убийство должно быть совершено по его настойчивой просьбе. О «настойчивости» может свидетельствовать, в частности, неоднократное высказывание просьбы. Просьба должна быть выражена ясно и соответствовать действительной воле больного. Указание в предлагаемой статье на добровольность и ясность просьбы позволит избежать или минимизировать число злоупотреблений на практике. Если больной не в состоянии ясно выразить свою просьбу о причинении ему смерти, ответ-

ственность по предлагаемой статье наступать не может, даже если ранее больной говорил о своем желании уйти из жизни в случае неизлечимой болезни и тяжелых физических страданий. Просьба должна исходить непосредственно от больного.

Необходимо особенно подчеркнуть, что убийство должно быть обусловлено именно просьбой больного. Другими словами, убийство не было бы совершено, если бы не настойчивая, недвусмысленная просьба больного о лишении его жизни. Швейцарский криминалист Ж. Позо, характеризуя убийство другого человека по достойным уважения мотивам, в частности, из сострадания, по его серьезной и настойчивой просьбе (ст. 114 УК Швейцарии), пишет: «Это убийство является привилегированным случаем в силу того факта, что потерпевший желает умереть; деяние представляется, таким образом, менее тяжким, однако без того, чтобы быть оправданным. Своим поведением потерпевший подталкивает исполнителя к совершению убийства. Без его настоятельной просьбы обсуждаемое преступление, вероятно, не имело бы места»¹.

Разумеется, просьба должна быть высказана до начала действий (бездействия), направленных на причинение смерти. Если больной в процессе лишения его жизни «отозвал свое согласие», но избежать наступления смерти уже нельзя по объективным причинам, то это не должно, думается, влечь уголовную ответственность за насильственное причинение смерти (ст. 105 УК РФ).

«Слабым звеном» в системе признаков предлагаемого привилегированного состава убийства является мотив сострадания. Противники привилегизации убийства по просьбе потерпевшего указывают, что на практике доказать мотив сострадания и опровергнуть ссылку на него виновного непросто². Представляется, что мотив сострадания следует устанавливать исходя из совокупности всех обстоятельств дела: «статуса» виновного (родственник, друг, близкий, сосед и т.д.), его взаимоотношений с потерпевшим, поведения, предшествовавшего деянию, характера болезни,

¹ Цит. по: Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2006. С. 167.

² Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. С. 157.

длительности страданий больного, постпреступного поведения виновного и т.д. Отметим, что трудность доказывания мотива сострадания, тем не менее, не помешала законодателю включить в число смягчающих наказание обстоятельств совершение преступления по этому мотиву (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

К числу критериев привилегизации относится существование реальной возможности установления обстоятельства конкретного уголовного дела, соответствующего предусмотренному в законе привилегирующему признаку. В этой связи думается, что один лишь мотив преступления (тем более мотив сострадания) не может быть положен в основу привилегированной наказуемости. Иными словами, выделение в привилегированный состав «убийства, совершенного по мотиву сострадания» вряд ли обоснованно, поскольку при отсутствии каких-либо других обстоятельств установить мотив сострадания будет крайне сложно. Однако в нашем случае, при доказанности таких обстоятельств, как неизлечимая болезнь, тяжелые физические страдания, настойчивая просьба больного о лишении его жизни, установить мотив сострадания, по нашему убеждению, вполне возможно. Так, например, в приведенном выше деле Корсакова мотив сострадания нашел свое обоснование в приговоре. В этом деле многочисленные свидетели, среди которых друзья, соседи виновного и потерпевшей, участковый врач-терапевт, показали, что потерпевшая была неизлечимо больна, испытывала сильные боли. Было установлено, что потерпевшая просила помочь ей уйти из жизни, дважды пыталась покончить с собой. Виновный очень любил потерпевшую (свою мать), проявлял к ней заботу и в одиночку ухаживал за ней. Не пытался скрыть следы преступления и избежать ответственности, добровольно явился с повинной и полностью признал свою вину. При таких обстоятельствах установить мотив сострадания вполне реально.

В некоторых случаях обстоятельства дела заставляют усомниться в совершении убийства по мотиву сострадания. Так, Мирнинским районным судом Республики Саха (Якутия) за убийство осужден Чиглинец. Подсудимый проживал вместе с И., которую выгнал из дома муж. И. много выпивала, у нее болела печень, она с тру-

дом ходила, не хотела есть, несколько раз говорила, что не хочет жить. В день совершения преступления И. сказала виновному: «Убей меня, иначе я тебя замучаю». Чиглинцев сходил в магазин за водкой, выпил. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, как сказано в приговоре – «из сострадания», задушил потерпевшую при помощи бельевой веревки. С целью сокрытия убийства виновный топором отрубил руки трупа, завернул их в пакет и выбросил в мусорный бак, туда же выбросил документы потерпевшей. Затем решил вынести тело, но не смог поднять, решил отрубить ногу, но, разрубив мясо, не смог разрубить кость; выпил водки и лег спать. Проснулся от звонка в дверь. Пришла дочь потерпевшей, она прошла в комнату и увидела тело, он сказал ей: «Прости». После этого приехали сотрудники милиции. О содеянном виновный сожалеет, считает, что если бы был трезвый, то не совершил бы преступления¹.

В данном случае характер взаимоотношений между подсудимым и потерпевшей, существо просьбы потерпевшей, нахождение виновного в момент преступления в состоянии алкогольного опьянения, посткриминальное поведение виновного, направленное на тщательное сокрытие следов преступления, по нашему убеждению, не позволяют говорить о мотиве сострадания как доминирующем мотиве убийства.

По справедливому мнению О.С. Капинус, вряд ли можно признать убедительным довод Н.В. Крыленко, что «можно доказать факт настояния, но нельзя проверить наличие факта сострадания»².

В качестве другого довода против признания мотива сострадания привилегированным признаком убийства выдвигается то, что сострадание предполагает готовность разделить с другим человеком его страдания. «При убийстве же безнадежно больного, страдающего от невыносимой боли, – пишет Г.Н. Борзенков, – виновный

¹ URL: <https://rospravosudie.com/court-miminskij-rajonnyj-sud-respublika-saxa-yakutiya-s/act-105567863/> (дата обращения – 11.03.2017)

² Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление. М., 2006. С. 51.

не только не принимает на себя долю его страданий, но и нередко, наоборот, избавляет себя от переживаний, связанных с созерцанием мучений потерпевшего»¹.

При убийстве виновный действительно не сможет разделить с потерпевшим его невыносимые страдания. Но это не означает, что виновный не страдает вовсе и что убийство не приносит ему страданий, особенно если смерть больному причиняет его супруг или близкий родственник.

С.И. Ожегов определял «сострадание» как «жалость, сочувствие, вызываемые чьим-н. несчастьем, горем» и как пример словоупотребления приводил «сострадание к сиротам»². Вряд ли сострадание к сироте предполагает принятие на себя долю страданий сироты. В словарях синонимов в числе синонимов слова «сострадание» также приводятся «жалость» и «сочувствие».

И.И. Карпец писал, что преступление не может быть совершено из каких-то возвышенных мотивов. «Однако, - продолжал автор, - полностью исключать, если не возвышенные, то во всяком случае и не низменные побуждения, нельзя»³. Принимал ли виновный на себя долю страданий больного или нет – совершенно очевидно, что мотив сострадания резко контрастирует с мотивами большинства убийств, квалифицируемых по ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ (ненависть, месть, корысть, вражда и т.д.), несомненно, носящих антиобщественный характер. Поэтому даже если мотив сострадания и не может быть отнесен к «возвышенным», то он сам по себе совсем не свидетельствует о низости виновного в нравственном отношении, в отличие от, скажем, корыстного убийцы.

Объектом убийства по просьбе потерпевшего, совершенного по мотиву сострадания, является жизнь неизлечимо больного человека, испытывающего тяжелые физические страдания. Если смерть причиняется с целью избавить потерпевшего от психических (нравственных, душевных) страданий (например, длительной глубокой

¹ Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. С. 96.

² URL: <http://www.ozhegov.org/words/33840.shtml>.

³ Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 169.

депрессии), пусть даже вызванных неизлечимой болезнью, то статья 105¹ не должна будет применяться.

При совершении преступления медицинским работником дополнительным объектом выступают общественные отношения в сфере здравоохранения, поскольку в этом случае содеянное нарушает клятву врача (ст. 71 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), подрывает доверие к медицине, наносит ущерб авторитету медицинской профессии.

Объективная сторона деяния, согласно ст. 105¹, будет заключаться в действии или бездействии, повлекших наступление смерти неизлечимо больного. Именно по объективной стороне рассматриваемое преступление должно отграничиваться от ненаказуемых помощи или участия в самоубийстве. В последнем случае непосредственное причинение смерти осуществляет сам больной.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, о чем свидетельствует цель – избавление больного от тяжелых физических страданий. Виновный осознает, что своими действиями (бездействием) причиняет потерпевшему смерть, предвидит возможность или неизбежность наступления смерти и желает ее наступления, а вместе с ней – и прекращения тяжелых физических страданий больного. Обязательным является и мотив сострадания. При отсутствии названных мотива и цели квалификация убийства по предлагаемой статье исключается.

Субъектом убийства по просьбе потерпевшего, может быть, как и в других привилегированных видах убийства, лицо, достигшее 16 лет. Субъект преступления – общий. Им может быть как медицинский работник, так и иное лицо (супруг, родственник, друг больного и т.д.).

Попытки предложить проект статьи, предусматривающей привилегированную ответственность за рассматриваемый вид убийства, предпринимались в научной литературе¹. Так, О.С. Капинус предлагает следующую редакцию:

¹ См., напр.: *Бородин С., Глушков В. Убийство из сострадания // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 145.*

«Статья 105¹. Эвтаназия

1. Убийство неизлечимо больного по его просьбе, осуществленное медицинским работником по мотиву сострадания с целью избавления больного от мучительных физических страданий, вызванных его неизлечимой болезнью (эвтаназия), –

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового или лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового.

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, осуществленное иным лицом, –

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на срок от трех до семи лет»¹.

Проектируемая статья, хотя и обладает рядом достоинств, не может в полной мере устроить нас.

Во-первых, не вполне понятно, по какой причине эвтаназию, осуществленную не специальным субъектом (медицинским работником), а иным лицом, предлагается считать более общественно опасной и наказывать строже. При таком подходе любящие супруг или близкий родственник больного оказываются в менее привилегированном положении, чем врач, фельдшер или медсестра. Действия (бездействие) медицинского работника по осуществлению эвтаназии являются клятвopреступлением и, по нашему мнению, посягают не только на жизнь больного, но и на общественные отношения в сфере здравоохранения.

Во-вторых, представляется спорным отнесение эвтаназии, совершенной общим субъектом, к категории тяжких преступлений.

¹ *Капинус О.С.* Эвтаназия как социально-правовое явление. М., 2006. С. 271. Ср. проект статьи, предложенный автором в более ранней работе: *Капинус О.С.* Эвтаназия в свете права на жизнь. М., 2006. С. 257.

В-третьих, как уже было отмечено, с терминологической точки зрения неправильно именовать эвтаназией убийство, совершенное не медицинским работником.

На основании изложенного можно предложить следующую редакцию статьи об убийстве по просьбе потерпевшего.

«Статья 105¹. Убийство по просьбе потерпевшего

Убийство заведомо неизлечимо больного лица по его добровольно и ясно выраженной настойчивой просьбе с целью избавления данного лица от вызванных неизлечимой болезнью тяжелых физических страданий, совершенное по мотиву сострадания, - наказывается...».

Данный вид убийства следует отнести к категории преступлений средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ) с максимальной санкцией в виде пяти лет лишения свободы, что, на наш взгляд, адекватно отражает значительную разницу в степени общественной опасности между рассматриваемым видом убийства и простым убийством, являющуюся главным критерием привилегизации убийства.

Теперь, после того, как нами спроектирован новый привилегированный состав и сконструированы его криминообразующие признаки, следует сказать о соответствии убийства по просьбе потерпевшего и другим критериям привилегизации. Так, очевидно, что привилегирующие обстоятельства данного вида убийства отражают общественную опасность самого деяния (хотя, безусловно, во многом характеризуют и личность преступника) и имели место до окончания преступления. Убийство по просьбе потерпевшего совершается намного реже, чем простое убийство, но при этом не носит исключительного характера. Сообщения о таких убийствах довольно часто можно встретить в средствах массовой информации¹. В то же время отсутствие в настоящее время отдельной статьи об убийстве по просьбе потерпевшего сильно затрудняет поиск дел об этом преступлении в справочных правовых системах. Привилегирующие обстоятельства убийства по просьбе потерпевшего могут быть сфор-

¹ См., напр.: В Новомосковске пенсионерка из жалости убила своего мужа. URL: <http://incidents.com.ua/dnepropetrovsk/4002.html> (дата обращения – 16.03.2017).

мулированы в абстрактной форме и могут быть установлены в рамках уголовных дел (включая, как было нами обосновано выше, и мотив сострадания). Привилегизация убийства по просьбе потерпевшего вполне соответствует отечественному и зарубежному законодательному опыту, а также, думается, отношению общественного мнения к ослаблению ответственности за данный вид убийства (особенно учитывая ведущиеся дискуссии о легализации эвтаназии).

До тех пор пока убийство по просьбе потерпевшего не выделено в привилегированный состав, при осуждении за данное преступление (по ст. 105 УК РФ) суду следует широко использовать предусмотренные Кодексом возможности индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Мы имеем в виду учет совершения преступления по мотиву сострадания как смягчающего обстоятельства (п. «д» ч. 2 ст. 61), назначение наказания «ниже низшего предела» (ст. 64), изменение категории преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15), назначение наказания условно (ст. 73), признание содеянного малозначительным деянием (ч. 2 ст. 14). Так, суд может назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за простое убийство (ст. 64): при совершении убийства по мотиву сострадания с целью избавления больного от тяжелых физических страданий налицо исключительные обстоятельства, связанные с целью и мотивами преступления; неизлечимая болезнь, тяжелые физические страдания больного и его просьба о причинении смерти существенно уменьшают степень общественной опасности убийства. Суд может назначить условное осуждение, принимая во внимание характер и степень общественной опасности рассматриваемого преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства (ч. 2 ст. 73).

Условное наказание может назначаться как в случае применения ст. 64 УК РФ (как в деле Корсакова), так и при назначении наказания в рамках санкции ст. 105 УК РФ (в силу ч. 1 ст. 73 УК РФ условным может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет, а нижняя граница санкции за простое убийство – 6 лет).

При осуждении за убийство по просьбе потерпевшего теоретически возможно применение нормы о малозначительном деянии (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Закон не ограничивает применение этого положения какими-либо категориями преступлений, следовательно, ч. 2 ст. 14 распространяется и на особо тяжкие преступления¹.

Зададимся вопросом: целесообразно ли предусматривать в законе специальный привилегированный состав – убийство по просьбе потерпевшего, – если в распоряжении суда и по действующему закону имеется довольно солидный арсенал возможностей существенного смягчения ответственности за данное преступление?

Считаем, что на поставленный вопрос следует ответить утвердительно. Признание мотива сострадания смягчающим обстоятельством не изменяет отношения законодателя к убийству по просьбе потерпевшего как особо тяжкому преступлению. При учете данного смягчающего обстоятельства наказание будет назначаться в пределах, предусмотренных ст. 105 УК РФ (минимальное наказание – 6 лет лишения свободы), что, как представляется, не позволяет в полной мере учесть явную несопоставимость убийства по просьбе потерпевшего и «обыкновенного» убийства по степени общественной опасности.

¹ Утверждение Н.Ф. Кузнецовой, что как малозначительные могут быть квалифицированы только деяния, содержащие признаки преступлений небольшой тяжести (См.: *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений. М, 2007. С. 198, 206), не основано на законе и опровергается судебной практикой. Так, Евграфову было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 222 УК РФ (преступление средней тяжести). В судебном заседании было установлено, что Евграфов нашел на пляже пачку с 16-тью военными патронами – боеприпасами – и хранил их у себя в квартире в комодe с целью дальнейшей передачи в правоохранительные органы. Судебная коллегия по уголовным делам Хабаровского краевого суда согласилась с судом первой инстанции, вынесшим Евграфову оправдательный приговор в связи с малозначительностью деяния (URL: <http://www.gcourts.ru/case/1752276>, дата обращения - 11.03.2017). В другом деле по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (тяжкое преступление) осужден Б., который незаконно проник в дом К., откуда похитил 3 литра браги стоимостью 21 рубль 75 копеек. Судебная коллегия по уголовным делам Иркутского областного суда приговор в отношении Б. отменила, производство по уголовному делу прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ – за отсутствием в его действиях состава преступления, поскольку деяние Б. не представляло общественной опасности в силу его малозначительности (См. Справку Иркутского областного суда о результатах обобщения судебной практики применения положений части 2 статьи 14 УПК РФ (малозначительность деяния). URL: http://obsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431, дата обращения – 11.03.2017).

Что касается ч. 6 ст. 15, ст. 64, ст. 73 УК РФ, то применение этих норм является правом, но не обязанностью суда и потому во многом зависит от судейского усмотрения. Кроме того, изменить категорию преступления на менее тяжкую суд может, во-первых, не более чем на одну (следовательно, суд не может признать убийство по просьбе потерпевшего преступлением средней тяжести), во-вторых, только при отсутствии отягчающих обстоятельств.

Признание малозначительным деяния, формально содержащего состав **особо тяжкого преступления**, хотя и не запрещено законом (ч. 2 ст. 14 УК РФ, повторимся, соответствующих ограничений не содержит), выглядит довольно неестественно и потому, вероятно, будет стеснять суд. Сказанное относится и к возможности назначения за совершение **особо тяжкого преступления** условного наказания. Поэтому вряд ли суд будет охотно применять ч. 2 ст. 14 и ст. 73 УК РФ при осуждении виновного по ст. 105 УК РФ.

Закрепление в УК РФ привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего расширит возможности освобождения лица, совершившего данное преступление, от уголовной ответственности и наказания или, по крайней мере, реального лишения свободы.

Поскольку новый состав отнесен нами к преступлениям средней тяжести, в случае совершения убийства по просьбе потерпевшего станет возможным применение ст. 75 и 80.1 УК РФ. При квалификации же деяния по ст. 105 УК РФ виновный не может быть освобожден от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или от наказания в связи с изменением обстановки, ибо ст. 75, 80.1 УК РФ не распространяются на особо тяжкие преступления.

При квалификации содеянного как убийства по просьбе потерпевшего, как представляется, довольно часто будет вставать вопрос о полном освобождении от наказания. Дело в том, что устанавливая за убийство по просьбе потерпевшего, в том числе эвтаназия, уголовную ответственность, законодатель руководствуется не только тяжестью и общественной опасностью содеянного, но и иными соображени-

ями. К ним относятся опасения по поводу того, что легализация такого убийства будет тормозить развитие медицинской науки, приведет к недопустимому нажиму на некоторых неизлечимо больных, признанных бременем для общества, опасения злоупотреблений со стороны медицинских работников или иных лиц и т.д. Эти соображения справедливы. Между тем они отнюдь не исключают, что в каком-либо конкретном случае убийства по просьбе потерпевшего ни само деяние, ни виновный не представляют общественной опасности, когда даже привилегированное наказание может быть несправедливым.

В качестве примера можно привести широко известный случай, произошедший в Литве с Шарунасом Славинскене - 18-летним юношей из Вильнюса. Желая напугать свою любимую девушку, не отвечавшую ему взаимностью, Шарунас плеснул на себя горячей жидкостью и стал угрожать поджечь себя зажигалкой. Когда девушка с вызовом сказала: «Поджигай!», юноша чиркнул о кремень, никак не ожидая, что искра все-таки достанет до одежды. Пламя, подхваченное ветром, охватило его голову, руки и т.д. Шарунаса удалось спасти. Лицо было обезображено настолько, что в нем трудно было угадать человеческие черты. Сгорели веки, нос, губы, уши. На месте волос была незаживающая рана, сквозь которую были видны оголившиеся кости черепа. Постепенно пришлось ампутировать руки. Шарунас испытывал страшные боли. Болеутоляющие наркотики не помогали. Шарунас не мог шевелиться, так как это причиняло ему невыносимую боль. Перевязывать его можно было только под наркозом. Юноше было сделано семь операций, но ему с каждым днем становилось все хуже. За Шарунасом ухаживала мать, Живиле Славинскене, сама врач по специальности. Юноша молил ее о смерти. Спустя семь месяцев после трагедии мать не устояла перед мольбами и вколола сыну большую дозу страфантина. Сердце мгновенно остановилось, и Шарунас умер легко. После этого мать пыталась покончить с собой, но ее спасли. Живиле Славинскене была привлечена к уголовной ответственности за умышленное убийство. Однако судебно-психиатрическая экспер-

тиза показала, что она находилась в момент совершения убийства в тяжелейшем, болезненном психическом состоянии, и дело было прекращено судом¹.

Как и причинение смерти Корсаковым своей матери или Задорожним своей супруге, это типичный пример деяния, являющегося особо тяжким преступлением с формально-юридической точки зрения, но заслуживающего снисхождения или даже оправдания с позиций морали. «Где те уста, - красноречиво вопрошал Н.А. Неклюдов, - которые решились бы сказать «виновен», где та рука, которая добровольно решилась бы подписать смерть или каторгу, где тот исполнитель закона, который бы без внутреннего содрогания, без боли в сердце, исполнил бы смертный приговор над тем, кто, может быть, сам с мучительной болью решился прекратить, вследствие мольбы, страдальческие минуты смертельно раненного товарища; кто, став лицом к лицу с своею совестью, позволит себе клеймить именем злодеев двух лиц взаимно убивающих друг друга в состоянии голода или безысходного житейского горя»². Неслучайно УК Польши, где «убийство человека по его просьбе и под влиянием сострадания к нему» выделено в привилегированный состав, предусматривает, что в исключительных случаях суд может отказаться от назначения наказания за названное преступление.

Освобождение в отдельных случаях лица, виновного в убийстве по просьбе потерпевшего, от уголовной ответственности и наказания является оправданным. Вместе с тем нельзя согласиться со сторонниками отмены уголовной ответственности за эвтаназию (тем более, если считать субъектом эвтаназии не только медицинского работника, но и любое другое лицо). Аргументы против легализации эвтаназии давно высказаны, и большинство из них представляются справедливыми³. Кроме того, печальный опыт декриминализации убийства по настоянию потерпевшего из чувства сострадания уже имеется в истории отечественного уголовного законода-

¹ Яд для сына//Аргументы и факты. 24 фев. 1999. № 8.

² Неклюдов Н.А. Указ. соч. С. 264.

³ См., напр.: Ковалев М.И. Указ. соч. С. 71-72.

тельства: пресловутое примечание к ст. 143 УК РСФСР 1922 г., как уже отмечалось, было признано утратившим силу, просуществовав менее полугода.

Таким образом, привилегизация убийства по просьбе потерпевшего позволит избежать двух обозначенных выше крайностей. С одной стороны, это квалификация такого убийства по ст. 105 УК и, как следствие, его фактическое приравнение к убийству из низменных побуждений, определяемое отрицательным отношением к выделению убийства по просьбе потерпевшего в привилегированный состав. С другой стороны, это полное исключение уголовной ответственности за эвтаназию и убийство по просьбе потерпевшего, их декриминализация.

В случае реализации наших предложений по привилегизации убийства по просьбе потерпевшего и депривилегизации детоубийства система привилегированных составов убийства в УК РФ будет включать:

- убийство, совершенное в состоянии аффекта;
- убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны;
- убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление;
- убийство по просьбе потерпевшего.

Дальнейшее расширение системы привилегированных составов убийства представляется нецелесообразным.

Однако в научной литературе высказываются предложения о введении новых, довольно экзотических привилегированных составов убийства.

Так, Е.Б. Кургузкина предлагает предусмотреть в УК РФ привилегированную наказуемость «эвтаназии новорожденных», то есть «убийства безнадежно больного новорожденного, совершенного его родителями или близкими родственниками из чувства сострадания»¹.

Похожий привилегированный вид убийства – убийство новорожденного ребенка чудовищного вида, или убийство новорожденного уроды, – известен истории

¹ Кургузкина Е.Б. Указ. соч. С. 31.

отечественного уголовного права, а также уголовному праву зарубежных стран. Это преступление было предусмотрено Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Из современных уголовных законодательств убийство новорожденного ребенка чудовищного вида сохранилось в УК Болгарии 1968 г. (ст. 121). Под уродством в данном случае понимается отклонение от нормального строения человеческого тела. При конструировании такой особой нормы имелось в виду потрясение, чувство отчаяния, граничащее с аффектом, в которое впадают родители. Именно родители (мать и отец) могут быть субъектами данного вида детоубийства. При этом главное внимание обращается не на физиологическое значение ненормальностей строения тела, а на их внешний вид¹. Максимальное наказание за это убийство – 1 год лишения свободы. Болгарские криминалисты еще в социалистический период болгарской истории отмечали, что ст. 121 УК не имеет практического значения².

В настоящее время отношение к выделению убийства новорожденного ребенка чудовищного вида в привилегированный состав может быть только отрицательным. Представляется верной точка зрения, согласно которой убийство новорожденного уродка необходимо квалифицировать как убийство на общих основаниях, а обстоятельства преступления (мотив невежества или суеверия, совершение преступления от отчаяния в состоянии аффекта, неизлечимая болезнь новорожденного и т.д.) учитывать при назначении наказания на основе положений Общей части УК³.

С.В. Тасаков считает целесообразным закрепить в главе 16 УК РФ новый привилегированный состав – убийство, совершенное при превышении пределов крайней необходимости⁴. Автор предлагает проект соответствующей статьи:

«Статья 108¹. Убийство, совершенное при превышении пределов крайней необходимости

¹ Гельфер М.А. Уголовное право зарубежных социалистических стран. Часть особенная. М., 1978. С. 54.

² Глухарева Л.И. Указ. соч. С. 16.

³ Гродзинский М.М. Указ. соч. С. 1; Жижиленко А.А. Указ. соч. С. 8.

⁴ Тасаков С.В. Указ. соч. С. 12, 145-148.

Убийство, совершенное при превышении пределов крайней необходимости, - наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет».

Отсутствие в УК РФ подобной статьи С.В. Тасаков считает пробелом в законе. Свою позицию ученый обосновывает тем, что крайняя необходимость, как и необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, при определенных в законе условиях относится к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Кроме того, в п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ совершение преступления при нарушении условий правомерности крайней необходимости признается обстоятельством, смягчающим наказание. Поэтому, по мысли С.В. Тасакова, при превышении пределов крайней необходимости наказание лица, допустившего это, должно преследовать те же цели, что и при наказании лиц, превысивших пределы необходимой обороны, либо меры, необходимые для задержания лица, совершившего преступление.

Необходимо признать, что в предложении С.В. Тасакова есть определенная логика. Как и в случае с необходимой обороной (ст. 37) и причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38), закон говорит о **превышении** пределов крайней необходимости (ч. 2 ст. 39). В то же время в Особенной части специальная ответственность установлена только за превышение пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114) и превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 114), а ответственность за превышение пределов крайней необходимости наступает на общих основаниях.

И все же согласиться с предложением С.В. Тасакова не представляется возможным.

Ссылаясь на В.Н. Козака, С.В. Тасаков пишет, что «преступление, совершенное при превышении пределов крайней необходимости, можно назвать «полупреступлением», которое, с одной стороны, граничит с правомерным причинением вреда в состоянии крайней необходимости, а с другой, – с умышленным преступлени-

ем»¹. Такой подход необходимо признать ошибочным. Согласно логическому закону исключения третьего, одно и то же явление может быть либо А, либо не А. Деяние не может одновременно быть и правомерным, и неправомерным. Либо деяние запрещено уголовным законом и относится к преступным, либо оно не образует преступления. Причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, совершенное при превышении пределов крайней необходимости, является преступлением. Понятие «полупреступление» не известно действующему уголовному законодательству, и его использование (пусть даже не в строго юридическом значении) представляется весьма неудачным.

Преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, по нашему убеждению, представляют значительно меньшую общественную опасность, чем убийство при превышении пределов крайней необходимости. Их привилегированный характер обусловлен противоправным или аморальным поведением потерпевшего. В первом случае потерпевший совершает общественно опасное посягательство на охраняемые уголовным законом интересы, во втором случае речь идет о задержании лица, совершившего преступление.

Видимо, неслучайно С.В. Тасаков в проекте новой статьи УК РФ отнес убийство при превышении пределов крайней необходимости к категории тяжких преступлений. Но при такой оценке степени общественной опасности данного преступления справедливое и соразмерное наказание может быть назначено и при его квалификации по ч. 1 ст. 105 (нижняя граница санкции которой составляет 6 лет лишения свободы). Ответственность за рассматриваемое убийство может быть смягчена на основе положений Общей части УК РФ (ст. 60, п. «ж» ч. 1 ст. 61, ст. 64 УК). Так, убийство при превышении пределов крайней необходимости, с нашей точки зрения, может влечь наказание «ниже низшего предела». Надо сказать, что ст. 64 УК РФ сформулирована достаточно общо и не содержит перечня конкретных оснований назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. В

¹ Там же. С. 147.

тех зарубежных уголовных кодексах, где такой перечень предусмотрен, в числе этих оснований встречается и превышение пределов крайней необходимости (напр., п. «а» ст. 56 Общегражданского уголовного кодекса Норвегии).

Как уже отмечалось, обстоятельство, претендующее на включение в число квалифицирующих или привилегирующих признаков, должно быть относительно распространенным, то есть не должно носить единичного характера; закреплять в законе в качестве признака состава преступления единичные обстоятельства, даже если они существенно влияют на общественную опасность содеянного, не имеет смысла. Дела об убийствах, предусмотренных ст. 108 УК РФ, встречаются значительно чаще, чем убийство при превышении пределов крайней необходимости.

Так, в 2014 г. за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108), осуждено 389 лиц, в 2015 – 340. По убийству, совершенному при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, которое менее распространено, аналогичные показатели составили соответственно 2 и 5 осужденных¹. Убийство же при превышении пределов крайней необходимости на практике встречается исключительно редко. Показательно, что С.В. Тасаков не привел из судебной практики ни одного случая такого убийства². Поэтому в тех чрезвычайно редких случаях, когда убийство совершается при превышении пределов крайней необходимости, содеянное должно быть квалифицировано по ст. 105 УК РФ, а наказание может быть смягчено на основании норм Общей части УК РФ (в том числе, ст. 64).

¹ Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

² Правда, ссылаясь на с. 243 работы М.Д. Шаргородского «Преступления против жизни и здоровья» (М., 1947), С.В. Тасаков отмечает, что за совершение умышленного убийства без отягчающих обстоятельств был осужден альпинист, который с согласия другого альпиниста перерубил трос, чтобы спасти свою жизнь, и тем самым предотвратил наступление смерти обоим. В действительности на упомянутой странице у М.Д. Шаргородского нет информации о том, что это преступление известно судебной практике и что кто-то был за него осужден; этот случай, скорее всего, придуман М.Д. Шаргородским: «... Ненаказуем должен быть командир спасательной лодки, не допускающий в нее тонущих в море, так как лодка уже перегружена и пойдет ко дну, если в нее еще будут садиться. Ненаказуем, как мы полагаем, и альпинист, обрубающий веревку, к которой привязан его товарищ, сорвавшийся с горы и тянущий его за собой в бездну, когда он не может того удержать и имеется дилемма – или погибнуть обоим, или спастись ему одному...».

Нелишне отметить, что состав убийства, совершенного при превышении пределов крайней необходимости, неизвестен ни уголовному законодательству зарубежных стран, ни истории отечественного уголовного законодательства.

По тем же соображениям нельзя согласиться и с Е.О. Маляевой, которая идет дальше, чем С.В. Тасаков, предлагая предусмотреть привилегированную ответственность не только за убийство при превышении пределов крайней необходимости, но и за убийство «при превышении пределов обоснованного риска»¹. Отмечая, что причинение смерти возможно при нарушении условий правомерности любого из обстоятельств, исключающих преступность деяния, Е.О. Маляева считает непоследовательной позицию законодателя, «рассматривающего смягчающими обстоятельствами убийства лишь превышение пределов необходимой обороны и превышение мер по задержанию лица, совершившего преступление»².

Сказанное выше по поводу привилегизации убийства при превышении пределов крайней необходимости применимо и к убийству «при превышении пределов обоснованного риска» (очень малая распространенность подобного преступления, возможность назначения справедливого наказания и при его квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ и т.д.). Добавим, что ст. 41, в отличие от ст. 37, 38, 39 УК РФ, ничего не говорит о **превышении пределов** обоснованного риска. Полагаем, что в случае убийства при «превышении пределов обоснованного риска» риск просто не признается обоснованным (в частности, в случае, когда он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей), и ответственность должна наступать на общих основаниях.

Мы полностью разделяем мнение Г.Н. Борзенкова о нецелесообразности дальнейшего расширения круга привилегированных видов убийства, поскольку это при-

¹ *Маляева Е.О.* К вопросу об увеличении привилегированных видов убийства. // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. М., 2003. С. 329-332.

² Там же. С. 330.

вело бы к противоречию с основополагающей концепцией уголовного законодательства, признающего жизнь человека высшей социальной ценностью¹.

Привилегированный состав убийства, по сути, есть не что иное, как исключение из общего правила, которое заключается в том, что убийство является одним из наиболее тяжких преступлений. Неоправданно большое число таких исключений способно подорвать конституционный принцип неприкосновенности человеческой жизни (ст. 20 Конституции РФ). В настоящее время в России смертная казнь не применяется даже в отношении самых опасных преступников.

М.Н. Гернет в начале прошлого века отмечал, что «действующие уложения слишком склонны к установлению понятий квалифицированных и привилегированных преступлений, но такое разнесение преступных деяний на непременно более тяжко наказуемые и менее строго наказуемые справедливо вызывает в настоящее время возражения». «Дальнейшее развитие уголовных законодательств, - писал ученый, - должно будет идти в сторону возможного исключения из них понятия квалифицированных и привилегированных преступлений»².

Нас могут упрекнуть в нелогичности и непоследовательности: обосновывая нецелесообразность увеличения числа привилегированных видов убийства, мы, тем не менее, выступаем за привилегизацию убийства по просьбе потерпевшего, которое по действующему российскому уголовному законодательству, напротив, к привилегированным составам не относится. Однако убийство по просьбе потерпевшего резко выделяется среди всех убийств, принципиально отличаясь даже от всех привилегированных его видов, – прежде всего тем, что не является насильственным причинением смерти и совершается по «социальному» мотиву сострадания. Кроме того, в случае реализации наших предложений о признании ст. 106 УК РФ утратившей силу и о выделении убийства по просьбе потерпевшего в привилегированный состав общее число привилегированных составов убийства останется прежним.

¹ Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. С. 94.

² Гернет М.Н. Указ. соч. С. 277.

Заключение

В диссертации предпринята попытка дать научную оценку обоснованности предусмотренной УК РФ системы привилегированных составов убийства.

Основное внимание в диссертации уделяется убийству матерью новорожденного ребенка (детоубийства) (ст. 106), которое целесообразно исключить из УК РФ, и убийству по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания, которое законодатель не включил в число привилегированных составов.

Закрепление законодателем в качестве привилегированных составов убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 107), убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108), и убийства, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108), в целом представляется обоснованным. В то же время целесообразно, сохранив указанные составы в УК РФ, повысить их наказуемость с целью выведения привилегированных составов убийства из-под категории преступлений небольшой тяжести. Реализация этой меры позволит, помимо прочего, отказаться от выделения в ч. 2 ст. 107 УК РФ «квалифицированного привилегированного состава» и тем самым избежать неоправданного усложнения системы привилегированных составов убийства.

Анализ положений УК РФ, отечественного уголовного законодательства дореволюционного и советского периодов, уголовного законодательства зарубежных стран, отечественной уголовно-правовой доктрины и обширного эмпирического материала привел нас к выводу о необоснованности отнесения законодателем в УК РФ убийства матерью новорожденного ребенка (детоубийства) к числу привилегированных составов убийства.

Изначально в основу привилегированной ответственности за детоубийство были положены два фактора:

1) мотив стыда, «страха общественного осуждения», толкавший женщину на убийство своего внебрачного новорожденного ребенка в условиях, когда рождение ребенка вне брака считалось грехом и осуждалось;

2) вызванное родами тяжелое, труднопереносимое психофизическое состояние, в котором пребывает женщина в момент убийства.

В настоящее время первый из названных факторов во многом утратил свое привилегированное значение. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что почти во всех государствах, сохранивших состав детоубийства, оно признается привилегированным, даже если совершено в отношении ребенка, рожденного в браке. В большинстве случаев основанием смягчения ответственности служит ненормальное психофизическое состояние матери, вызванное родами, на что указывается в законе.

В то же время в последние десятилетия в зарубежном уголовном законодательстве прослеживаются тенденции отказа от взгляда на детоубийство как привилегированный вид убийства и ужесточения ответственности за рассматриваемое преступление. Показателен в этом отношении опыт Франции и Германии, где законодатель исключил детоубийство из числа привилегированных преступлений (а во Франции, к тому же, перевел его в разряд квалифицированных убийств).

В ст. 106 УК РФ законодатель закрепил три разновидности детоубийства: 1) убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов; 2) убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации; 3) убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

В основе оценки законодателем первой разновидности как привилегированного убийства лежит особое труднопереносимое психофизическое состояние, в котором, как считается, пребывает женщина в момент убийства новорожденного ребенка. Однако проведенный нами анализ 120 уголовных дел о детоубийстве показал, что большинство детоубийств совершается предумышленно и планируется до родов.

Так, менее чем в 3 % случаев содеянное было совершено под влиянием указанного послеродового состояния.

Если психофизическое состояние женщины лишало ее возможности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, то речь (при наличии психического расстройства) уже должна идти о третьей разновидности детоубийства – совершенного в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Судебная практика свидетельствует, что убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов квалифицируется по ст. 106 УК РФ независимо от момента возникновения умысла на убийство и психофизического состояния роженицы.

Несправедливость смягчения ответственности за первую разновидность детоубийства (то есть практически любое убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, в том числе заранее спланированное и совершенное цинично и хладнокровно) осознается большинством криминалистов. В качестве варианта решения проблемы многие из них предлагают исключить эту разновидность из ст. 106 УК РФ, сохранив в этой статье в качестве привилегирующих факторов наличие психотравмирующей ситуации и (или) «уменьшенной вменяемости» матери (С.Ф. Милюков, А.Н. Попов, С.В. Бородин, А.Л. Карасова, Е.И. Грубова и др.).

Однако следует, как представляется, пойти еще дальше и исключить из числа привилегированных преступлений вторую и третью разновидности детоубийства.

В судебной практике «психотравмирующей ситуацией», как правило, признаются тяжелые жизненные обстоятельства (отсутствие денежных средств на содержание ребенка, невозможность обеспечения его полноценного воспитания, расставание с отцом ребенка, конфликтные отношения с ним и т.д.). Но совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств предусмотрено законом в качестве смягчающего наказание обстоятельства (п. «д» ч. 1 ст. 61) и может быть

учтено судом по делам о детоубийстве и при его квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Применительно к третьей разновидности детоубийства законодатель имеет в виду психическое расстройство, в силу которого мать-убийца во время совершения преступления не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ст. 22 УК РФ). Поэтому убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, также должно квалифицироваться на общих основаниях (п. «в» ч. 2 ст. 105), а указанное психическое состояние должно учитываться при назначении наказания в соответствии с ч. 2 ст. 22 (в том числе посредством применения ст. 64 «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление»).

Признание психотравмирующей ситуации и психического расстройства матери, не исключающего вменяемости, привилегирующими факторами только в случае детоубийства следует признать необоснованным и потому, что при наличии этих факторов совершаются и другие преступления, в том числе убийства, что, однако, не превращает их в привилегированные.

Привилегированный характер детоубийства не согласуется с положениями уголовного закона о повышенной ответственности за преступления против малолетних, а также за преступления, совершенные родителями в отношении своих несовершеннолетних детей (пп. «з», «п» ч. 1 ст. 63, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Уместно напомнить, что ст. 455 Уголовного уложения 1903 г. за убийство «нисходящего» родственника предусматривала каторгу без срока или на срок не ниже 10 лет, тогда как простое убийство (без отягчающих обстоятельств) (ст. 453) наказывалось менее строго – каторгой на срок не ниже 8 лет. В РСФСР детоубийство долгое время было «дважды» квалифицированным, подпадая и под «убийство лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом» (п. «д» ст. 136 УК РСФСР 1926 г.), и под

«убийство с использованием беспомощного положения убитого» (п. «е» указанной статьи).

Таким образом, статью 106 УК РФ необходимо признать утратившей силу.

В УК РФ не нашлось место специальной статье об убийстве по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания, которое признается привилегированным в уголовном законодательстве целого ряда зарубежных стран и которое было известно Уголовному уложению 1903 года.

Квалификация рассматриваемого вида убийства по ст. 105 УК РФ представляется неоправданным и нарушает принцип справедливости, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). При таком подходе не учитывается, что убийство по просьбе потерпевшего не является насильственным преступлением и совершается по мотиву, который называют «социальным» и «гуманным». В этом заключаются принципиальные отличия данного преступления от «обыкновенного» убийства (ст. 105).

В то же время нельзя согласиться со сторонниками отмены уголовной ответственности за убийство по просьбе потерпевшего или эвтаназию. Аргументы против легализации эвтаназии давно высказаны, и большинство из них представляются справедливыми.

Таким образом, привилегизация убийства по просьбе потерпевшего позволит избежать двух весьма опасных крайностей. С одной стороны, это квалификация такого убийства по ст. 105 УК и, как следствие, его фактическое приравнивание к убийству из низменных побуждений. С другой стороны, это полное исключение уголовной ответственности за эвтаназию или убийство по просьбе потерпевшего, их декриминализация.

Предлагается дополнить главу 16 УК РФ статьей, предусматривающей новый привилегированный состав, в следующей редакции:

«Статья 105¹. Убийство по просьбе потерпевшего

Убийство заведомо неизлечимо больного лица по его добровольно и ясно выраженной настойчивой просьбе с целью избавления данного лица от вызванных неизлечимой болезнью тяжелых физических страданий, совершенное по мотиву сострадания, - наказывается...». Новый привилегированный состав целесообразно отнести к категории преступлений средней тяжести.

До тех пор пока убийство по просьбе потерпевшего не выделено в привилегированный состав, при осуждении за данное преступление следует широко использовать предусмотренные УК РФ возможности смягчения ответственности и наказания (п. «д» ч. 2 ст. 61, ст. 64, 73 и др.).

Дальнейшее расширение перечня привилегированных составов убийства нецелесообразно. Представляется, что указанные составы должны рассматриваться как немногочисленные исключения из общего правила о неприкосновенности человеческой жизни, не изменяющие отношения к этой жизни как высшей социальной ценности, а к убийству – как одному из тягчайших преступлений.

Перспективы дальнейшей разработки темы видятся:

- в совершенствовании законодательной конструкции конкретных привилегированных составов убийства;
- в исследовании проблем соотношения, разграничения и конкуренции привилегированных составов убийства (в первую очередь убийства, совершенного в состоянии аффекта, убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, и убийства, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступления);
- в исследовании проблем совершенствования системы квалифицированных составов убийства и, в конечном итоге, конструировании научно и практически обоснованной системы составов убийства, включающей как квалифицированные, так и привилегированные составы.

Приложение

Система привилегированных составов убийства в УК РФ в авторской редакции

Статья 105¹. Убийство по просьбе потерпевшего

Убийство заведомо неизлечимо больного лица по его добровольно и ясно выраженной настойчивой просьбе с целью избавления данного лица от вызванных неизлечимой болезнью тяжелых физических страданий, совершенное по мотиву сострадания,

– наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Статья 107. Убийство, совершенное в состоянии аффекта

Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, -

наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Статья 108. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, -

наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Статья 108¹. Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление

Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, -

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Список литературы

Нормативные правовые акты и иные источники права

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Гарант».

Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Конституция Российской Федерации 1993 г. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Семейный кодекс Российской Федерации 1995 г. // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в дей-

ствие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Федеральный закон от 27 июля 2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года. Ведомости СНД и ВС РФ, 1993, № 33, ст. 1318. // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс»

Постановление Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс»

Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека» (зарегистрирован в Минюсте России 12.05.2015 № 37230) // [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс»

Источники права зарубежных государств

Уголовный кодекс Кыргызской Республики (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.11.2016 г.). URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>

Уголовный Кодекс Республики Молдова (2002, с изменениями от 2016). URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>

Уголовный кодекс Испании. Под ред. и с предисл.: Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М.; Пер.: Зырянова В.П., Шнайдер Л.Г. М., 1998

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (2000, с изменениями от 2013). URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>

Уголовный кодекс Армении. Принят 18.04.2003. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>

Наказателен кодекс. URL: <http://lex.bg/laws/ldoc/1589654529>

Criminal Code of the Swiss Confederation (1937, amended 2016) (German version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal Code of the Republic of Estonia (2001, amended 2017) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal Code of the Republic of Austria (1974, amended 2015) (German version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal Code of the Federal Republic of Germany (1971, amended 2016) (German version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal Code of the Republic of Hungary (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal Code of the Republic of Bulgaria (1968, amended 2010) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/action/popup/id/8881/preview>

Criminal Code of the Republic of Serbia (2005, amended 2012) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal Code of the Republic of Montenegro (2003, amended 2011) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal Law of the Republic of Latvia (2000, amended 2013) (English version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal Code of the Principality of Liechtenstein (1988, amended 2011) (German version). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal code of the Kingdom of Sweden (1962, amended 1999) (English version).

URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal Code of the Republic of Finland (1889, amended 2015) (English version).

URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Criminal Code of Georgia (1999, amended 2016) (English version). URL:

<http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>

Диссертации и авторефераты диссертаций

Вольдимарова Н. Г. Уголовная ответственность за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2009.

Есаков Г.А. Mens Rea в уголовном праве Соединенных Штатов Америки: дис. ... канд. юр. наук. М., 2002.

Ивченко О.С. Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2002.

Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права: дис. ... докт. юр. наук. М., 1999.

Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление (уголовно-правовые проблемы): автореф. дис. ... докт. юр. наук. М., 2006.

Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юр. наук. Ярославль, 2003.

Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст.106 УК РФ): дис. ... канд. юр. наук. Ростов-н/Д, 2003.

Карлов В.В. Критерии отбора законодателем квалифицированных составов преступлений: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Свердловск, 1990.

Козлов А.П. Отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1978.

Крутов Ю.Н. Убийство при смягчающих обстоятельствах по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1967.

Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... докт. юр. наук. М., 1999.

Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: дис. ... канд. юр. наук. СПб., 1997.

Лунева А.В. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2013.

Малешина А.В. Ответственность за преступные деяния против жизни в странах общего права (на примере Англии, США и Канады): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2009.

Мачульская Е.А. Смягчающие обстоятельства – критерий индивидуализации наказания: дис. ... канд. юр. наук. М., 2010.

Серёгина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорожденного ребенка: дис. ... канд. юр. наук. Ростов-н/Д, 2004.

Соловьева Н.А. Методика расследования детоубийств: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2001.

Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2013.

Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Тасаков С.В. Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах по уголовному праву России: дис. ... канд. юр. наук. Чебоксары, 2000.

Тими́на Л.И. Ответственность за детоубийство по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1980.

Трясоумов М.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с убийствами матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2000.

Федоров А.А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006.

Шахрай С.С. Система преступлений в сфере компьютерной информации: сравнительно-правовой, социолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юр. наук. М., 2010.

Щербакова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: дис. ... докт. юр. наук. М., 2008.

Комментарии, учебники, учебные пособия

Большая российская энциклопедия. Т. 2. М., 2005.

Большая советская энциклопедия. Том 22. М., 1975.

Большая советская энциклопедия. Том 23. М., 1976.

Большой толковый медицинский словарь, 2001

История советского уголовного права. М., 1947.

Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный). Отв. ред. – Л.Л. Кругликов. М., 2005.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Под общ. ред. В.М. Лебедева. 5-е изд. М., 2008.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (том 1) (под ред. А.В. Бриллиантова). 2015. Электронный ресурс: доступ из СПС «Консультант Плюс».

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / Под ред. В. В. Малиновского, А. И. Чучаева. М., 2011.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М., 2012.

Криминальная психология: курс лекций / под науч. ред. О.Д. Ситковской. М., 2016.

Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2014.

Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. М., 2006.

Курс советского уголовного права. В шести томах. Том V. М., 1971.

Курс уголовного права. Том 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002.

Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002.

Полный курс уголовного права: В 5 т./Под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб., 2008.

Полный курс уголовного права: В 5 т./Под ред. А.И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. СПб., 2008.

Преступление и наказание: Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, А.В. Наумова. М., 1993.

Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984.

Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2008.

Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части / под ред. Н.Е. Крыловой. М., 2013.

Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник/ под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2016.

Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2014.

Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016.

Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 2017.

Монографии и статьи

Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы. Хрестоматия. Авторы-составители Ф.С. Сафуанов, Е.В. Макушкин. М., 2013.

Авдеева М. Детоубийство // Социалистическая законность, 1937, № 8.

Анианц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., 1964.

Антонченко В.В. Охрана жизни человека – приоритет действующего уголовного закона? // Мировой судья, 2010, № 6.

Антонян Ю.М. Отрицание цивилизации: каннибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм. М., 2003.

Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992.

Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997.

Багмет А.М. Противодействие преступлениям против несовершеннолетних // Криминологические основы уголовного права // Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26-27 мая 2016 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2016. С. 28.

Барков А.В. Значение, понятие, виды и принципы конструирования квалифицирующих признаков преступлений // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности в СССР. Минск, 1983.

Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев-Харьков, 1908.

Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. М., 2006.

Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М., 2013.

Боровитинов М.М. Детоубийство в уголовном праве. СПб., 1905.

Бородин С. В. Квалификация убийств по советскому уголовному праву. М., 1963.

Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966.

Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. М., 1977.

Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994.

Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб., 2003.

Бородин С., Глушков В. Убийство из сострадания // Общественные науки и современность. 1992. № 4.

Бородин С., Глушков В. Уголовно-правовые проблемы эвтаназии // Советская юстиция. 1992. № 9-10.

Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность, 2004, № 4.

Воронин А.Н. Уголовная ответственность за убийство из сострадания // Российский юридический журнал. 2000, № 4.

Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969.

Гаухман Л.Д. Уголовно-правовое значение «согласия потерпевшего» на причинение смерти или телесных повреждений // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. Выпуск 10. Киев, 1976.

Гаухман Л. Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5.

Гельфер М.А. Уголовное право зарубежных социалистических стран. Часть особенная. М., 1978.

Гернет М.Н. Детоубийство. М., 1911.

Глухарева Л.И. Уголовная ответственность за детоубийство. М., 1984.

Голоднюк М.Н. Проблемы социального и биологического в женской преступности // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 37. М., 1982.

Гродзинский М.М. Преступления против личности (Текст и комментарий к статьям 142-165, 172-179 Уголовного Кодекса) // Уголовный Кодекс РСФСР. Практический комментарий. Под ред. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. М., 1924.

Грубова Е.И. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы ответственности в российском и зарубежном уголовном законодательстве. Н. Новгород, 2009.

Дагель П. Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? // Советская юстиция, 1972, № 3

Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В. Право человека в РФ на осуществление эвтаназии // Государство и право. 2000. № 11.

Донец С.П. Квалифицированные и привилегированные составы преступлений в системе уголовно-правового воздействия. М., 2015.

Дядюн К.В. Проблемные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // «Адвокат», 2016, № 5.

Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2013.

Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006.

Жижиленко А.А. Преступления против личности. М. – Л., 1927.

Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961.

Звечаровский И. Некоторые вопросы внутриотраслевой рассогласованности норм уголовного законодательства (в аспекте задач Уголовного кодекса Российской Федерации) // Уголовное право, 2007, № 1.

Змиев Б. Детоубийство // Право и жизнь. 1927. Книга шестая – седьмая.

Змиев Б. Уголовное право. Часть Особенная. Выпуск I. Преступления против личности и имущественные. Казань, 1923.

Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М., 2005.

Иванов Н. Соучастие со специальным субъектом // Российская юстиция, 2001, № 3.

Игнатов А.Н. Дискуссионные вопросы квалификации убийств // Общество и право. 2009.

Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М., 2015.

Калманов Г.Б., Костюк М.Ф. Особенности уголовно-правовой ответственности за насильственные преступления у лиц с психическими аномалиями // «Российский следователь», 2012, № 21. Электронный ресурс: доступ из СПС «Консультант Плюс».

Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление. М., 2006.

Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь. М., 2006.

Карпец И.И. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. М., 1959.

Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973.

Козлов А.Е. Ответственность матери за детоубийство // Журнал правовых и экономических исследований. 2014, № 2.

Козлов А.П. Проблемы унификации отягчающих обстоятельств, предусмотренных Общей и Особенной частями уголовного закона // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Право. 1977. № 3.

Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004.

Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007.

Козочкин И.Д., Трикоз Е.Н. Основные принципы австралийского уголовного права // Вестник РУДН, сер. Юридические науки, 2000, № 2. С. 161-165.

Конев А.Н. Морально-правовые проблемы легализации эвтаназии. Н. Новгород, 2011

Коробеев А. Простое убийство и сложности его квалификации // Уголовное право, 2001, № 2.

Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012.

Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999.

Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata и de lege ferenda. Саратов, 1999.

Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка // Уголовное право. 2005, № 3.

Крылова Н.Е. Новый Уголовный кодекс Франции: Особенная часть // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1995, № 2.

Крылова Н.Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996.

Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2006.

Крылова Н.Е. Уголовно-правовая оценка эвтаназии // Современное право. 2007. № 1.

Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (вопросы теории). Воронеж, 1985.

Кругликов Л.Л. Преступления против личности. Ярославль, 1998.

Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (2000-2009 гг.). Ярославль, 2010.

Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003.

Кругликов Л.Л., Чернышкова Л.Ю. Уравнивающий и распределяющий аспекты справедливости в сфере уголовно-правовой охраны и ответственности женщин. М., 2013.

Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004.

Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969.

Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. М., 2007.

Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение. Воронеж, 1999.

Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2 т. Т. I. Общая часть. М., 2011.

Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. II. Особенная часть. М., 2011.

Малков В.П. Характер и степень общественной опасности в системе общих начал назначения наказания // Российская юстиция. 2008. № 9.

Маляева Е.О. К вопросу об увеличении привилегированных видов убийства // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. М., 2003.

Маляева Е.О. Колосова В.И., Маляев К.В. Уголовно-правовые проблемы медицины. Н. Новгород, 2004.

Маргулиес М.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С подстатейными выдержками из объяснительной записки и журналов Государственного Совета и подробным предметным и сравнительным указателями. СПб., 1904. С. 214-218.

Меньшагин В. Преступления против личности по проекту Уголовного кодекса СССР // Соц. законность, 1937, № 9.

Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000.

Мокринский С., Натансон В. Преступления против личности. Комментарий к VI главе // Уголовный кодекс УССР и РСФСР. Сравнительный текст и комментарий. Под ред. М. Е. Шаргея, С. А. Пригова и Ю. П. Мазуренко. Харьков, 1928.

Мурзина Л.И. Генезис уголовной ответственности за детоубийство // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2008, № 11.

Набоков В.Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. Книга I. СПб., 1903.

Наумов А.В. Мотивы убийств. Волгоград, 1969.

Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 2: Особенная часть (главы I-X). М., 2016.

Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Том I. Преступления и проступки против личности. СПб., 1876.

Огородникова Н.В. Некоторые аспекты совершенствования законодательной регламентации привилегированных составов преступлений в российском уголовном законе. // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции 29-30 января 2004 г.

Огородникова Н.В. Об уголовно-правовом статусе психического расстройства // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М.Д. Шаргородского. СПб., 2005.

Орешкина Т.Ю. Согласие лица на причинение ему вреда и его значение. Субъективное восприятие согласия лицом, причиняющим вред // Тенденции и перспективы развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства в борьбе с преступностью: Материалы Всероссийской науч. конф., посвященной памяти проф. Б.С. Волкова. Москва. 15 апреля 2011. М., 2011.

Орешкина Т.Ю. Психофизиологическое состояние субъекта как признак состава преступления // Судья, 2016, № 4.

Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб, 2001.

Павлова Н. Убийство матерью новорожденного ребенка // Законность. 2001. № 12.

Педофилия: основные криминальные черты / под ред. Ю. М. Антоняна. М., 2012.

Пионтковский А.А. Преступления против личности. М., 1938.

Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955.

Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб., 2008.

Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними (уголовно-правовое и криминологическое исследование). Воронеж, 1965.

Познышев С.В. М. Н. Гернет. Детоубийство. М., 1911. 315 стр. // Вопросы права. Журнал научной юриспруденции. Книга IX (1). М., 1912.

Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. М., 1912.

Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Т. II. Особенная часть. М., 1923.

Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001.

Радченко В.И. Хорошо сидим. Почти четверть мужского населения уже прошла тюремные университеты // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ, 2008, № 4.

Рашковская Ш.С. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. М., 1956.

Розин Н.Н. Конспект лекций по уголовному праву. СПб, 1904.

Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. СПб., 2003.

Сарыев Б. Ответственность за преступления против жизни и здоровья / Под ред. Б.А. Куринова. Ашхабад, 1973.

Сафуанов Ф. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. 1998. № 3.

Святенюк Н.И. Убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное совместно с другими лицами // Российский следователь, 2005, № 9.

Сердюк Л. Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция. 2003. № 11.

Серебренникова А.В. Основные черты Уголовного кодекса ФРГ. М., 1999.

Серебренникова А.В. Особенная часть Уголовного кодекса Германии. Общая характеристика. М., 2002.

Серебренникова А.В. Преступные деяния против жизни по УК ФРГ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1997, № 3.

Ситковская О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий. М., 2009.

Соловьева Н. Психотравмирующая ситуация: значение для квалификации детоубийств // Законность. 2006. № 8.

Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Невменяемость в уголовном праве. М., 2013.

Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб., 1871.

Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Том I. СПб., 1902.

Тадевосян В. Об уголовной ответственности за преступления против детей // Советское государство и право. 1940. № 8-9.

Тасаков С.В. Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство // Российская юстиция. 2003, № 2.

Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969.

Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 2007.

Ткаченко В.И. Составы преступлений с отягчающими обстоятельствами // Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью (вопросы теории, истории и практики). Сборник научных трудов. М., 1988.

Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Уголовная ответственность за убийство. М., 2014.

Точеный М.Д. Ответственность за убийство, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Тольятти, 2009.

Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951.

Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки Редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. Издано Н.С. Таганцевым. СПб, 1904.

Утевский Б.С. Уголовное право. М., 1950.

Фойницкий И.Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1907.

Чернышева Ю.А. Причинение смерти лицу по его просьбе. М., 2011.

Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001.

Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1.

Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947.

Шевченко И.С. Потерпевшие от тяжких насильственных преступлений, совершаемых женщинами // Общество и право. 2009. № 4.

Широков К.С. Согласие лица на причинение ему вреда как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Хабаровск, 2010.

Материалы судебной практики

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 мая 2003 г. по делу № 16-о03-32

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 15 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах»

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)»

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»

Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 23 апреля 2010 г. № 44у-30/10

Справка Иркутского областного суда о результатах обобщения судебной практики применения положений части 2 статьи 14 УПК РФ (малозначительность деяния). URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»

Интернет-публикации

Беглый особо опасный преступник вновь помещен в «санаторий» УФСИН.

URL: <http://www.vzsar.ru/news/2016/04/21/beglyi-osobo-opasnyi-prestypnik-vnov-pomeschen-v-sanatorii-yfsin.html>

Бельгия разрешила детскую эвтаназию. URL:

<http://www.rbc.ru/society/13/02/2014/570417739a794761c0ce6916>

Большинство россиян не против гражданского брака. URL:

http://deti.mail.ru/news/bolyshinstvo_rossiyan_ne_protiv_grazhdanskogo_b/

В Новомосковске пенсионерка из жалости убила своего мужа. URL:

<http://incidents.com.ua/dnepropetrovsk/4002.html>

Парламент Венгрии принял новый уголовный кодекс. URL:

<http://www.hungary-ru.com/?mode=news&id=4445>

Первый случай в практике: Бельгия провела эвтаназию ребенка. URL:

<http://www.mk.ru/social/2016/09/17/pervyy-sluchay-v-praktike-belgiya-provela-evtanazyu-rebenka.html>